

Каким он был

- Вступление
- Рябов Петр. Он был...
- Дамье Вадим. Человек глубоко левой культуры
- Трусевиц Ольга. Встречи в «Мемориале»
- Вайнманн Утэ. Он верил в способности людей что-то менять
- Федотова Ирина. Когда мы познакомились...
- Рябов Петр. «Вяселка»-1998: краткий очерк антиатомной анархической кампании
- Леонтьев Ярослав. Маркелов был романтиком
- Былевский Павел. Корифей левой правозащиты
- Митина Дарья. У него было обостренное чувство справедливости
- Ракитский Борис. Они истребляют надежду народа, его заступников
- Кудюкин Павел. Левые потеряли очень мощного потенциального лидера
- Лозован Дмитрий. Поездка в Назрань
- Кучинский Максим. Стас всегда ориентировался на позитив
- Витни. Из блога ЖЖ. Воспоминания
- Желенин Александр. Муравинские четверги
- Рублев Дмитрий. Стас - каким я его запомнил
- Ганнушкина Светлана. Мальчик со светлым взором
- Пономарев Лев. Он запомнился человеком думающим
- Щербакова Людмила. Он не умел смотреть сверху вниз
- Таубина Наталья. Сотрудничество с фондом «Общественный вердикт»
- Санникова Елена. Оставшиеся без защиты
- Бергалиева Ирина. Есть такая работа - быть последней надеждой
- Чирикова Евгения. Защита Михаила Бекетова - защитника Химкинского леса
- Сызганов Василий. Так пересеклись наши пути
- Измайлов Вячеслав. В Стасе и Наташе я видел продолжателей дела Анны
- Черкасов Александр. На передовой

- Тарасевич Григорий. Розовая зрелость
- Франческа (Ольга Иванова). Из блога ЖЖ. Воспоминания
- Яковлева Наталья. Он попрощался ненадолго...
- Алленова Ольга. Портрет: Анастасия Бабурова и Станислав Маркелов
- Тупикин Влад. Устный доклад про Стаса и Настю
- Голованов Василий. Viva, анархия!
- Эпилог
- Краткие сведения об авторах воспоминаний

Вступление

Вследующем разделе сборника собраны воспоминания о Станиславе Маркелове. Их писали очень разные люди. Разные по своим взглядам и по своим занятиям: правозащитники и экологи, социал-демократы и анархисты, либералы и коммунисты. Разные по степени своего знакомства со Станиславом, по степени своей близости к нему. Одни знали Стаса в течение долгих лет, другие всего лишь несколько раз встречались с ним. Одни были его соратниками по правозащитной деятельности, другие – его идейными единомышленниками, третьи больше знали его в «частной жизни».

Оттого и воспоминания о Станиславе получились такими мозаичными, разными по своей стилистике, акцентам, размерам. У кого-то это краткая зарисовка, у кого-то – подробная статья. Мы, составители сборника, старались как можно меньше редактировать собранные нами тексты. Ведь они, в своем многообразии и многоголосице, представляют Станислава с различных сторон: такого разного и такого цельного человека. (Хотя, конечно, и здесь сказано о нем далеко не все и не всеми, от кого бы нам хотелось получить воспоминания). Но не меньше, чем о Станиславе, эти воспоминания говорят о нас с вами, об общественном движении, о России, о жизни, в которой Станислав оставил такой заметный след.

Рябов Петр. Он был...

*Ты никогда не будешь старым
Угрюмым мрачным ворчуном,
Понявшим: жизнь пропала даром
И сожалеющим о том.*

*Но вечно юным зубоскалом,
Жизнь превратившим в карнавал,
Успевшим совершить немало,
Убитым в спину наповал.*

28 января 2009 г.

Не каждого

– Ну и ну! – громко возмущался рядом со мной пожилой полный мужчина в сером пальто. – Дожили! Выходит, каждого из нас могут вот так вот запросто в центре Москвы среди белого дня застрелить из пистолета!

– Не каждого. Каждого не нужно, – тихо отвечаю я. – Это еще надо заслужить.

Он замолчал и угрюмо задумался.

Дело было на Пречистенке, около дома № 1, двадцатого января 2009 года около тринадцати часов.

Две смерти: 2009–1989

Декабрь 1989 года.

Москва хоронит академика Андрея Сахарова. Действительно – вся Москва. (Где-то сейчас эти сотни тысяч людей, куда они подевались? Или в них что-то куда-то подевалось?) Это не преувеличение. Тысячи, тысячи, тысячи людей в жуткий мороз, зябко кутаясь, поживаясь, тянутся длинным-длинным шествием по молчащим улицам. Ощущение дикого, смертельного холода и холодной тоски. Но и какой-то светлой грусти. Умер тот, кого многие называли «совестью России». Умер в пожилом возрасте, в своей постели, на пике славы и признания, в разгар борьбы. Неугомонный Евгений Евтушенко разразился стихотворением, которое в виде листовки покрыло стены города. Из него помню две строчки:

*Мы потеряли Первозванного,
Который Правдой Русь крестил.*

Пусть, как обычно у Евтушенко, – напыщенно, высокопарно и безвкусно, но так, и правда, чувствовали многие: «Совесь наша умерла».

Стаса Маркелова мы все считали «нашим защитником». Как же это удобно: один человек – твоя совесть, другой – твой защитник. Но когда они уходят – что остается? Самому быть себе совестью, самому быть себе защитой? Но как это?

Итак, декабрь 1989-го. Тоска и надежда. Нас много, мы победим. С нами вся Москва, весь народ. Сахаров умер, пожив достойно и долго, его дело будет продолжено. Его «Карфаген должен быть разрушен!», возглашаемое с трибуны Съезда народных депутатов, скоро сбудется. Карфаген будет разрушен.

А вот – январь 2009-го. Москве нет дела до Стаса и Насти – убитых такими юными. Москва не знает, не желает знать о них. Мало ли убивают адвокатов и журналистов. Москва реагирует, как Швейк на убийство в Сараево: «Кого надо, того и убили».

На Пречистенке – негустая толпа потерянно жмется у обочины под недовольными взорами милиционеров. Свечи на снегу, на каплях крови. Милиционеры охраняют – то ли нас, то ли – от нас.

Я пытаюсь представить себе, что было бы, если бы сюда пришли вдруг все друзья и знакомые Стаса; все те, кого он согревал своим буйным хохотом; кому помог, как умел – по-адвокатски или по-человечески: все социал-демократы, анархисты, правозащитники, антифашисты, отказники от воинской службы, участники экологических лагерей «Хранителей Радуги», Прямухинской Вольной Артели, «Мемориала». Если бы пришли и встали вокруг все те, кого Стас защищал: зверски избитые ОМОНОм сотни жителей башкирского Благовещенска, химкинцы, борющиеся за спасение своего леса, рабочие целлюлозно-бумажного комбината в Советске под Выборгом, захватившие свой завод (власти применили против них оружие), родственники мирных чеченцев, замученных российскими военными... Если бы они все собрались и вышли на эту улицу – неужели ничего бы не изменилось в мире?

«Две смерти» – так называлась одна из последних статей Стаса. В ней он сравнивал подобострастную и лицемерную реакцию российского общества на смерть высшего церковного иерарха и реакцию греков на убийство полицией мальчика-анархиста. Сравнение выходило явно не в пользу России. «Две смерти» – название пророческое. И я невольно сравниваю нашу реакцию – реакцию общества и свою – на другие две смерти: тогда, в декабре 1989 года, и сейчас, в январе 2009-го.

Миф

Долговязая фигура, зычный хрипловатый и теплый голос, раскатистый, буйный смех. Шутки-прибаутки. Бесшабашная бравада. Колоритные фразочки, вроде: «Да что нам, кабанам лесным?» Ему и в самом деле море по колено или так только кажется? Галантность в отношении к барышням. Дружелюбие. Хипповские словечки: («герла», «пиплы», «ксивники» и пр.) обильно и подчеркнута стильно украшают речь. Речь – вкусная, игривая, переливающаяся. Безуспешные попытки острыми разухабистыми словами слегка смягчить свой, рвущийся наружу, пафос романтика, прикрыть чересчур явную доброту и сентиментальность.

Стас, между прочим (это мне кажется важным!), очень увлекался мифологией. В Прямухино читал нам лекции о мифологических героях русских сказок – Бабе Яге, Кашее Бессмертном, вскрывая их архетипическую природу, очень любил читать сказки народов мира – не адаптированные для детей, а неприглаженные, аутентичные, часто жутковатые. Он всегда интуитивно тянулся к Мифу. Миф оформляет мир, структурирует и оживотворяет его, задает миру смыслы. Назвать вещь, наречь ее – значит: создать.

Стасу, как мифотворцу, не было равных в наречении людей, в придумывании прозвищ. Этот балагур, острый на язык, давал своим друзьям и знакомым клички («погонялова» – говорил Стас), прилипавшие намертво – точные, сочные, выразительные. Как-то я сказал ему то же, что княжна Мэри сказала Печорину: «Я предпочел бы попасться в лесу на нож разбойника, нежели тебе на язык». Я всегда радовался, что не получил от Стаса никакой клички (а сейчас даже жалею – вот и еще что-то осталось бы во мне от него). Но среди нас сейчас ходят, пожизненно нареченные Стасом: Наташа-«Ватрушка», Рита-«Лобстер», Оля-«Гангрена». А вот «Атамана» уже нет... – так Стас нарек Игоря Подшивалова¹, с которым подружился в Прямухино в 1996 году.

Вообще, он очень любил языковые игры – не только из любви к Мифу, но и от избытка, игровой полноты творческих сил. Помнится, в Прямухинской Вольной Артели 1996 года Стас, только что закончивший вуз, стал заводилой и вожакom целой тусовки анархо-панков и постоянным лектором на наших вечерних собраниях. Он знал исключительно много и мог рассказывать то про историю социализма, то про мифологию, то про хипповскую Систему, то про эстетическую утопию Рихарда Вагнера, – хотя любил прикидываться невеждой. Так вот, в Прямухино 1996 года мы развлекались со Стасом весьма оригинальной забавой, а именно: русско-русскими переводами. Я говорил какую-нибудь «заумную» философскую фразу. Стас делал вид, что не понимает ее смысла (он любил пользоваться личинами – то невежды, то принципиально «беспринципного» и «безыдейного» человека, то brutального апологета хаоса, – это было частью игры), я делал вид, что верю ему и терпеливо растолковывал, после чего он... переводил ее на хипповский слэнг. Как и следовало ожидать, выяснялось, что слэнг хиппи не оченьто пригоден для высокой философии.

Но было весело. Судите сами. Например: «Категорический императив Канта, – говорил я, – гласит: поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать принципом всеобщего законодательства». Стас переводил: «Двигай так, чтобы твои заморочки в натуре пришлись по кайфу пипловой тусовке». Или: «Все действительное – разумно, все разумное – действительно» (Гегель). Стас: «Все, что в натуре – по кайфу, все, что по кайфу – в натуре!» Или: «Я агностик, но не солипсист» (последнее изречение принадлежало мне). Стас: «В

астрал врубаться беспонтово, но по жизни меня не глючит».

Последним его переводческим шедевром был Вольтер, чье изречение было партийным девизом Демократического Союза: «Ваша точка зрения мне глубоко ненавистна, но я готов отдать жизнь за ваше право ее высказать». В Стасовой редакции эта максима звучала так: «Твои заморочки мне в облом, но я кинусь, чтобы ты мог толкать свои телеги»...

И этот-то хиппарь, весельчак, задушевный балагур, неформал до мозга костей, любивший и ночные разговоры тет-а-тет, и авантюры – сорваться и бежать куда глаза глядят сломя голову, – мог быть совсем другим. Своим – в неприятном, холодном и грязном казенном мире оперов, прокуроров, следователей. Застегнутый на все пуговицы, отлично ориентирующийся в любой ситуации, уверенный в себе, надежный, подтянутый, бесстрашный, раздающий интервью и проводящий прессконференции на чистейшем и литературнейшем русском языке.

Как ему это удавалось? Чего ему это стоило? Он мог совмещать человеческое тепло, чистоту и сентиментальность с жесткой и страшной работой «законника», не допускающей сантиментов и оперирующей только статьями и сроками? Как удавалось столько всего успевать, со столькими общаться, столько знать (история, мифология, религия, литература, право)? Как удавалось, будучи таким деловым, эффективным, в нечеловеческих условиях оставаться живым и человечным? Стас доказал: можно быть глубоко идейным человеком, не будучи партийным фанатиком, можно быть адвокатом и оставаться порядочным человеком. Но что он «доказал» своей гибелью? В любом случае, можно сказать одно: он и жил не напрасно, и погиб не случайно. Он состоялся как человек, прожив короткую, но по-своему совершенную – завершённую жизнь. Теперь он ушел в Миф.

«Криминальный медик»

С самого начала знакомства со Стасом у меня связывались какие-то веселые, дурашливые, карнавальные ассоциации. Хотя обстоятельства нашего знакомства не располагали к веселью. Начало октября 1993 года. Разборка двух ветвей власти в РФ, переворот Ельцина и контрпереворот Хасбулатова – Руцкого, привели к нешуточному кровопролитию в Москве.

Горстка социалистов и анархистов, которым были глубоко противны обе высокие стороны конфликта, но не безразличны его жертвы, по инициативе энергичного социалиста-народника и историка Ярослава Леонтьева организовала санитарную дружину имени Максимилиана Волошина. Наша дружина, оформилась 2 октября на баррикадах Смоленской площади, 3-го октября помогала раненым на Крымском мосту и у мэрии (где зазвучали выстрелы). Потом часть наших товарищей поехала в Останкино и попала в кровавую мясорубку. Здесь, в сандружине, мы и познакомились со Стасом, – студентом-юристом, типичным хиппи (со смешным хвостиком волос и банданой на голове). По его собственному выражению левым социал-демократом (ЛСД – забавная аббревиатура).

Он сразу же, без разбега, начал меня мило вышучивать. Получалось у него это весьма элегантно – тонко, интеллектуально и не обидно. Для начала он назвал наш журнал (журнал

Конфедерации анархо-синдикалистов, в которой я еще состоял) «Община» – «Община», с явным ударением на первый слог. Казалось бы, какая разница, – на какой слог ударять? Но дело в том – и мы оба это отлично понимали, – что на первый слог «ударялся» заграничный журнал Сергея Нечаева, что было для меня прямо-таки оскорблением. Мы – нечаевцы? Ну уж нет! Я сперва не знал, чем ответить Стасу.

Скоро нам стало не до шуток. Стас жил в Останкино, и та часть нашей сандружины, которая поехала к телецентру, сделала его квартиру своим временным «штабом». Стас, по рассказам товарищей (сам я в Останкино не попал), мужественно помогал раненым. Потом помогал носить и грузить убитых. Ничего себе испытание – для девятнадцатилетнего мальчишки!

Вообще, он был очень смелым человеком. Не скажу: бесстрашным. Говорят, смелый – не тот, кто не боится, а тот, кто умеет преодолевать страх. Стас постоянно оказывался в опасных ситуациях – и тогда, в Останкино, и позднее, когда он вновь и вновь брался за смертельно опасные дела, но как-то умел всякий раз преодолевать страх. При этом он не терял голову. Однажды – он был защитником по делу Новой Революционной Альтернативы – отчаявшись сладить с ним, ФСБшники поставили его перед дилеммой: или он выходит из дела, или сам садится по нему. Стас сделал разумный выбор. Пять лет назад, весной 2004 года, на него напали в вагоне метро... Попал в больницу... Для многих этого «первого звонка» было бы более чем довольно. Но не для Стаса.

Вернусь к 1993 году. Вскоре после октябрьских событий я смог отплатить Стасу полновесной монетой за его кощунственные шуточки в отношении нашего прекрасного журнала. В воспоминаниях о санитарной дружине имени Максимилиана Волошина (напечатанных в сибирской газете «Версия» при помощи Игоря Подшивалова) Ярослав Леонтьев, инициатор и избранный командир сандружины, допустил замечательный «ляп». Он написал, что в нашей сандружине почти не было квалифицированных медиков, вот разве только студент-юрист Стас Маркелов, изучавший и занимавшийся «криминальной медициной». Великолепная оговорка! Разумеется, Стас изучал в вузе «медицинскую криминалистику». Ярослав же назвал его «криминальным медиком», что в Уголовном кодексе соответствовало ровно одной статье – незаконное совершение абортов! С тех пор, когда Стас чересчур уж доставал меня своими шуточками, я находил-таки на него управу и начинал дразниться в ответ: «Криминальный медик, криминальный медик!»

«Что у пьяного на языке...»

Вспоминаю. В январе 1998 года мы готовили антиатомный марш в Беларуси (против строительства АЭС). Стас был в числе организаторов. Более того: сама идея марша принадлежала ему (подразумевалось, что в ходе марша мы создадим белорусский клон «Хранителей Радуги», укрепим революционные связи между Беларусью и Россией и... дадим Стасу отличный дополнительный повод ездить в Минск к девушке Галинке, через пару лет ставшей его женой: вот вам и «личное есть политическое»). В начале нового года Стас несколько дней бурно отмечал праздники в кампании «Хранителей Радуги» на одной квартире в Москве. Выпито было немало. Между тем было назначено собрание по

антиатомному маршу дома у нашей хорошей знакомой, сочувствующей анархистам, Иры Ф. Мы с ней сидим, беседуем о перспективах революции – Стаса нет. Час, два, три. Вдруг резкий звонок в дверь. Дверь открывается. Пьяный-пьяный Стас Маркелов врывается в квартиру с истошным криком: «Суки – они Макса арестовали!»

И вот что выясняется, хоть и не сразу. После долгих возлияний Стас и один из вожаков «Хранителей Радуги» Макс К. пошли в метро. Стас честно собирался ехать к нам на встречу, хотя был сильно под мухой. Но злая судьба сулила иное. При входе в метро Макс узрел наряд милиции и почему-то анархическим инстинктом решил бежать от него. Однако выпитое вино и несколько сотрясений мозга, полученных в предыдущих экологических лагерях протеста, сыграли с ним свою злую шутку: Макс как-то сбился с курса и побежал прямо на торжествующих ментов. Его схватили и поволокли в отделение. Стас героически врывается в отделение, показывая свое адвокатское удостоверение. Милиционеры выставляли его за дверь, не отдавая свою добычу. После этого Стасом овладели два страстных и упорных желания: помочь задержанному товарищу и все же доехать во что бы то ни стало до нашего экологического собрания. И то и другое в его нетрезвом состоянии совершить было почти невозможно. Он плохо помнит, где успел побывать, добираясь с «Курской» до «Проспекта Вернадского». Несколько часов он ездил по московскому метро и наконец добрался до нас – без паспорта, денег и адвокатского удостоверения. Их он утратил по дороге, но дошел!

Когда Ира загнала бушующего Стаса в ванную и он, встав под душ, горячо отфыркивался и матерился так, что Ира сочла необходимым отправить свою юную дочь в самую отдаленную от ванны часть квартиры, я подумал (возможно, это неверное рассуждение, но мне, как неисправимому трезвеннику, приходится здесь опираться только на логику и данные литературы): какой все-таки замечательный и надежный человек Стас Маркелов! Ведь, говорят, в пьяном состоянии душа человека обнажается. И в его сознании, омраченном алкоголем, жили два стремления, всецело завладевшие им: выполнить свой долг (во что бы то ни стало доехав до нас) и помочь попавшему в беду товарищу.

Быть, а не иметь

Жизненная энергия переполняла, распирала Стаса, бурлила в нем, выплескивалась наружу. Он был очень талантливым, неугомонным. Вынужденный, став адвокатом, надеть маску «цивила» и «серьезного делового человека», обрезать заветный хвостик волос, он с нами, друзьями – разряжался по полной, бесился, как ребенок на анархоелках. Однажды он доигрался: наш товарищ В.П., взясь со Стасом, невзначай повредил ему колено, и Стас неделю лежал в больнице; в другой раз на анархоелке Стас поднял меня на руки, естественно, уронил и... сломал мной валик дивана у многострадального Димы Алейника, хозяина квартиры, отданной на разрушение празднующим елку анархистам. Выезжая с нашей компанией на ежегодные празднования Ивана Купалы, Стас непрестанно носился, как сумасшедший лось, по лесу, заготавливая – чуть ли не тоннами – дрова для костра, а его гогот был слышен на всю Владимирскую область. Возможно, лишь появление двух детей слегка «остепенило» его, да и то вряд ли.

Вообще, его особой манерой было непрестанно заботиться об окружающих, помогать им. (Возможно, и адвокатская работа отчасти стала удовлетворением этого его инстинкта.) Когда была такая возможность и необходимость, он селил людей у себя дома, если им некуда было пойти. Летом 1997 года в Москве высадился многочисленный десант немецких автономов, и они надолго засквотировали и обобществили его квартиру. Коммуникабельность, общительность, открытость, взаимовыручка были органически присущи Стасу. Он очень любил готовить и чуть ли не принудительно закармливал гостей на убой. Это была одна из его любимых игр, при том, что сам он ел немного, был тощим вегетарианцем, крайне непритязательным в быту, и даже по-спартански спал на полу.

Особенно меня поражало его «сверхсоциалистическое» безразличие к собственности. Я тоже, в общем-то, не занимаюсь накопительством вещей. Но есть пунктик, по которому Эрих Фромм точно не одобрил бы меня, констатировав стремление «иметь, а не быть». Это – книги. Их я собираю давно, превратив свой дом в огромную библиотеку. Так вот, когда Стас со своей подругой-супругой Галинкой лет десять назад переезжали на другую квартиру (они долго кочевали по Москве, снимая жилье), они решили раздать Стасовы книги (в количестве около тысячи) в хорошие руки. В основном, раздали их мне. Мои руки были сочтены хорошими. (Также мне был отдан интереснейший архив Стаса, и потом, при встречах Стас всегда вручал мне еще по папочке – вдогонку.)

Пацифист-«полпотовец»

Надо заметить, библиотека у Стаса была отменная и, как всякая долго собираемая библиотека, очень много говорила об интересах и склонностях своего хозяина. Сотни книг по истории и философии. Книги очень редкие, специальные, подобранные со вкусом. В том числе особая, великолепная коллекция книг вековой давности по истории социал-демократии: Каутский, Лассаль, Бернштейн, Плеханов. Я даже на миг пожалел, что не являюсь социал-демократом и не могу вполне насладиться этим богатством. Видно было, как Стас глубоко, серьезно и основательно собирал эти книги по букинистам. И вот – в один миг взять и отдать все в чужие руки! Что это: благородная щедрость и доброта души, полное безразличие к обладанию чем-либо, мудрое и легкое отношение к жизни? Думаю, всего понемногу. «Умеющий ходить, не оставляет следов» (Лао Цзы).

И еще. Очень редкая и ценная подборка книг по пацифистским движениям, антимилитаризму, миротворчеству. Пацифизм был одним из главных убеждений Стаса (наряду и вместе с социализмом, экологизмом, антифашизмом, коммунитаризмом, вегетарианством). На словах Стас любил отрешиваться от любых «измов», но тем глубже и серьезнее относился к этим ценностям на деле. Все это было не «его» убеждениями, которые можно было при случае поменять или продать. Это было – им самим, его природой, его сутью. Неслучайно Стас так часто и так охотно защищал в судах, как адвокат, отказников от воинской службы или жертв российской военщины на Кавказе.

Но Стас не был бы Стасом, если бы и к этому «изму» он не отнесся бы антидогматически и иронично. В Прямухинской Вольной Артели 1996 года (и предыдущего и последующих годов) мы издавали ради забавы рукописную газету «Прямухинская Гармония». Любой член

артели мог писать в нее статьи, стихи, фельетоны, рисовать картинки – в меру своей фантазии и талантов. Лишь один раз за несколько лет один человек был «официально» отстранен мной от возможности писать в газету. Этим человеком, этим еретиком и скоморохом, разумеется, был Стас, совершивший акт веселого хулиганства. Этот пацифист, ненасильник и демократический социалист взял да и исписал целый лист «Прямухинской Гармонии» всякими кровожадными призывами, самыми мягкими и «пацифистскими» из которых были: «Нового мира оплот дал нам товарищ Пол Пот!» или «Пусть светочи разума из интеллигентов светят нам с фонарей!» (цитирую по памяти). Такова была его неумная, озорная натура, совершенно не укладывающаяся в мое стандартное представление о социал-демократах: скучных, серьезных и бескрылых оппортунистах. Ну что мне оставалось делать? Пришлось запретить этому «провокактору» писать в нашу милую газету! (Кстати, о товарище Пол Поте Стас знал немало и даже как-то сделал на «Муравинских четвергах»¹ вполне серьезный и глубокий доклад о жуткой истории Кампучии). «Муравинские четверги» – домашний семинар московских анархистов, проходивший с 1991 г. по начало 2000-х.

Но, если не считать подобных шуточных эксцессов (а как их не считать?), Стас был пацифистом. Да, он защищал революционных террористов (большевиков и анархистов) из Новой Революционной Альтернативы и Реввоенсовета (которые, впрочем, никого не убили и не ранили, а производили лишь символические акты против наиболее одиозных учреждений и символов режима: памятников, военкоматов, приемной ФСБ), защищал радикальных антифашистов, довольно далеких от пацифизма (Шкобаря – Олесинова). Но сам он, конечно, был бесконечно далек от насилия. И все же именно этот пацифист оказался на передовой в страшной войне между властью и обществом. Его не могли победить в честном и открытом бою и – подло застрелили со спины.

«Мой дом +. Иван»

Стас был органическим, интуитивным антифашистом и антинационалистом. Полуполяк-полурусский по происхождению, космополит по духу, он очень любил Беларусь: часто ездил туда, выучил белорусский язык (хотя вообще к языкам был не очень склонен), восхищался и увлекал других поэзией Янки Купалы, прекрасно знал белорусскую историю, делал на наших кружковых собраниях – «Муравинских четвергах» доклад о белорусском менталитете, отлично разбирался в общественной жизни в Минске.

Но вот что показательно: если он на дух не переносил русского национализма, фашизма, и всегда загорался возмущением, когда с ним сталкивался, то точно так же он относился и к национализму белорусскому (вообще, к любому национализму). Помню, меня впечатлил и позабавил его рассказ о том, как он однажды попал на демонстрацию белорусской национал-демократической оппозиции. Члены Белорусского народного фронта несли плакаты «Чемодан-Вокзал-Россия» и дружно скандировали что-то вроде: «Иван, пошел домой!» И вот Стас, этот космополит, из гущи враждебной колонны в одиночку начал громко и упрямо кричать с риском для здоровья: «Мой дом здесь! Иван». Один против всех.

Незаменимость

Воспоминания переполняют душу, теснят грудь, разрывают сердце. Вспоминаются его сердечность, буйная веселость, неугомонность, доброта, ум, быстрота импровизации, артистизм, стремительность реакции, смелость... Человек состоялся – если он незаменим в этом мире, если он делает то, что никому кроме него сделать.

«Незаменимых людей у нас нет» – это сталинское изречение уж точно не про Стаса. Кто еще внесет свет и веселье в десятки компаний – таких разных? Кто еще заразит буйным задушевым хохотом и серьезно объяснит, что к чему? К кому еще активисту-общественнику обратиться в тяжелый час с твердой уверенностью – этот до конца свой, этот точно квалифицирован, самоотвержен, надежен, бескорыстен, едва ли не все силен против всепильной репрессивной системы, этот поможет? Кто еще свяжет между собой столько сред и тусовок?

Можно попытаться обмануть себя и других, в жалкой бравате говоря о «маркеловском призыве» в адвокатуру, о том, что «Стас Маркелов – имя России» (а Россия об этом знает? а Россия этого имени заслуживает?), о том, что мы «продолжим его дело» и т.д. Все это можно говорить – но... ведь это неправда.

В человеческом братстве-сестринстве, в общественном движении – дыра, рана, зияющая брешь. Он был собой, был единственным, был незаменимым.

Кто и за что?

Всегда он защищал нас, а мы его не сумели защитить. Могли ли?

За что его убили и кто?

Мы никогда не узнаем (по крайней мере, до Революции), кто конкретно и за что конкретно его убил. И все-таки все мы уже сейчас знаем это. Его убили за то, что он высывался, не боялся, не прятался, не реагировал на угрозы в парализованной страхом стране. Он был везде, где появлялись точки роста и зародыши общества, где возникали очаги сопротивления государству и капитализму. Кто его убил? Его убил тот, с кем он всю жизнь благородно и самоабвенно боролся, от кого защищал людей, кому оппонировал. Его убило Российское Государство – как бы в этом частном и конкретном случае оно ни называлось: бандой фашистов, чекистами или офицерами, обиженными за Державу, или мафией, нанявшей киллера. Для Государства человек всегда был ничем, а Держава и деньги всем, для Стаса – ровно наоборот.

И вот его убили – не ночью в подворотне, но демонстративно, не таясь, нагло, при свете дня, в центре Москвы. Человеческая жизнь ничего не стоит у нас. Это знак, это вызов. Кому? До востребования. Всем, кто еще не спрятался, не испугался, не забился в угол, не перестал быть человеком.

И конечно же, нелепо – просить государство: в лице милиции, прокуратуры и следствия расследовать это убийство. Государство ничем не обязано Стасу. И он ничем не обязан ему. Кроме этой пули в затылок.

Ангел-«хранитель»

Очень показательно, что защитники Химкинского леса думают, что Стаса убили за его участие в этом деле. Другие убеждены в том, что его убили за защиту интересов родителей Эльзы Кунгаевой против ее палача полковника Буданова или за сходное дело «Кадета» (офицера Лапина, убийцу мирных чеченцев). Третьи так же убеждены в том, что причина убийства – защита Стасом антифашистов. Четвертые, – что он убит за свое участие в весенней 2008 года кампании анархистов против милицейского произвола... А были еще дела НРА и Реввоенсовета против следователей ФСБ, было участие в деле защиты рабочих ЦБК в Советске под Выборгом, был «перепоротый» ОМОНОм Благовещенск. И еще – десятки дел больших и малых (антифашистских, антимилитаристских, антимилицейских, экологических). А еще: выступления на митингах, острые и резкие статьи, основанный Стасом Институт верховенства права, боевой студенческий профсоюз середины 1990-х «Студенческая защита» (Стас был одним из его вожаков), организация анархических экологических лагерей протеста (Волгодонск-1996, Нижний Новгород-2008, антиатомный марш «Вяселка» в Беларуси в 1998 году), участие в Прямухинской Вольной Артели (1996 и 2001 год) и в Прямухинских чтениях 2007 года, поездка на Социальный Форум в Мальме осенью 2008 года.

Стас был поистине Ангелом-«Хранителем» (если учесть его участие в движении «Хранители Радуги») для общественного движения, не политиком (ибо никогда не стремился к власти, не участвовал в играх в «выборы»), но идейно мотивированным человеком, общественным деятелем, адвокатом с более чем определенными убеждениями (и оттого – белой вороной в адвокатской среде), связующим звеном для множества инициатив и тусовок. Его убеждения были неотделимы от его человеческих качеств; его бытовая повседневность, общественная активность и адвокатская работа были единым целым. Он был очень цельной личностью, при всей своей многогранности. Работа адвоката была для него не службой, а служением – органичной частью деятельной, неравнодушной, яркой, артистичной и отзывчивой личности, воплощением его убеждений, частью общественной деятельности – частью важнейшей, но далеко не единственной.

Не жертва!

На вечере памяти Стаса и Насти на девять дней в Сахаровском центре одна из украинских анархисток – «хранительниц радуги» славно и просто сказала: «Стас не был жертвой!». Нет, хотя его и Настю убили подло и внезапно, они не были жертвами и уж тем более не были жертвами случайными. Это очень важно понять.

Пацифист и органический противник всякого насилия Стас Маркелов погиб в бою, на войне. С одной стороны: бесчеловечная машина Государства, власть имущие, богатые, чиновники,

ФСБ, олигархи, милиция, политики всех мастей, журналисты и адвокаты, обслуживающие Власть. С другой – обычные люди: разрозненные, запуганные, униженные, ограбленные, оболваненные, но пытающиеся кое-где и кое-как сопротивляться и объединяться, отстаивая свое человеческое достоинство. Ломаная и рваная Горизонталь Общества против обнаглевшей и монолитной Вертикали Власти. И роль Стаса в этой борьбе была выдающейся, важной, незаменимой. Он был редчайшим примером вымирающей породы адвокатов, служащих обществу и людям, а не олигархам (как все эти прикормленные и придворные Астаховы, Барщевские, Кучерены, да супермодные, гламурные Резники и Падвы... имя им легион), точно так же, как Настя пыталась быть журналисткой, служащей людям, а не обслуживающей интересы сильных мира сего.

Стас был по своей сути «неформалом» перестроечного разлива – свободным, ироничным, живым, великодушным, веселым, самоотверженным, – который долго и успешно маскировался под адвоката, пытавшегося соблюдать все правила нечестной и неравной игры. Его последняя речь, ставшая своего рода Завещанием (потом с нее начинались митинги в его память), открывается словами: «Я устал...» Устал бороться за правду? Нет, конечно! Устал играть по правилам игры, которые нарушаются всеми другими игроками, устал играть в «законность» и в «правосудие» в стране тотального и циничного насилия. Мне кажется, этот пацифист и левый социал-демократ был близок к тому, чтобы перейти к отнюдь не эсдековским, и отнюдь не пацифистским правилам игры. Сама жуть жизни толкала его к признанию прямого действия и нелегальных форм борьбы. Последние его статьи и выступления прямо говорят об этом. Смерть остановила его на самой грани.

Гибель Стаса и Насти заставляет меня задать себе и всем, но прежде всего, все-таки себе, вопрос: да, у нас есть идеалы, да мы готовы бороться и жить ради них. Но готовы ли мы, готов ли я умереть ради них? Не знаю.

Братство

Публичное отречение от всего того, что делал Стас, что было ему дорого, чем он жил и «ради чего» погиб (если так можно сказать), со стороны его брата – политика Михаила Маркелова («не надо политических заявлений», «не надо пиара на крови», «не надо речей на похоронах» – схоронить, поскорее закопать тело и все!) – заставляет вспомнить христианскую истину о том, что есть «братство по крови» и есть «братство по духу». Разве попытка объяснить, кем был Стас и почему его убили – это «пиар на крови»? Хорошо было сказано на одном из митингов: «Настоящая семья Стаса – это мы».

Мы живем в такое «чудесное» время, когда только о мертвых можно говорить все до конца, не боясь навредить им. Как-то в конце 1990-х мы напечатали в анархическом теоретическом журнале «Наперекор»¹ статью Стаса Маркелова о политической ситуации в Беларуси, дав его подпись. Он расстроился, поняв, что это могло помешать его адвокатской работе. Только смерть открывает значение человека. Обычно – нет времени и повода задуматься о близких. Как редко мы пишем о живых людях.

В это жалкое время девальвации всех слов, Смерть и Жизнь – последняя, еще надежная валюта. Если убили – значит, всерьез мешал. Если погиб – значит, искренне, без дураков, до конца боролся.

Эта смерть всколыхнула – по-разному и ненадолго – многих. Сотни вышли на улицы в слепой ярости и отчаянии («Стас Маркелов должен был жить!!!» – запоздало рвалось из глоток, из душ). Трусливые на миг ожили и заговорили в полный голос. Радостными криками огласились нацистские сайты. Большинство промолчало: «Ну, еще одного какого-то адвоката убили, не первого и не последнего, не жалко, с нас не убудет». Сервильные газеты и телеканалы, умело обходя острые углы, заявили о своей обеспокоенности и дежурно заголосили о нацистской угрозе.

Многие журналисты (не знавшие ранее Стаса), утирали искренние слезы, слушая рассказы о нем, говорили растерянно: «Мы не знали, что такие люди еще есть... бывают... были среди нас... Мы расскажем о нем». И кто-то попытался, как мог. Эта смерть показала, обнажила многое – и мир, и общество, в котором мы должны жить. И масштаб настоящего действия, и цену, которую за него приходится платить.

Митинги, пикеты, речи, цветы и свечи на Пречистенке, публичные вечера памяти, необходимость что-то говорить и невозможность что-то сказать. Шествия, несколько разбитых витрин на улицах Москвы, гневные интервью перед телекамерами, тихие поминальные разговоры на поминках по квартирам, горячее желание «что-то сделать» и тайное, обессиливающее понимание, что сделать уже ничего нельзя. Стыд, отчаяние, страх за себя и за близких друзей (кто следующий?), ярость и ненависть, боль, нежность...

Дамье Вадим. Человек глубоко левой культуры

Я не помню, где и когда я познакомился со Стасом. Могу только предполагать, что было это безумно давно. «Всю жизнь назад», что называется. До осени 1993 г. мы уже были знакомы, и, вероятно, наше знакомство состоялось в кругу несталинистских левых, которые в начале 90-х годов пытались как-то поддерживать между собой контакты. Например, они образовывали совместную колонну 7 ноября. Сталинисты шли с флагами и своими лозунгами. А несталинисты шли своей отдельной колонной со своими антисталинистскими лозунгами. Это был прямой вызов, который бросался сталинистам. Вполне возможно, знакомство наше шло оттуда.

В 1993 году имел место эпизод, о котором я хочу сейчас рассказать. Это было в первые дни ельцинского переворота, в сентябре. Радикальные левые расценили это событие по ассоциации с Чили 73-го года, т.е. мы тогда считали это переворотом с пиночетистскими замашками. Диктаторскими методами хотели навязать стране неолиберальный экономический курс. И естественно, первой мыслью было оказать перевороту какое-то сопротивление. Понятно, что мы, как анархисты, имели свой взгляд на сложившуюся ситуацию. Так что, скорее всего, инициатором истории, о которой я расскажу, был Станислав.

История такова. В самые первые дни переворота мы с ним встретились в Доме социал-демократической партии на Преображенке. Обсуждали ситуацию, что делать, как противодействовать перевороту и т.д. Я рассказал о позиции нашей группы.

Стас тогда был одним из деятелей левого крыла Социалдемократической партии (СДПР). Он был в своей партии в меньшинстве. У власти там тогда находились правые. Между прочим, в ту же левую группу входили и супруги Ракитские.

В «партийном» доме мы пришли к мнению, что, конечно, неприятны с политической точки зрения не только Ельцин, но и те силы, которые блокируются вокруг Парламента. Там начинали скапливаться не только сталинисты, но и крайние откровенные националисты. Причем Парламент не делал ничего, чтобы отгородиться от националистических сил.

Родилась идея, что неплохо бы добиться от Парламента, чтобы он порвал с этими националистическими тенденциями и выступил в защиту действительных гражданских прав, свободы и демократии. Для меня, как для анархиста, все это было достаточно далеко, а Стас воспринимал это как свое жизненное, что соответствовало его взглядам, позиции, убеждениям. Для него это было важно.

Речь шла, во-первых, об этом, а во-вторых, о позиции регионов. К этому моменту некоторые регионы уже успели высказаться в том духе, что они с Ельциным не согласны. Сибирский, Уральский, еще несколько регионов заявили о том, что они готовы пойти на открытое игнорирование Москвы. Если бы другие регионы высказались в достаточной степени открыто, то сложилась бы ситуация явно не в пользу Ельцина.

И тогда возникла идея (точно не помню, у кого, может быть, и у Стаса) выступить в качестве экспертов-политологов в Верховном Совете и попытаться посоветовать депутатам: во-первых, разорвать порочный союз с националистами и, во-вторых, осмелиться покинуть Москву. Выехать в региональный центр. В тот же Новосибирск или поближе, на Волгу, например. (Надо отметить, что тогда в Москве было много всяческих политических совещаний такого рода, в частности, и Александр Бузгалин¹ проводил такие встречи. И еще было несколько инициатив на этот счет. Стас после этой своей инициативы ходил еще в Бузгалинскую группу).

Идея состояла в том, чтобы таким способом, опираясь на региональные силы и авторитет присутствующих членов Парламента, влиять на решения в Москве. После чего ситуация могла бы в течение нескольких дней измениться. Я напому, что армия в тот момент молчала. Ситуация была колеблющаяся. Поэтому позиция регионов в тот момент могла сыграть свою роль. Стас имел контакты через СДПР в Верховном Совете, и через них он мог передать эту идею (в отличие от меня, который держался от всей этой партийной публики подальше). На самом деле я до сих пор убежден, что если бы план Стаса тогда удался, то история с осенним кризисом власти в России развивалась бы по-другому. Если бы Верховный Совет стал действовать именно так, то Стас стал бы человеком, сильно повлиявшим на ход событий 1993 года. И возможно, мы бы сейчас жили в совершенно другой стране.

Через несколько дней я ему позвонил и спросил, как продвигаются дела, на что он мне сказал: «Я все это забросил, так как там (в Верховном Совете) совершенно другие люди – не те, которые предполагались».

После этого были встречи уже у Бузгалина. Одновременно происходили встречи в одном из Московских райсоветов у Саши Абрамовича¹. Вот там, кстати, возникла идея сандружины. Затем наступило 3-4 октября. Наша дружина... Погибшие люди на улицах Москвы... Я помню два момента...

Помню, как мы, члены дружины, шли по Садовому кольцу сзади, подбирая раненых. Помню, как мне тогда попала на глаза националистическая листовка. Что-то типа: «Папа убей еврея, он продал нашу землю».

Помню, как мы стояли во дворе, под прикрытием большого сталинского дома (Новый Арбат, д. 31), где устроили медпункт и стаскивали туда людей. Стас там был. Я помню, как свистели, как щелкали пули...

После этого мы со Стасом стали общаться плотно и достаточно близко. 90-е годы – это один огромный калейдоскоп. Была совершенно другая жизнь, которую сейчас представить себе очень трудно.

Два буквально вырванных эпизода.

Эпизод первый. Стас еще студент. Рассказывает, каким он хочет стать адвокатом. «Я хочу стать левым адвокатом. Настоящим левым адвокатом». Я ему говорю: «Ты знаешь эту историю про немецких левых адвокатов, которые защищали РАФовцев?» Он: «Да, да. Я об этом слышал». Мы очень долго с ним об этом разговаривали. И он сказал мне: «Я хочу так же, хочу быть таким же. Я знаю, что у нас будут дуть такие ветры, я знаю, что это нужно». То есть Стас подходил к адвокатской деятельности как человек глубоко левых взглядов (при том что мы, конечно, с ним были совершенно разных политических взглядов). Мне всегда казалось, что левизна – это не только взгляды. Может быть, даже не столько взгляды. Это – система ценностей. Это – система координат человека, которая его формирует.

1 Абрамович Александр Борисович, участник неформальных левых организаций периода перестройки, в 1990–1993 гг. депутат Дзержинского райсовета Москвы, с 1999 г. председатель правления движения «Новые левые».

2 Фракция Красной Армии (РАФ, RAF, Rote Armee Fraktion, группа Баадера-Майнхоф) – леворадикальная организация «городских партизан» в ФРГ и Зап. Берлине, основана в 1968 г. После того как в июне 1972 г. ключевые фигуры организации были арестованы, их защитниками выступили известные немецкие юристы: Клаус Крусан, Отто Шили, Ханс-Кристиан Штребеле.

История России, история Политического Красного Креста¹, которую Стас знал, на него, конечно же, повлияли. Вспоминали они с Ярославом Леонтьевым и историю политической адвокатуры в России, и народнические процессы, и суды над народовольцами, социал-демократами, эсерами. Конечно, все это его интересовало. Он прекрасно понимал эту традицию политической защиты. И воспринимал себя как продолжателя этой традиции.

Стас был действительно человеком глубоко левой культуры. Можно сказать: человеком левой системы ценностей. Адвокат у нас ассоциируется скорее с истэблшментом, особенно сейчас, в 2000-х годах. Стас абсолютно не ассоциируется со всем тем, что мы сейчас связываем с понятием адвокат. Он был совершенно не «адвокатский» адвокат. Нетипичный абсолютно. Но в эту стезю, в это занятие он вошел абсолютно органично. Органично, но исходя из своих собственных убеждений и своей собственной системы левых ценностей. Вот есть левое движение, которое борется на улицах, занимается стрит-файтом, занимается прямым действием, – и есть адвокаты, которые ему помогают. Он, учившийся тогда на юриста, хотел быть именно таким.

Левый адвокат – «зверь» очень редкий. Он всегда был очень редким. Тем не менее левые адвокаты, как ни странно, сыграли большую роль в истории левого движения, часто замалчиваемую. Я недавно перечитывал книгу о легендарном испанском анархисте Буэнавентуре Дуррути². В середине 1920-х годов его с друзьями арестовали во Франции, им грозила выдача в руки испанской диктатуры, и вытащил их адвокат-анархист Лекуан³. Используя связи, и делая то же самое, что делал Стас.

Сколько раз потом уже не только в 90-е, но и в 2000-е, когда задерживали людей на демонстрациях, мы звонили Стасу: «Стас, так и так. Помогай!». Если он был в Москве – он помогал сам. Если он не был в Москве – советовал. Последний раз это было весной 2008 г. во время демонстрации против полицейского произвола⁴. «Свинтили» там достаточно большое количество людей. Те, кто сумел уйти – ушли. Я помню, мы ушли с друзьями на Чистые пруды и оттуда вызванивали Стаса: «Стас, что делать?». Стаса, по-моему, в этот момент не было в Москве, он был в отъезде, чуть ли не на Северном Кавказе. Тем не менее он рассказал, к кому надо обратиться, кому надо позвонить, что надо сказать. Вот так он помогал все время.

1 Образован сразу после 1917 г., существовал с перерывами до 1938 г. В 1918–1922 гг. его председателями были: с 1918 по 1922 г. – Н.К Муравьев, с 1923 г. – Е.П. Пешкова.

2 Буэнавентура Дуррути-и-Доминго (Buenaventura Durruti Dumange) (1896–1936), с 1920-х и до Гражданской войны один из лидеров испанских анархистов.

3 Лекуан Луи (Lecoïn Louis) (1888–1971) французский общественный деятель, анархист, пацифист, адвокат, защищал Сакко и Ванцетти в 1927 г. и троих испанских анархистов во Франции в 1930-х, сумел предотвратить их экстрадицию.

4 11 апреля 2008 г. в Москве на Славянской площади был жестоко разогнан пикет против милицейского произвола. Милиционеркам не понравилась растяжка «Долой ментовской беспредел!». Больше двух десятков человек было обвинено в хулиганстве и «различных правонарушениях – их затем защищал Маркелов.

Кодекс по административным правонарушениям, все его статьи он это знал «назубок» и разъяснял много раз. Я хочу сказать, что он помог огромному количеству людей, которые должны быть ему благодарны. Будут благодарны. В их памяти он будет жить, как живет в моей.

Хотя в последние годы не по делу, чисто по-человечески мы мало, к сожалению, общались. Виделись в основном на каких-то мероприятиях. Когда времени мало, и все общаются по делам. И максимум, что можно успеть – переброситься парой слов: «Ты как?» – «Я нормально. Все хорошо». И побежали дальше. В ходе этих последних конференций Стас выступал за обновление левого движения, за поиск новых подходов.

Хочу вернуться к 90-м годам и вспомнить еще один эпизод. Характерный для Стаса, как для человека глубокой культуры, и в то же время человека по-хорошему, по-юношески увлекающегося. Он интересовался огромным количеством вещей, сохранял живость, непосредственность восприятия.

Август 1997 года. У него дома жили немецкие «автономы» – гости из немецкого «автономного левого» движения. По этому случаю была большая пирушка, в котором участвовал и я. Дело затянулось до глубокой ночи, я остался ночевать... А утром вдруг мы почему-то заговорили о Белоруссии. Стас спрашивает: «А ты знаешь белорусский?» Я белорусского языка не знаю. Я вообще даже мало слышал белорусский язык. И Стас

говорит: «Это невероятно красивый язык». И начал наизусть читать Янку Купалу. И действительно, это потрясающе, невероятно красиво звучало. Дивно. Я впервые услышал именно культурный белорусский язык. Настоящий звучный, красивый, а не частую смесь с русским. В устах Стаса это звучало великолепно. Английский он не очень хорошо знал, но еще один язык его, правда, интересовал. Я не знаю, правда, как долго. Стас считал, что он происходит из мордвы. И его очень интересовал язык эрзя, он пытался его выучить. Еще любил поляков и Польшу. Вместе с Петей Рябовым ходил на вечера в Польский культурный центр.

Хочу добавить, что Стас был, конечно, очень странным социалдемократом. Социалдемократом, который абсолютно не чурался радикальных действий. Прекрасно понимал, что они нужны, что они важны. Он отнюдь не был сторонником узкого парламентаризма. И нередко говорил вещи, довольно близкие анархистам. Я видел в Живом журнале его выступление («Я устал», 30 ноября) совершенно потрясающее по силе, и абсолютно анархистское по духу. На этом митинге он сказал, что никакие законы, никакие правила нам не помогут, если мы, люди, обычные простые люди, не будем помогать друг другу сами. Не будем друг друга поддерживать, действовать вместе.

Сказанное им тогда лишний раз свидетельствует о глубине той самой левой культуры, не сводимой к каким-то идеологиям или к принадлежности к партиям. Что-то очень хорошее, близкое и глубокое в нем было.

Трусевич Ольга. Встречи в «Мемориале»

Никак не вспомню, где и когда впервые увидела Стаса. То ли на общем собрании нашей медбригады, где-то накануне основных событий октября 1993 г. в Москве. То ли уже 2 октября на Смоленской площади, там он сам подошел к нашей группе. В тот момент я не обратила на него внимания. Промелькнул мимо просто веселый парень, прическа – длинные волосы хвостиком. На десять лет меня моложе.

Когда же Стас пришел с «малой гражданской» записывать интервью к нам в Правозащитный центр «Мемориал», общее дело сдружило нас. Мы встречались не часто, помню свои радостные впечатления от разговоров и ощущение его надежной дружеской руки все эти пятнадцать лет. Пересматривая сейчас эти годы, я вижу яркие «вспышки», встречкартины, в них нет хронологического порядка. Их значимость для меня определяется по-другому. Буду рассказывать, как помню.

...Вот, например, после какого-то заседания Совета Правозащитного центра (кажется, оно касалось ситуации в Пригородном районе Северной Осетии, куда Стас ездил в командировку) мы вышли из здания на Малом Каретном. Оба были в веселом настроении, взяли по чашке эспрессо в летнем кафе, шутили, используя взаимные подколки. Я ему: «Ну ты, такойсякой, высокий, хайрастый, всех распугаешь... На Кавказе, да и в любом официальном учреждении, тебя с твоим внешним видом не поймут».

1 Вооруженный осетино-ингушский конфликт в Пригородном районе Северной Осетии начался 30 октября 1992 г. В результате него ингушское население района – по разным оценкам, до семидесяти тысяч человек – стали вынужденными переселенцами. Правительство РФ вело противоречивую политику по возвращению изгнанных людей. Результаты работы экспедиции 1994 г. с участием Маркелова были использованы в докладе ПЦ «Мемориал» «Через два года после войны» (М., 1994).

У нас идет шуточный, но вполне «народнический» разговор, вроде «Народ освобожден, но счастлив ли народ?». На этом мы «завязались языками», поругались, в горячке друг на друга начали орать. Стас вообще громко разговаривал. На нас начали оглядываться посетители кафе. Причем тема спора – отвлеченно-философская: очередной народнический треп о том, как сохранить в единстве протестную форму и позитивное содержание деятельности – реальную помощь людям.

Потом мы оба об этом забыли. Но тогда дискуссия закончилась чемто типа пари. Я: «Ты свой хаер скоро уберешь. Как хочешь, а ты свой хаер уберешь». Он: «Нет! Никогда». Он держал свою протестную прическу еще два-три года.

...Помню встречи Нового года в «Мемориале». Это был 1994 год, да и еще другой, 1995-й, кажется, тоже встречали вместе. Я хоть и давно закончила вуз и успела поработать в библиотеке и в школе, но просто не могла не участвовать в новогодних посиделках нашей студенческой компании. Было невозможно удержаться. Начиналось веселье с того, что приходил Стас с огромной бутылкой напитка собственного изготовления – то ли по белорусскому, то ли еще по какому-то рецепту. За столом были Саша Паповян, Леша Тавризов, Лена Паповян, я и еще два-три человека. Почти все остались сидеть со Стасом до утра. Все это сопровождалось, конечно, интереснейшими разговорами. Самое хорошее были, конечно, разговоры, и это тоже забыть невозможно.

...Самое яркое воспоминание – Стас Маркелов в Останкино, 3 октября, поздний вечер. Накануне на Смоленской ничего не было: баррикады разобрали и мирно разошлись. Мы готовились лечить царапины, порезы, удары дубинками. Да, с обеих сторон было оружие, но мы не думали, что люди начнут друг в друга стрелять. Когда у мэрии мы впервые услышали выстрелы, когда во все стороны и в нас полетели пули, когда стало ясно, что не холостые, все растерялись. Я вот очень сильно растерялась. Стас при этом постоянно находился в движении: отбегал и смотрел всюду, что происходит на площади у Белого дома, что у мэрии, что вокруг. Мы скрылись во дворе большого желтого дома с башенкой, где устроили медпункт: разложили медикаменты на лавочке и сделали надпись на стене, чтобы люди видели, куда можно обратиться. Там, во дворе, мы кому-то помогали, шину накладывали. Но раненых с огнестрелами у нас еще не было.

Дальше решили ехать со всеми в Останкино. Надо было сесть в машину. Мы хотели быть с возбужденным народом, с толпой. Понятно было, что именно там можно ожидать всего, в том числе раненых. У внутренних войск были захвачены грузовики – «Уралы». Потом по телевизору много раз показывали, как эти «Уралы» едут в Останкино наперегонки с правительственными БТРами.

Как мы попали в эту машину? Подошли к формирующейся колонне – Григорьев, Стас, девочка Ира Федорова, Андрей Ершов и я залезли практически первые. Сказали: «Мы медики». Нахально. За нами погрузились казачки´ со щитами, касками, дубинками, отобранными у ОМОНа.

Не бригада Макашова, а толпа с митинга. Между кабиной и тентом грузовика угнездился тележурналист Иван Скопан. Он погибнет в Останкино.

Казачки эти белодомовские несли по дороге всякую националистическую чушь, всякую гадость. Я видела, как Стас закипает. Мы были подавлены неминуемостью происходящего. А я вижу, что Стас им сейчас что-то скажет, нас выпрут на ходу из этой машины, и мы никуда не доедем. Вот сейчас он скажет, что люди не делятся на «черножопых» и каких-то еще... Помню, взяла его за руку, как-то пытаюсь удержать...

Когда мы добрались в Останкино, уже темнело. Не буду пересказывать все.

Как стояла толпа, как таранили машинами стеклянные двери Телецентра. И вдруг сверху, со второго этажа, «Витязи» начали палить из автоматов. Спаслись те, кто стоял чуть подальше

и успел отбежать, как Стас, как мы с Ершовым. Десяток человек из тех, кто был ближе к дверям, упали на землю ранеными или убитыми. «Витязи» просто поливали по толпе из автоматов. Вспышки памяти, как вспышки блицев и вспышки очередей: Стас вместе с другими добровольцами кого-то тащит... кого-то перевязывает... кого-то спасает. Периодически возобновлялась пальба. Но страшно было потому, что если ты подойдешь к раненому, перевернешь, потащишь, то неизвестно, не убьешь ли ты его этими действиями. Решиться вообще что-то делать было тяжело. И Стас решался. Я видела, как он это делал, подавала ему бинты. Бинтов не хватало. Я стояла практически на месте. А как там было бегать? А вот он перебежал с одной стороны улицы Королева на другую.

Потом я уехала ненадолго. Когда вернулась, Стаса уже не застала. В это время там было глупо оставаться. Правильно сделали ребята, которые со Стасом пошли к нему домой. Началась стрельба в 7 часов вечера, а уже был, по-моему, одиннадцатый или двенадцатый час ночи.

Потом подъехали БТРы, которые мятежники безосновательно приняли за «свои», но это был последний подарок от Ельцина. Поверить в дальнейшее сложно... Невозможно рассказать подробно. Просто расстрел. Мясорубка началась.

Макашовцы все почти убежали. Пожарные разворачивали свои машины, чтобы тушить огонь на первом этаже. Но стояла толпа зевак, и все равно по этой толпе в роще около Телецентра из пулеметов палили БТРы. Причем КПВТ свой крупнокалиберный они опускали достаточно низко. Несмотря на то, что там оставались еще убитые и раненые, умирающие... очереди шли почти у самой земли и поражали лежащих.

Слава Богу, что ребята ушли. Они до утра пробыли у Стаса дома, отмывали грязь и чужую кровь.

А рано утром 4 октября пошли через «Мемориал» к Белому дому. И Стас был уже там. Я пыталась подойти с Димой Лозованом и Лешей Тавризовым поближе. А Стас попал в отряд спасателей и медиков, в «семерку». Они где-то нашли автобус с «демороссами», и с ними делали рейс за рейсом к стенам Белого дома, вывозили раненых к Смоленской площади. Издали нам было видно, как они туда пробирались. Случались и минуты затишья, но бывало, они таскали и возили людей под выстрелами. Мне в этот отряд не удалось пристроиться, хотя Стас и пытался похлопотать за меня. «Девчонок не надо».

Потом было много дружеских встреч, застолий и разговоров, но к этой теме мы ни разу не возвращались...

В конце 2002 г., после «Норд-Оста», я обратилась к адвокату Маркелову по делу матери погибшей заложницы Маши Пановой. Я, как правозащитник, была ее доверенным лицом, а он – защитником потерпевшей. Мама не верила, что похоронила именно свою дочь.

Следствие нагло завралось. Более 70 заложников погибли в самом начале «блестящей» спецоперации по их освобождению. Потом от газа умерли еще – всего 125 заложников. У тех, кто выжил, стоит в историях болезни диагноз: отравление газом в 2002 г. У тех, кто мертв, – совершенно другие причины смерти¹ (*Подробности дела изложены в сборниках*

публикаций: «Норд-Ост»: 3 года спустя. М., 2005; «Норд-Ост». Неоконченное расследование. М., 2006.). Заключение, лежащие в их историях болезни, написаны под копирку. Как и акты вызова «Скорой». Общее экспертное заключение: люди погибли от чего угодно, но не от газа.

С обычаем силовиков подделывать документы Стас сталкивался и раньше, например в деле «Кадета», но в нашем случае потерпевшей была прежде всего нужна повторная экспертиза тела дочери. Ведь, наслушавшись вранья от следователей, мать заподозрила: «Это не моя дочь. Моя дочь жива и где-то находится». Я пыталась ей как-то помочь, добиться от следствия установления точных обстоятельств гибели ее ребенка: момент смерти? кто и когда доставил в больницу? есть ли какая-то девушка, которая выжила, похожая на Машу? и кто она? и, наконец, почему генералы так долго говорили, что все заложники живы? Я пыталась получить от следствия официальные документы как доверенное лицо потерпевших. Поняв, что моих сил не хватит, я попросила о помощи Стаса.

Он согласился сразу, хотя мне отказывали другие известные адвокаты, даже те, у которых собственные дети были в числе заложников. Тогда Стас работал в адвокатской коллегии. Я пришла в его консультацию, и оказалось, что только за первый разговор там берут 200 долларов. Я прикинула общую сумму гонорара – для нас, для «Мемориала», это были большие деньги. Я сказала: «Нет, Стас, мы с тобой официальным образом недолго будем сотрудничать». С самих потерпевших в таких делах он денег никогда не брал. За многомесячную адвокатскую работу по этой девушке, – организацию пресс-конференции, участие в двух судебных заседаниях, – я лишь 4 000 рублей заплатила ему, и только после того, как он «добил» следователя по «Норд-Осту».

Следователь Кальчук стукнул кулаком по столу и сказал: «Все, вы меня достали, вы действуете через Госдуму, через журналистов!» Давая разрешение на эксгумацию, следователь понимал, что уставшая от многомесячных хождений мать на это уже не согласится. А ранее собранные вещественные доказательства и объекты экспертиз тела погибшей к тому моменту были уже уничтожены.

После этого мы с Маркеловым задумали общий правозащитный проект. Собирались исследовать репрессивные практики и злоупотребления правом в «серых» зонах нашего законодательства, которые как бы находятся между строками закона. Времени и целеустремленности у обоих не хватило.

Что же удалось? Не в последнюю очередь благодаря усилиям Стаса сейчас общество может узнать, насколько фальшиво было «расследование» дела о захвате «Норд-Оста». Как были сфальсифицированы нужные доказательства и уничтожены доказательства неудобные. Неизвестно рассмотрит ли наконец это дело суд. Если когда-то будут писать об истории борьбы с преступлениями власти, совершенными под предлогом «контртеррора», обязательно вспомнят работу Стаса Маркелова по «Норд-Осту».

Вайнманн Утэ. Он верил в способности людей что-то менять

Познакомились мы со Стасом в августе 1997 года. Приехали в Москву с делегацией берлинских автономов. Все мы жили здесь на каких-то маленьких квартирах, так как никто не был готов принять делегацию из двенадцати человек. Стас предоставил свою квартиру для части группы, а так как она была довольно больших размеров, берлинские участники и наши московские товарищи в любое время дня могли там собираться все вместе и обсуждать интересующие нас вопросы.

Принимающая сторона состояла из московских анархистов, таких как Влад Тупикин, Михаил Боярский и Максим Кучинский. Нам представили Стаса как практически единственного адвоката, в открытую придерживающегося левых политических взглядов. Он тогда занимался первым в постсоветской России делом по обвинению в терроризме. Значимость задачи, казалось бы, никак не соответствовала его молодости и внешнему облику. Одним словом – я была ошарашена, потому что я увидела человека очень веселого и совершенно «бесшабашного». Он мне сразу понравился, однако никак не укладывалось в голове, как это сочетается с его профессией.

Потом я действительно поняла, что он не просто адвокат, а настоящий профессионал, который хорошо владеет словом. И с тех пор мы с ним, собственно, общаемся, т.е. общались. Так как наше знакомство началось именно с той поездки, то у меня всегда было желание организовать встречный визит, пригласить его в Берлин.

Осенью 2005 года поездка наконец состоялась. Это была его первая поездка на Запад. Я предлагала сделать ему приглашение хотя бы на месяц или дольше. Но он сказал, что ему некогда. График поездки был очень плотный, и все было расписано по минутам. Я ему говорила: «Стас, ну давай задержишься еще хотя бы на денек! Можно погулять, познакомиться с интересными людьми...» Он: «У меня столько дел, и я просто не могу». Но что удалось там, так это познакомить его с левыми адвокатами, входящими в информационную сеть, и по образцу этого объединения, с которым мы его тогда успели познакомить, он создал свой институт Верховенства права в России.

Также он познакомился там же с женщиной-адвокатом, которая на тот момент вплотную занималась делами чеченских беженцев. Ее дом он долго искал в Берлине, мой приятель сообщил ему не тот номер дома, а улица длиннющая, да и нумерация не привычная русская, а берлинская. Стас ходил, два часа гулял поневоле. Итак, в итоге прогулка все-таки

состоялась. Не знаю, сохранились ли записи его интересных выступлений в Берлине, я кое-что записывала ручкой. Диктофона у меня тогда, к сожалению, не было.

И еще он познакомился с женщиной – режиссером документального кино, которая снимает сюжеты на разные темы, в первую очередь связанные с Россией. Она с ним ездила в Башкирию и сняла фильм о «благовещенском деле»¹. В Башкирии не все получалось, и Стас рассказывал, что часто его там «шмонали», проникали в его отсутствие в номер гостиницы. Кажется у него крали или «заимствовали на время» мобильный телефон, когда он его там оставлял. И эти люди даже особенно не скрывались, показывая, что обыскивают его номер. В фильме он фигурирует в качестве одного из героев, четко излагает главную суть дела – какие незаконные распоряжения издает власть.

Обсуждали с ним и совместные планы и проекты на темы антифашизма. Правда, из этого ничего не получилось. Он намеривался развивать Институт верховенства права, заниматься там разными делами в рамках своей адвокатской сети. Он хотел немного расширить кругозор своих коллег, для чего планировал их совместные поездки на разные политические мероприятия, а также у него была идея организовать ряд встреч между адвокатами, в том числе из Грозного. Ему нужно было, чтобы они видели, что такое «низовая политика», своими глазами. Потому что Стас сам в свое время многое видел, во многих акциях принимал участие. Был заметным общественным деятелем. Собственно, он через политику и пришел к профессии. Поэтому он и занимался своей профессией так, как он занимался.

А ведь большинство адвокатов приходит к делам общественной значимости через профессию, а не через политику. Заслуга Стаса заключается как раз в том, что он совершенно сознательно нарушил профессиональный принцип, согласно которому нельзя связывать общественную деятельность с профессиональной. Профессионалу свойственно не открывать свои карты, оставаться в тени, не объяснять, почему он совершает одно или другое действие, он исключает свою публичную, общественную позицию, как мешающую делу. В России с ее суженным общественным пространством такой подход, на мой взгляд, вдвойне порочный. Общественность по определению квалифицируется как менее значимая и невлиятельная. У Стаса сложился совершенно иной подход. Он стремился к публичности, ибо он понимал, что нельзя ограничиться одной профессиональной деятельностью, так как она не приведет к изменениям застывшего общественного строя. Также нельзя позиционировать себя исключительно в качестве рядового общественного активиста, оставаясь на одном и том же уровне. Вопреки всем внешним обстоятельствам он искренне хотел добиться того, чтобы люди взяли свою судьбу в собственные руки. Стас своим примером показывал, что демократизация общества даже при тяжелейших обстоятельствах возможна. Правда, мы знаем, какую цену ему за это пришлось заплатить.

Стас был активным антифашистом. На эту тему мы с ним, конечно, много говорили. Он и писал и, собственно, работал над тем, чтобы антифа-движение в России развивалось. В России это движение очень разношерстное и своеобразное. Он считал, что необходимо иметь разные структуры. Ведь понятно, что многие ребята приходят в антифашизм через уличные драки. Ему было важно, чтобы все создавали свои собственные организации, чтобы все занимались мониторингом деятельности нацистов и помощью жертвам нацистского насилия. У него были всякие идеи на этот счет. Его вклад в становление и развитие

антифадвижения в России нельзя недооценивать. По возрастным категориям он, разумеется, не вписывался в это движение, оно ведь очень молодое, а деятельность Стаса к тому же происходила в иной плоскости. Тем не менее в силу его умения и желания общаться с представителями различных политических групп, с людьми разного возраста ему удавалось распространять свой опыт и свое видение даже на тех, кто действовал в довольно закрытых структурах и по многим вопросам придерживался совсем иных взглядов. Мне кажется, что Стас сделал немало для того, чтобы подтолкнуть антифа-движение к более открытым действиям.

А последняя поездка с ним, где мы еще и веселились – это было в Прямухино в 2007 году. В 2008 году он с нами не ездил. Вел он себя, как всегда там, свободно, немного хулиганил. Помню, что когда ехали туда – он очень громко разговаривал, много кричал, но не агрессивно, его переполняли впечатления – от себя, от обстановки, от жизни.

Последнюю весточку я от него получила из Белоруссии. Он с удовольствием СМС-ками обменивался. Любимая шутка – «я партизаню в Белоруссии». Это его фирменный стиль...

Последний раз мы с ним, как и многие другие, виделись в начале декабря 2008 года на «Антикапе». И я там, кстати, спрашивала его, что он думает по поводу нацистских угроз. У нас с этим тоже возникли проблемы, и я хотела узнать, что он думает и как с этим быть. Он мне ответил, что, пожалуй, с этим ничего не поделаешь. И он говорил это не то что грустным голосом, но более серьезным голосом, чем обычно. Сообщил мне, что недавно опять узнал, что его домашний адрес появился на каком-то нацистском сайте. К сожалению, не успела это все уточнить, ведь когда мы с ним разговаривали – все время люди подходили, что-то спрашивали. Много народу было и шум.

Для справки: «Антикап» – от слова антикапитализм – раньше проходил как уличное шествие. Мы в нем не принимали участия, потому что там кроме леваков всегда присутствовали НБПшники и сталинисты. Стас тоже раньше не имел отношения к организации мероприятия. Просто в этот раз формат несколько изменился. Вместо уличного шествия проходили семинары и дискуссии в закрытом помещении. В одном и том же Доме культуры провести семинары, показать кино и провести концерт не удалось. Позвонили организаторам, как всегда непосредственно накануне, и те отказали в предоставлении помещения несмотря на наличие договора. На концерте, который прошел в другом месте, я не присутствовала и Стас, скорее всего, тоже, но на ту часть, где были семинары, я пошла. Там Влад Тупикин с Настей Бабуровой вели секцию по медиа.

Стас, как и все, не мог нам указать верный путь с гарантированным успехом. Он предлагал комплекс мер и сам проводил их в жизнь как мог. Он в себе совмещал многие таланты – как адвокат, публицист, аналитик, организатор. Он доверял способностям людей что-то менять. Но без солидарной среды даже самый талантливый человек не в состоянии менять мир.

Мы с ним обсуждали вопрос о том, что делать, но в последнее время обсуждали, скорее, действия на международном уровне. Хотелось постоянно сообщать миру о вопиющих инцидентах преследования активистов в последнее время. Я хотела весной 2009 года опять пригласить его в Берлин. Темой его будущих лекций было информационное пространство.

Раз в России происходят такие ужасные вещи, нападают на активистов и избивают их не просто, а насмерть, то нужно об этом говорить публично, где только можно. В России публичное пространство очень узкое. Мало кто готов привлекать к себе лишнее внимание, да и СМИ неохотно об этом пишут. Я не знаю, что он имел в виду на митинге 30 ноября 2008 года, но догадываюсь, что скорее всего – юридическую поддержку с одной стороны и информационную – с другой. Об этом обязательно нужно говорить. Обязательно подавать заявления в милицию и настаивать на выполнении ею возложенных на нее функций. При этом нужно иметь в виду, что хоть мы и подаем заявления, скорее всего, там нас не защитят. Никакими иллюзиями мы питаться не должны. Стас сам всегда откликался, когда была нужна помощь или просто совет, не опасался об этом вслух говорить. Он своим примером обнадеживал окружающих и поощрял других воспользоваться имеющимися у них возможностями для совершения адекватных действий.

Я думаю, что нас загнали в угол отчасти потому, что мы сами это допустили. Самые страшные новости уже никого особенно не удивляют. Люди привыкают к насилию и к увеличению его степени. Несколько лет назад тоже нападали на активистов, но не так часто и не с такой откровенной наглостью и брутальностью, как это сейчас происходит. И люди, стало быть, привыкают к этому. Но к этому нельзя привыкать, каждый случай уникален и должен вызывать возмущение. Стас всегда об этом готов был говорить публично. Да, если есть идея создать комитет или собрать материалы, поднять некую волну, там или здесь, то он всегда готов был приложить усилия по максимуму.

Мне кажется, это важно потому, что это, собственно, мало кто делал. Без ощущения того, что активисты могут добиться хоть крошечных достижений по отдельным вопросам, живется очень тяжело. Иногда эта уверенность пропадает, и именно молчание и бездействие этому содействуют. Но главное – не привыкать и не принимать происходящее как норму, как неизбежное.

Федотова Ирина. Когда мы познакомились...

Когда мы познакомились, Стас был начинающим адвокатом, с виду совсем мальчишкой, и практиковался на бесплатной «уголовке», которую ему в изобилии поставляла его адвокатская контора. А мечтал при этом быть защитником левых активистов. «Никто, кроме меня, их не сможет защищать – ведь только я знаю специфику этой “тусовки”, – говорил он. – Знаю – изнутри». Я и не подозревала тогда, насколько это было для него серьезно.

Как-то мы сидели со Стасом на кухне и обсуждали, что у каждого человека есть какой-то свой определенный, характерный возраст, который сопровождает его всю жизнь. «И сколько же мне лет?», – попыталась пошутить я. «Двадцать, тебе всегда – 20», – уверенно сказал Стас. «Ну, а тебе?» – переспросила я. «А мне – 60, по ощущению» – очень серьезно ответил он, и глаза его были печальны. А мне стало не по себе, и я не нашлась, что ответить.

Дома он всегда носил бандану – пригладить волосы, которые вились волной и торчали в разные стороны. Я тогда, в 1997-м, работала в Останкино, репортером на НТВ, и часто заходила к нему в гости на Аргуновскую. Он так любил гостей, особенно когда родители на все лето уезжали в деревню на дачу, кажется, под Серпухов. Тогда его квартира становилась таким «тусовочным» местом. А я была заметно старше Стаса и очень его интересовала – и как журналистка, и просто как женщина.

Одиночка, в сущности... Он, отчасти осознавая это и действуя вопреки, выстраивал себе шумный имидж весельчака и балагура, любящего выпить и т.д. А в политике... Таких политических взглядов не было больше ни у кого. Верховенство права и притягательность анархической вольницы. Он пытался работать в законодательном поле с людьми, которые не признавали законов концептуально. С приверженцами акций прямого действия.

С его общительностью и интересом к людям – самого разного социального положения и рода занятий – ему была прямая дорога в журналистику. Я до сих пор не понимаю, почему он не стал журналистом. Мама, папа и оба его старших брата – все оттуда. А с каким пиитетом он отзывался о брате Мише, когда тот ездил по горячим точкам, работая в команде Артема Боровика, с каким нескрываемым восхищением! И меня любил время от времени спрашивать, как бы в шутку: «Ну как, ты уже стала главным редактором?» Я немного обижалась, он ведь говорил со значением – «держи, мол, планку!» Поэтому о своих неудачах и даже провалах я ему не говорила. А ведь люди часто дружат, жалуясь друг другу. Я не жаловалась.

Как мы с ним познакомились, я не помню точно. Скорее всего, это произошло при большом стечении народа – либо у него на Аргуновской, либо у меня – на очередном «Муравинском четверге». Где-то с начала 1997 года наша квартира приняла эстафету известных в анархической среде «муравинских четвергов», где регулярно собирались люди «левого мировоззрения». Все они были немного разные, но это-то и было интересно. «Четверги» происходили довольно регулярно – примерно дважды в месяц. И наверное, в какой-то момент там появился Стас. И потом он появлялся на них достаточно часто, но не каждый раз.

Примерно тогда же, в 97-м произошла вся эта история с Реввоенсоветом, взрывом плиты на кладбище и памятника Николаю II в селе Тайнинском. Стас стал адвокатом обвиняемого Андрея Соколова, состоявшего в РКСМ, который возглавлял Павел Былевский. Я сделала на НТВ репортаж об этом деле – первом деле, где власти попытались выдать за «терроризм» в общем-то вандализм. Снимала прессконференцию, которую он проводил, брала очень смешное интервью у Былевского.

Но я до сих пор удивляюсь, как это все на НТВ удалось показать, в новостях. Я ведь работала тогда на экологической программе, где у меня, кстати, выходили опусы о «Хранителях радуги». Репортажи про их лагерь протеста в Волгодонске я делала из каких-то почти любительских съемок, по горячим следам. Помню, как Петя мне ночью привозил в Останкино кассету, и на следующий день выходил материал. И еще помню, как счастлив был Стас, когда впервые увидел себя на телеэкране! Потом-то он привык...

Один на один, вне шумной компании он был очень заботлив и внимателен, хорошо чувствовал настроение другого человека. С ним бывало так классно брести куда-нибудь – куда глаза глядят или же просто дома сидеть, ужинать, смеяться...

Он, кстати, довольно хорошо готовил. Изобретательно, и с применением всяких специй. Говорил мне всегда – «кушай, кушай, поправляйся» – так трогательно и так заботливо... Я слушала его, как тот самый «Васька», и поглощала с большим удовольствием приготовленную им стряпню (меня он, как гостью, к плите не подпускал и хлопотал по хозяйству сам). И так было всегда, когда я заходила к нему, голодная, после работы в Останкино.

Мы бродили по Москве. По каким-то проходным дворам – нам было интересно отыскать сквозные проходы, причем ночью, в темноте. И обнаруживали, что масса дворов уже покрыта асфальтом, все скверики куда-то делись, и на нас смотрели глазки видеокамер. Иногда, пройдя насквозь несколько дворов, мы как бы случайно оказывались на какой-то вроде бы знакомой улице где-то в центре города. И некоторое время даже не очень-то понимали, где именно мы находимся.

Бродили мы со Стасом и по Минску, когда отправились туда как-то на пару-тройку дней. Мы обследовали магазины, покупали сыр и пиво, пили его прямо на ходу, шествуя по широким тротуарам, восхищаясь просторными проспектами почти без машин. Какой же Минск тогда был чистый! И как не похож на злачную, грязную Москву. Он нам обоим тогда казался раем...

И там он меня поразило знанием белорусского языка. У него тогда была идея встретиться с представителями оппозиции, а она там была разного свойства, в том числе вполне националистического. И вот, на их съезде какой-то парень начинает говорить со Стасом не на «проселке», а на чистом белорусском. И меня тогда потрясло, что Стас все понял, и, кажется, на белорусском ему и отвечал. Лучше он язык выучил потом, но и тогда он его знал довольно прилично. Он ведь не впервые был в Минске, интересовался, читал. Из этой поездки я привезла уникальную книжку – «Хайку белорусских поэтов», естественно, на белорусском языке.

Еще мы в конце 90-х на мой день рождения 31 октября всей компанией выезжали на Хэллоуин за город. Несколько раз. И без Стаса тут просто не обходилось. Я помню, как на первом таком собрании у Армена на даче мы в лесу разжигали костер, а была оттепель, снег таял, и сверху капало с деревьев. Я тогда сама разжигала костер и помню, даже свечки в него в какой-то момент поставила, чтобы как-то подсушить. А Стас, как сумасшедший, рубил эти деревья. Потому что если надо было что-то рубить, тащить, валить, то там всегда был он. С потрясающей энергией он вырубал сухие щепки из середины стволов, и передавал их мне. В костер тогда пошли не только щепки, но и голубые сторублевые бумажки – докризисные 100-рублевки, нашедшиеся у кого-то в карманах. И не прошло и полутора часов, как наш костер все-таки разгорелся.

Были еще поездки на Ивана Купалу, в которых Стас почти всегда участвовал. Там, как известно, венки плетут, и потом их на всех надевают – и на женщин, и на мужчин. Я любила плести разные экзотические венки и вот сплела один венок, который почти целиком состоял из дубовых веток – ветвистых, как оленье рога. И я отдала его Стасу. И вот – картина: Стас в этом венке в свете костра, и рога у него ветвятся дубовыми листочками. Кстати, Стас очень много чего знал про языческие праздники, и в какой-то момент все собирались у костра его послушать. В Хэллоуин он мог бесконечно рассказывать о традиции кельтского праздника Сомайна, эстафету которого позже перехватил Хэллоуин. И про аналогичные праздники славянских народов – в Белоруссии, например, есть Дзяды, который тоже празднуется с 31 октября на 1 ноября. И на Ивана Купалу он, конечно, рассказывал нам всякое-разное из языческой мифологии.

Эрудиция, особенно в области истории, была у него феноменальной. Он ведь закончил школу с историческим уклоном. Потом, правда, поступил в Юридическую академию, но увлеченность историей осталась, и голова его была просто забита разными вещами. Поэтому ему ничего не стоило, например, на «Муравинских четвергах», когда иногда возникал вопрос «а кто будет делать доклад», взять и практически экспромтом что-нибудь рассказать. Почему-то я запомнила его доклад про Пол Пота – настолько он был яркий.

Потом Стас на некоторое время пропал из моего поля зрения. У меня тогда происходила кардинальная смена жанра – из ТВ-журналистики я ушла в один экономический журнал, а до этого был тяжелый период послекризисной безработицы и прочих личных неурядиц. У Стаса же в это время продолжался роман на две страны с его будущей женой Галинкой, которая жила в Минске. И расширялась адвокатская практика, в которую он ушел с головой.

Но вот как-то – кажется, это было лето 2002 года – мы всей компанией поехали за город, под Звенигород. Там были Рома, Майка, Петя, Стас с Галинкой и я, шестеро... Стас тогда был в ударе и почти все время очень громко кричал, балагурил, хотя остальная компания была не такой уж шумной. Я тогда впервые увидела его жену Галинку. Они очень подходили друг другу, и она, кажется, весь этот шум воспринимала спокойно. Не исключено, что своими буйствами он как-то компенсировал мерзкие ощущения от частых посещений следственных изоляторов, ментовок и пр. Он был весьма тонкой и чувствительной натурой, и в каком-то смысле даже ранимой...

А еще мы могли подолгу болтать по телефону – даже когда долго не виделись. Нет, не «болтать» – все, о чем мы говорили, нам тогда казалось важным. И в разговорах с ним был такой «эффект присутствия» – он умел его как-то непринужденно создать... Настроение после таких часовых телефонных эскапад повышалось у обоих, и уже потом мы спохватывались – что, мол, «надо бы при встрече». И выяснялось, что, вообще говоря, встречаться некогда – ни ему, ни мне. Ну, а начиная с 2003-го он стал регулярно ездить в Белоруссию – почти каждые выходные, потому что Галинка стала жить там после рождения первого ребенка. И тогда стало некогда совсем...

О том, что мы так редко стали общаться – а ведь были совершенно «своими» друг для друга, – я сейчас жалею, но – поздно. А по-другому получиться, наверное, не могло. Он был человеком дела, и это дело было приоритетом. Деньги надо было, опять же, зарабатывать и т.д. Он крутился... И не очень успевал вести все дела, за которые брался. Я даже боялась его отвлекать лишними звонками или предложениями встретиться. Только – по делу. Или же – случайная встреча где-нибудь на форуме или конференции. Как, например, на Прямухинских чтениях летом 2007-го, где он несколько лет не появлялся, и вдруг приехал. Там я его видела в последний раз.

А за несколько месяцев до этих чтений мы вдруг договорились о встрече – просто так «поболтать». И встретились в Филипповской булочной, т.е. в «Кофе-Бине» на Тверской. Я как раз заканчивала тогда работу в «Известиях», а он мне рассказывал, что – вот, недавно создал Институт верховенства права, и уже есть сайт, но еще нет офиса. Рассказывал и про дела, которые вел, в том числе связанные с антифашистами. Мы там сидели очень долго, наверное, часа три, и это было удивительно, потому что Стас настолько был всегда в работе и в разъездах... И как хорошо, что мы тогда успели с ним о многом поговорить.

Стас был замечательным человеком и хорошим другом. Таким я его воспринимала. Конечно же, я знала про его громкие дела. Знала и про то, как его отвели от защиты в деле НРА, вызвав на допрос в ФСБ. После этого он сказал, что за подобные вещи браться не будет. Видимо, с ним поговорили серьезно. Остался Северный Кавказ. Там ему работать было можно – пока. Опасно, конечно же, но... мне всегда казалось, что он на самом деле не такой уж «крутой и бесстрашный», что он, в общем-то, довольно разумный и осторожный человек. Он понимал, что опасно, и пытался понять, насколько опасно, и, возможно, оценивал меру риска и т.д. Он не собирался умирать.

После того разговора в ФСБ он сразу же понял, что продолжать защищать обвиняемых в терроризме для него не просто рискованно – бессмысленно... И отступил. Поэтому я до сих

пор не понимаю и думаю, пытаюсь понять – чего же он не учел? Что же все-таки произошло, откуда пришла беда? Или же – злой рок?

Моя дочь, сейчас уже взрослая, знала Стаса с 11 лет, но политикой она не интересуется и новости смотрит нерегулярно. Когда она услышала от меня, что его застрелили... Она его очень любила – по-детски, конечно. Он тогда часто бывал у нас дома, и его нельзя было не любить. Да, Стас был именно тем человеком, про которого трудно, почти невозможно сказать – «убили»... Так вот, узнав об этом, она воскликнула: «Дьявол! Если так, то сваливать надо отсюда, и чем скорее, тем лучше». Это, по-моему, – приговор стране. Никогда до этого она не говорила об отъезде, ведь ее дом – здесь.

Но если здесь убивают лучших...

Не такой ли реакции, и прежде всего от интеллигенции (в старом, но еще не окончательно забытом смысле слова), ожидали его убийцы-provokatory? Настоящие организаторы государственного террора, которые никогда не предстанут перед судом. Судить будут «пешек».

Рана, которую причинила мне гибель Стаса, не заживет никогда.

Рябов Петр. «Вяселка»- 1998: краткий очерк антиатомной анархической кампании

Идея - устроить антиатомную кампанию в Беларуси летом 1998 года против предполагавшегося строительства АЭС на Могилевщине, недалеко от Чернобыля, пришла в голову Стасу Маркелову, московскому адвокату, общественнику, социалисту, участнику лагерей протеста (в частности, лагеря 1996 года против пуска Ростовской АЭС под Волгодонском), большому другу анархистов и экологов, человеку веселому, творческому и неугомонному. К тому времени связи московской и белорусской анархических «сцен» были уже более-менее постоянными. В октябре 1996 года группа московских анархистов даже ездила в Минск участвовать в антилукашенковских выступлениях оппозиции, и часть ее участников (включая автора этих строк) даже «героически загремела» на пять суток.

Стас Маркелов, давно интересовавшийся белорусской историей, культурой и общественной ситуацией и даже выучивший белорусский язык, регулярно ездил в Беларусь и по личным делам, кажется, с весны 1997 года он познакомился с милой студенткой - журналисткой и общественной активисткой - Галинкой, которая несколькими годами позже стала его женой. К тому же у пары московских активисток «Хранителей Радуги» (анархо-экологического движения в России и Украине) накопилось серьезное недовольство ситуацией в движении (сочетание хаоса с авторитаризмом) и появилось желание сделать свой «проект». Поддержал их в этом наш московский толстый теоретический анархический журнал «Наперекор» (я входил в его редакцию и поместил в нем соответствующее воззвание ко всем людям доброй воли, с нашими контактами), и дело закипело.

С осени 1997 года мы начали регулярные поездки в Беларусь, искали союзников и потенциальных участников марша протеста, собирали информацию о ядерном проекте. Мы посещали Гомель, Могилев, Гродно, Минск, встречались с разными людьми.

Весной 1998 года мы провели заключительное совещание на окраине Минска, в лесу. В совещании участвовало до тридцати человек из России, Беларуси и Польши. Собралась небольшая и пестрая, но теплая, дружная и вполне работоспособная команда, в которой участвовали несколько анархистов и экологов из Москвы. Четверо из них до этого несколько лет активно участвовали в деятельности анархо-экологического движения «Хранители

Радуги» (прославившегося своими радикальными экологическими лагерями протеста) и хотели сделать что-то вроде белорусского «клона» «Хранителей Радуги», я, имевший опыт участия и организации трех-четырёх эколагерей, московский адвокат Стас Маркелов, несколько польских активистов экологического и анархического движения, «хранительница радуги» Наталья Подобед из Могилева, анархисты из Гомеля, Минска и особенно Гродно, и экологи из Минска, близкие по взглядам к БНФ.

Мы назвали наше антиатомное начинание – «Вяселка» (что побелорусски означает «Радуга» и намекает на связь с «Хранителями Радуги»). Напечатали агитационную литературу: о вреде атомной энергетики, об альтернативных источниках энергии) – всего до десятка наименований (тиражами в сотни и тысячи экземпляров). Летом 1998 года в Могилеве на специально арендованную на несколько дней спортивную базу десантировался летучий революционный интернациональный отряд анархо-экологов, и антиатомный марш по лесным дорогам Могилевщины начался. В марше постоянно участвовало не более дюжины человек. Были: один милый и наивный немецкий «автоном» Матиас; двое поляков (анархист Станислав и «зеленая» Сюзанна); двое гродненских анархистов (легендарный Станислав Почобут и Паша по прозвищу «Гвоздь» (через несколько лет его покалечат во время альтерглобалистских беспорядков против саммита «восьмерки» в Праге); «хранительница радуги» из Могилева Наташа Подобед, трое минчан (студентка Галинка – подруга Стаса Маркелова, одна молодая супружеская пара экологов национал-демократов), четверо москвичей (Маркелов, две замечательные анархистки Ольга и Настя и я).

Стас Маркелов, юный, но уже опытный адвокат взял на себя «приятное» бремя – общаться с милицией. Таково было немногочисленное, но боевое, веселое и дружное ядро участников марша (среди которых было целых три человека, отзывавшихся на имя «Стас»).

Большинство из нас уже имело, несмотря на молодой возраст, опыт революционной борьбы – и мы вышли на борьбу с Государственно-Полицейски-Атомным Драконом без копий и щитов, а всего лишь с рюкзаками (набитыми листовками, брошюрами, палатками, спальниками и едой). Впрочем, отдельные товарищи активисты подъезжали к нам и присоединялись на различных этапах кампании. Общее число эпизодических участников «Вяселки», думаю, достигало трех десятков человек.

Впрочем, наш марш в классической «маршевой» форме продлился недолго – всего два дня. Заботливое полицейское белорусское государство не оставило нас без внимания и опеки. На берегу Днепра к нашим палаткам подъехали милицейские машины. Милиционеры задержали нас и отвезли в райцентр город Быхов. Нас обвинили в «несанкционированном мероприятии» – демонстрации. Так они назвали движение десятка людей с анархическим флагом по глухой лесной дороге. Повезли в областной центр – Могилев.

Мы были посажены в большую милицейскую машину. Перед тем как мы были вывезены из Быхова, к нам в кузов осторожно заглянул милицейский офицер и, пугливо озираясь по сторонам, торжественно-сконфуженно сказал, что он и его друзья «гордятся нами» и желают нам «успешной борьбы». (У меня, помню, сразу возникла мысль: если бы ему, к примеру, велели нас расстрелять, он повторил бы эти проникновенные слова... перед тем как выполнить приказ?) Это неожиданное признание окончательно развеселило и ободрило нас, и, когда милицейская машина помчала нас по ухабистым дорогам Могилевщины, мы

начали распевать хором старые революционные песни и даже подняли люк на крыше машины и – над милицейским автомобилем взмыл черно-красный флаг анархистов. Так мы триумфаторами и въехали в гостеприимный Могилев.

Высаженные в Могилеве, мы решили сменить тактику: раз общее движение группы стало невозможным, мы начали делиться на пары и ездить автостопом по селам в районе планируемого строительства АЭС1. Мы приходили в школы и библиотеки, беседовали с местными сельскими «интеллигентами» (учителями, библиотекарями, клубными работниками) и раздавали им брошюры и буклеты. Напоминало «хождение в народ» образца 1873 года. Реакция на нас была различная: от запуганного недоумения до заинтересованного внимания.

Затем мы переместились в город Шклов, где провели пикет с элементами театрализации. Впрочем, центральная площадь города Шклова, где мы пикетировали, была оцеплена милицией, и мало кто из жителей смог увидеть наши доморощенные театральные изыски.

Следующий пикет с раздачей листовок, плакатами и речевками мы провели в Минске. Затем прошел большой рок-концерт¹ в поддержку антиатомных требований недалеко от Минска (на «Минском море»). В концерте участвовали сотни молодых людей, которые бесились целую ночь, но вряд ли хорошо осознавали экологический смысл происходящего. Концерт произвел на меня неизгладимо тяжелое впечатление.

Увенчала кампанию пресс-конференция с участием активистов «Вяселки» и минских ученых, объяснявших вредоносность АЭС, тем паче недалеко от мест, итак пострадавших от чернобыльской катастрофы.

На этом наш марш был завершен. Впрочем, в Беларуси еще некоторое время действовала небольшая группа, выпускавшая экологическую антиатомную газету «Вяселка». Впрочем, через год газета заглохла.

Уж не знаю, наши ли скромные усилия или какие-то не зависящие от нас обстоятельства тогда остановили белорусские власти от их опасной и безумной затеи, но на несколько лет разговоры об АЭС прекратились. Общественный резонанс от нашего марша был не слишком велик (как и наши силы), однако он все же был, сотни белорусов узнали об атомной опасности (во многих селах остались наши брошюры и буклеты).

Укрепились связи между активистами России, Белоруссии и Польши. Неравнодушные к тому, что происходит на свете, люди по разные стороны границ вновь выступили против своих правителей с их бесчеловечными замыслами. Это был скромный по масштабам и последствиям, но ценный опыт общественного действия. И о нем не стоит забывать.

Леонтьев Ярослав.

Маркелов был романтиком

Впервые я встретил Стаса, кажется, в начале 1992 года. Тогда он был еще совсем юным и выглядел довольно экзотически – длинные волосы, собранные в хвост, фенечки... Это произошло на каком-то политическом форуме в Доме политпросвещения на Трубной. В кулуарах мы оказались рядом с ним, и мне он тогда активно не понравился. Вижу, какой-то юнец громко разговаривает, размахивает руками. Ну, думаю, задавака, если не сказать «демшиза».

Потом я узнал, что он себя отождествлял с хипповской Системой, хотя по возрасту, разумеется, не мог к ней принадлежать. Это было такое эпигонство, если так можно выразиться – и именно таким я его поначалу и запомнил. Все изменилось в 1993 году, когда после подписания Ельциным печально знаменитого указа 1400 от 21 сентября начался «Черный октябрь». Мы, левые социалисты и анархисты, приняли для себя такое решение: поскольку мы не можем стать по какую-либо сторону баррикад, но считаем себя социалистами, т.е. в буквальном переводе «общественниками», мы должны что-то в этой ситуации сделать для общества. Мы понимали, что ситуация движется к крови – большой ли, малой – но что кровь прольется, что будет гражданская война, всем было ясно.

Когда мы собрались в музее Николая Островского (Александр Бузгалин вел тогда эту встречу левой интеллигенции), я выступил с обоснованием инициативы создания добровольной санитарной дружины. К формированию ее мы приступили, собравшись в Дзержинском райсовете на проспекте Мира. Поначалу дружина состояла из нескольких человек. Мы сшили флаг с красным крестом, обзавелись белыми повязками. Решили назвать сандружину именем поэта Максимилиана Волошина. Он, как известно, когда жил в Крыму во время Гражданской войны, помогал красным, когда тех преследовали белые, и белым, когда тех преследовали красные.

Первый наш «выход в народ» состоялся в субботу 2 октября. Мы сначала зашли в Краснопресненский райсовет и оттуда, узнав, что начались серьезные столкновения, двинулись на Смоленскую площадь вдоль оцепления, блокировавшего подступы к Белому дому.

Смоленская площадь была покрыта баррикадами с двух сторон: начиная с Зубовской площади, по Садовому кольцу стояли автобусы с ОМОНОм. То же самое – от перекрестка с Новым Арбатом. Напротив старого Арбата образовалась «вольная зона», свободный пяточок, отвоеванный в драках с милицией. Здесь горели покрышки, высоко поднимались клубы черного дыма и языки пламени, зрелище было впечатляющим – почти как в октябре 1917-го. На баррикадах стояли люди с арматурой, некоторые в строительных касках. Поодаль –

омоновские цепи, тоже в касках, со щитами и дубинками.

Мы заняли под сандружину один из покинутых владельцами ларьков на площади и объявили сбор медикаментов, бинтов и денег. Подходили разные люди – кого-то мы успели предупредить заранее, а кто-то только что узнал про нашу затею. Среди тех, кто подошел без предупреждения, был 19-летний Стас Маркелов, студент Юридической академии, который сразу же стал одним из активнейших участников наших действий.

На следующее утро, в солнечный воскресный день 3 октября вместе с присоединившимся к дружине Стасом собрались на Октябрьской площади, где был объявлен сбор так называемого «народного веча». Вслед за демонстрантами сандружинники выдвинулись в сторону Крымского моста. Первую помощь нам пришлось оказывать молоденьким солдатам, которых прорвавшийся народ просто смел. Но были пострадавшие и среди демонстрантов, превратившихся в повстанцев. И так на протяжении всей дороги к Белому дому помогали и тем, и другим...

А потом началась стрельба – сначала в гостинице «Мир», а потом в здании мэрии, бывшем СЭВе, и уже появились первые раненые с «огнестрелами». К моменту похода к телецентру в Останкино у нас появились профессиональные врачи и фельдшеры (после обращения исполкома Белого дома с просьбой к врачам присоединиться к сандружине). Я с несколькими сандружинниками остался на том месте, где разбили полевой «медсанбат», а Стас и другие поехали в Останкино. Он и жил в двух шагах оттуда, на Аргуновской. Когда началась бойня у телецентра, они начали действовать как санитары – помогали вытаскивать раненых изпод огня, вывозили их в «Склиф». Один по дороге скончался. Стас самым активным образом помогал пострадавшим.

На следующее утро, 4 октября мы снова собрались в обществе «Мемориал» в Малом Каретном переулке. Там мы решили разделиться по двое и по трое и попытаться мобильными группами прорваться в район Белого дома. Стас и его приятель Павел оказались единственной группой, которая в результате все-таки прорвалась через оцепление, причем весьма экстравагантным способом – на «демороссовском» автобусе. А там они опять занялись, на этот раз бок о бок с несколькими профессиональными медиками спасением раненых в непосредственной близости от обстреливаемого Белого дома.

После того как было объявлено чрезвычайное положение, мы не свернули сандружину, а наоборот, занимались ликбезом, продолжали собираться, ходили на прощание с погибшими, поддерживали контакты. Даже на 7 ноября выезжали на какую-то неразрешенную акцию, кажется, митинг «Трудовой России». С этих дней осталась известная фотография, сделанная Тупикиным, когда мы специально собрались в районе «медпункта», чтобы сделать снимок на память. За это время мы все близко сдружились – это была, если угодно, по-своему фронтовая дружба. А со Стасом меня постепенно начала связывать и личная дружба. Мы встречались в «Мемориале», гуляли по Москве. Помню, как однажды со Стасом и нашим сандружинником Ником Широниным чуть ли не до утра сидели на Страстном бульваре и глушили портвешок. В другой раз собрались у Оли Трусевич на Ленинском проспекте. Кажется, это было на сороковины после расстрела Белого Дома. По крайней мере, утром мы побывали на траурных мероприятиях там, а затем оттуда, прихватив не из

числа сандружинников Старикова, Леву Сигала и Платоненко, отправились к Ольге. Когда в ночи шли к метро, на подходе к Гагаринской площади мы громко запели:

*Смело мы в бой пойдем
За власть Советов...*

И тогда в нас с какого-то верхнего этажа швырнули не то бутылкой, не то трехлитровой банкой. Разорвалась возле нас словно бомба, к счастью, никого не задев.

Пережив октябрьские события, по свежим следам Стас, Петя Рябов, Володя Савельев и я попробовали опубликовать в виде цельной статьи свои рассказы об увиденном, но в Москве это не удавалось. (Позднее Савельев наговорил свой более подробный рассказ на диктофон Андрею Колганову, и он вошел в сборник «Кровавый октябрь в Москве»). Тогда я послал текст и сделанную Тупикиным фотографию в Иркутск Подшивалову. Текст был большой, на две полосы. Игорю удалось его тиснуть в газете «Версия», местном аналоге «Совершенно секретно». Еще потом мы хохмили, так как это оказался последний номер «Версии». Подшивалов смеялся: вот, дескать, за вашу статью «Версию» закрыли и мне теперь негде работать. А в письме у меня спрашивает: «А что это там за девушка рядом с тобой? Что за санитарка?». Стас, ведь, длинноволосый был, а на фото еще и в шарф закутанный. Позднее, когда я их представлял, решил съязвить: «Вот это, Игорь, наша санитарка и есть. По имени Стася Маркелова». Подшивалов загоготал, а Стас на меня, естественно, обиделся. В общем, так мы прикалывались.

Лето 1994 года для него стало в определенном смысле провиденциальным. От «Мемориала» Стас ездил в качестве наблюдателя в Назрань в связи с осетино-ингушским конфликтом, о чем замечательно вспоминает Дима Лозован. Кроме того, летом того же года я выдвинул идею создания Левого исторического клуба (ЛИК) при обществе «Мемориал», и с осени Стас начал активно посещать наши заседания и круглые столы. Понятно, что он не был профессиональным историком, но на собрания ЛИКа приходили как профессионалы, так и просто интересующиеся. Из известных сейчас имен можно назвать, например, Александра Тарасова, Александра Колпакиди, Константина Морозова из «Мемориала», Вадима Дамье – известного историка анархизма... Из старшего поколения с ЛИКом сотрудничали такие крупные историки, как В.Ф. Антонов, Н.М. Пирумова, А.С. Велидов, писатель Юрий Давыдов, автор романов о революционерах. В числе выступивших у нас были А.Д. Синявский, М.В. Розанова, П.М. Абовин-Егидес, позиция которых по отношению к октябрю 93-го нам импонировала. Особо надо сказать об одном выступлении Андрея Исаева, который еще не был ни с властью, ни в Думе, а редактировал газету «Солидарность». Его вместе с Александром Шубиным и их учителем Василием Федоровичем Антоновым мы пригласили для участия в диспуте на тему «Западный социализм и проблема самобытности “русского социализма” и “русского анархизма”». Это было в конце декабря 1994 года, и дискуссия как-то сама собой перешла в плоскость оценок и прогнозов развития событий в Чечне. Наши встречи в стенах ЛИКа в это время сочетались с одновременным участием в первых антивоенных пикетах на Пушкинской площади.

Недавно я решил покопаться в архиве «Мемориала», и папка с документами ЛИКа преподнесла неожиданный сюрприз. В ней, среди других бумаг, находится разграфленный

лист бумаги стандартного формата А-4 с напечатанной сверху «шапкой»: «ЗАПИСЫВАЙТЕСЬ В ЛЕВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КЛУБ». И первая же запись была сделана Стасом Маркеловым. В той же архивной папке сохранился рукописный протокол организационного собрания 25 октября, во время которого были распределены обязанности членов создаваемой рабочей коллегии. В эту координационную структуру ЛИКа вошло шесть человек, включая Станислава Маркелова, на которого возлагалось решение «юридических вопросов».

Ограничусь сейчас этими отрывочными и далеко не полными воспоминаниями о ЛИКе, рассказав напоследок «веселую историю». Однажды кто-то подкинул идею: давайте сходим к стеле на Воробьевых горах в память о клятве Герцена и Огарева продолжать дело казненных декабристов, описанной в «Былом и думах», и устроим там субботник. Потому что там пьют, валяется битое стекло, всякий мусор. Пригласили на прогулку «бабушку» современного русского анархизма Наталью Михайловну Пирумову (может быть, она сама и подала эту идею). С нами там были аспирантка Пирумовой Ира Демьянюк, еще одна девушка, аспирантка из Канады, бахаистка. Из ЛИКа, помню, пришел «мемориалец» Дима Зубарев, но полностью всю компанию уже и не вспомню. Честно говоря, Стас смолоду всегда любил выпендриваться перед девушками. Да и впоследствии приметные девушки не оставляли Стаса равнодушным. Так вот, приходим к стеле, провели субботничек небольшой, почистили все там. Потом спускаемся к Москве-реке на пикник, мы с собой тоже, конечно, кое-что захватили. На лужайке расположились, скатерть-самобранку постелили. Приятный майский вечерок. Пирумова с нами беседует. Хорошо так сидим.

И вот Стасу захотелось покрасоваться, особенно перед нашей канадкой. Он молодой был и неженатый, дело понятное. Как известно, он был превосходный пловец. На моих глазах он Москву-реку не раз в разных местах переплывал туда-сюда, в районе Строгинской поймы, например. И тут Стас решил переплыть, хотя для купания был еще не вполне сезон. Хоть и конец мая, но вода еще не прогретая. Да и плавок у него с собой не было. Поэтому он в джинсах поплыл. Лихо так перемахнул Москву-реку в Лужники. А мы сидим на травке, общаемся. Вскоре выяснилось, что он, оказывается, переплыл на другую сторону, когда было «окно» между движением прогулочных катеров. Он было обратно поплыл, а тут пошли катера туда-сюда, да еще баржа какая-то, буксиры, в общем опасно стало возвращаться. Не ровен час под винт попадешь. Он стоит в Лужниках, машет с того берега. А голоса, естественно, не слышно. Время идет, и катера все идут. А мы же не можем без него уйти. Пирумова начинает сердиться, ворчать, а Маркелова все нет и нет. Так продолжалось до тех пор, пока он все-таки не дождался другого «окна» и не приплыл назад. А поскольку он плавал в джинсах, то и они оказались покрыты жирными пятнами мазута. А нам ведь в метро ехать. Ну, делать нечего, так и поехали. Помню, как мы все вместе шли с Пирумовой, по очереди ведя ее под руку. Она уже начинала сдавать, а мы поднимались по крутой и длинной лестнице вдоль трамплина на Воробьевых горах.

Надо еще сказать, что Стас глубоко интересовался историей революционного движения и, в частности, он всегда хотел продолжить традицию политической адвокатуры в России, которая существовала во время процессов над социал-демократами, народовольцами и эсерами при царизме. В то же время его очень интересовала история политического «краснокрестного движения» (дореволюционных партийных и межпартийных «Красных крестов», Политического Красного Креста и организации Пешковой в советское время) и

того, как можно реально оказывать помощь политзаключенным. Продолжить традицию ему удалось: судя по первым же его делам, которые он вел, – будь то дело Соколова или «краснодарское» дело, – он сразу себя начал позиционировать в качестве левого адвоката. Не мешает еще вспомнить дело Ларисы Романовой о взрыве возле приемной ФСБ на Кузнецком, когда в июне 1999 года Маркелов был остановлен прямо на улице и получил повестку для явки на допрос в УФСБ по Москве и Московской области в качестве свидетеля, и тем самым выведен из дела. «Мемориал» в этой связи делал заявление¹ (1 У обвиняемых и свидетелей по «краснодарскому» делу требовали показания на Маркелова, угрожая «найти на него кое-что». Станислава следователи также допрашивали, требуя, по сути, нарушения адвокатской тайны. (См. заявления ПЦ «Мемориал» от 8 июля 1999 г.)).

Из его общественной деятельности можно вспомнить про участие Стаса в Прямухинской вольной артели – это была очень интересная инициатива по оказанию помощи в возрождении усадебного комплекса в Тверской области, на родине Бакуниных. Эта артель появилась по инициативе группы активных в недавнем прошлом КАСовцев. Тверской предприниматель и литератор Владимир Иванович Сысоев (скоропостижно скончался 3 января 2009 года) вместе с потомком семьи Бакуниных Георгием Циргом и все той же неутомимой Пирумовой попытался организовать реставрационные работы в усадьбе Прямухино. К работам по благоустройству усадебного парка они привлекли анархистов и их друзей. В доме, принадлежавшем Сысоеву в соседней с Прямухином деревне Лопатино, базировалась «Вольная артель», в которой летом трудились Миша Цовма, Петя Рябов и много кто еще. Артель помогала в восстановлении сохранившегося усадебного флигеля дома, очистке прудов, огораживании уникального парка. На мой взгляд, Прямухинская артель была моделью то ли народнической, то ли толстовской коммуны конца XIX – начала XX века, где люди, с одной стороны, добровольно работали за идею, а с другой – отдыхали, общались, проводили по вечерам семинары. Как раз во время работы в артели Стас познакомился, а потом и близко сдружился с ветераном левого движения, самым известным анархистом в Сибири и не менее известным иркутским журналистом Игорем Юрьевичем Подшиваловым, который был одним из руководителей артели. Нам со Стасом довелось проводить вечер памяти Игоря Подшивалова в «Мемориале» в феврале 2007 года, а летом того же года в Прямухино состоялись чтения его памяти, в которых Стас также участвовал. (Чтения одновременно были посвящены и десятилетней годовщине со дня смерти Н.М. Пирумовой.) Это был, кстати, последний визит Маркелова в Прямухино.

В связи с артелью хочу рассказать об одном забавном приключении. Как-то я приехал туда рано утром в гости, добираясь на перекладных. Меня встретили Стас, панк из Волгограда по кличке Ежик и Ира Бескова, которые, если не ошибаюсь, остались в тот день в Лопатине дежурить по кухне. В основном артельный народ уже отправился работать в Прямухино. Я приезжаю и с порога говорю: «Стас, что у вас там на обед? Может, за грибками сходим? Людям сюрприз сделаем». Быстро собрались, и решили прогуляться все вчетвером. Думали, на часок-другой... А перед этим, в местных лесах ураган прошел и самые настоящие джунгли из поваленных деревьев образовались. Мы перемахнули несколько таких завалов, и через некоторое время поняли, что заблудились. Все время куда-то идем на просвет, а попадаем каждый раз в болотце. Все там перессорились, потому что каждый мнил себя Данко, а в итоге оказывался Сусаниным. В конце концов ругаться и спорить надоело, да и сил никаких уже не было. Грибов поначалу набрали, а потом их выбросили, надоело носить.

Тем более что благородных почти не было, так себе какие-то сыроежки жалкие. Солнце постепенно катилось в закат, а мы уже бредем наугад, куда кривая выведет. И в итоге вышли на безлюдную делянку, где стоял не запертый вагончик. Вот там нас ждал настоящий рай. Дело в том, что с утра у нас не было ни воды, ни куска хлеба, ни курева. Стас, конечно, не курил, но мы с панком Ежиком были не прочь затянуться, а когда в лес пошли, я буквально пару сигарет взял с собой. В вагончике на лесоповале обнаружилась, во-первых, бутыл с остатками спирта «Рояль». Боюсь соврать, но грамм 50, а то и побольше, там наверно было. Оставили зачанку или просто не в силах были допить что ли лесорубы? Во-вторых, в другой бутылке или канистре была какая-то вода. Не свежая, конечно, но все же... Мы сначала сделали по одному глотку, остальным решили разбавить «Рояль». А потом еще и закурили, включая Иру. Там на полу валялись «бычки» от сигарет без фильтра и куски газеты, из которых мы с Ежиком тут же свернули самокрутки. Только Стас проигнорировал курение. Но самое главное, что вдоль лесной трассы шла высоковольтка, к которой был подключен и вагончик. Приняв допинг и моментально ожив, мы пошли по линии высоковольтки и довольно скоро вышли в какуюто деревеньку. Прежде всего попросили воды, нам выставили ведро, и мы долго не могли оторваться, пока уже окончательно не пришли в чувство. Кстати, в деревне из-за урагана электричества уже недели две не было. Поинтересовались, сколько идти до Прямухина? В ответ услышали: «Зачем вы по лесам-то ходите? Надо по полям пройти и километра через три будет Прямухино». И показывает дачница, которую мы расспрашивали, прямо в противоположную сторону той, откуда мы пришли. А солнце к тому времени уже совсем садилось, хорошо, что в Тверской области в это время полной темноты не бывает. В общем, к полночи мы были на месте. У меня запечатлена вся эта «одиссея» на фотографиях. На них и вырванные деревья с огромными корнями, и вагончик, и стог сена, на котором решили немного передохнуть перед последним марш-броском.

Говоря о своих политических взглядах, Стас в то время определял себя как левого социал-демократа – «меньшевика-мартовца», как он иногда в шутку сам себя называл. В СДПР он блокировался с той левой группой, которую возглавляли супруги Ракитские и которая в итоге провозгласила себя «Левой платформой». При этом он спокойно мог общаться с людьми, которые определяли себя как анархисты или коммунисты (левого, не зюгановского толка), но в этом тоже был он весь.

В период, когда он пришел в политику, молодежная составляющая в оппозиции была не так уж велика и присутствовала, скорее, на периферии политического процесса. Стас вращался сразу в нескольких сообществах, порой являясь даже связующим звеном между ними. Например, он близко общался с радикальными экологами из организации «Хранители Радуги». Одним из самых первых адвокатских дел Маркелова было дело о погроме эколагеря в Волгодонске, боровшимся с запуском АЭС. Там имело место серьезное нападение – со сломанными конечностями, с жестоким избиением. Он и сам лично участвовал в этом лагере, там у него появились связи с украинскими экологами и анархистами. Кроме того, он имел отношение к акциям «хранителей» в Касимове.

Вообще, Стас всегда сочетал слово и дело. Можно провести аналогию с уже упоминавшейся политической адвокатурой царской России. Правда, в основном адвокаты сами не стояли на баррикадах, если со временем, конечно, не превращались в чистых политиков, как Ленин и

Керенский. Но, как правило, в молодости они прошли школу революционной борьбы (такие адвокаты, как Муравьев, Малянтович)¹ (1 *Российские адвокаты Муравьев и Малянтович – одни из инициаторов создания в 1895 г. «кружка рабочих защитников»*. Н.К. Муравьев в 1918–1922 гг. был председателем Комитета политического Красного Креста, арестован, в 1922–1923 гг. выслан из Москвы. П.Н. Малянтович в 1930 г. был арестован по делу «Союзного бюро меньшевиков», освобожден в 1931 г. Арестован в 1937 г., расстрелян на Бутовском полигоне.). Вот и Стас не гнушался акций прямого действия. Достаточно вспомнить, как вел колонну студентов и попал под раздачу дубинок, будучи одним из организаторов профсоюза «Студзащита».

С другой стороны, как я уже говорил, он завязал тесные дружеские связи с правозащитниками, прежде всего из ПЦ «Мемориал». Начиная с первой поездки в Ингушетию, его приезды на Кавказ не прекращались. Наверно, это было обусловлено его личной антивоенной позицией. Когда началась первая чеченская кампания и были попытки создания широкого антивоенного движения, Стас рассматривал происходящее с левых позиций. В то же время он, как человек увлекающийся, романтичный и азартный, всегда хотел самолично изучить ситуацию вплотную, изнутри, ну и заодно набраться профессионального опыта.

Прошли студенческие годы, и многое изменилось – Станислав завел семью, вместо хаера у него появилась аккуратная стрижка, он стал носить костюм и вести публичную деятельность. Но как только Стас попадал в свою среду, он преображался и становился прежним Маркеловым, которого мы знали. Расскажу еще одну историю.

Дело происходило лет шесть назад, когда Стас уже был адвокатом и уже женился на Галинке. Старший брат уступил молодоженам свою квартиру рядом с площадью Индиры Ганди. Как-то Галя уехала в Минск, это было между первым и девятым мая. Прихожу к нему в гости: «посидели», расслабились, и я остался у него ночевать, чтобы в университет поближе было. На следующий день была суббота, у меня по расписанию две лекции на физфаке: вторая и четвертые пары с окном между ними. Утром Стас первым пошел душ принимать, а я сдуру стал баловаться наручниками, которые Миша Маркелов привез из какой-то «горячей точки», из одной из своих тележурналистских командировок. У этих наручников один браслет нормальный, а второй не работал, деформирован был. И вот я надел работающий браслет на левую руку и защелкнул, но не до конца, конечно. Кричу через дверь Стасу: «Где ключ?». Он отвечает: «Какой ключ? Не было ключа». Пробуем с помощью мыла снять, но не тут-то было – браслет уже в костяшку большого пальца уперся. Пока пытались снять, наручники защелкнулись на последний зубчик. А у меня лекция минут через сорок должна быть. И тут меня осенило. Говорю: «Стас, вспомним сандружину – у тебя есть бинты?». Ну, забинтовали руку и повесили на перевязку. «Не предупредил меня на счет ключа заранее – будешь читать лекцию вместо меня». Он спрашивает: «А какая тема?». – «Предвоенная ситуация в СССР и пакт Молотова-Риббентропа». – «Ладно, – говорит, – пошли».

Поплелись с Маркеловым на лекцию. Я выхожу на кафедру и провозглашаю, что с преподавателем стряслось несчастье: «Упал, очнулся – гипс. Зато у вас есть уникальная возможность послушать дипломированного юриста. Мой коллега – адвокат, и он может

осветить изучаемую тему с точки зрения международного права, и т.д.». И вот Стас «на голубом глазу», безо всякой подготовки начал анализировать Мюнхенское соглашение, аншлюс Австрии, пакт о ненападении Молотова-Риббентропа, нападение Германии на Польшу и вступление в войну Советского Союза. Выступал в излюбленной манере, с жестикуляцией руками. Конечно, в какой-то мелкой хронологии он делал ошибки, и я его немного подправлял, сидя сбоку от кафедры, но в целом все было на высоте, и, заметьте, безо всякой подготовки!

Одна лекция закончилась. Но надо еще и думать об «освобождении». Мы стремительно бежим к станции метро «Университет». Стучим в палатку металлоремонта. Высовывается заспанный армянин: «Что надо?». – «Брат, помоги – вот видишь какая ерунда». Стягиваю бинт, он берет какие-то отверточки, пробует тыкать и ковыряться ими. Но у него ничего не получается: «Извини, дарагой, ничего не могу памочь». Опять наматываем обратно бинт. Говорю Стасу: «Ну что, пойдём сдаваться?». Пошли в отделение милиции в Главное здание МГУ. По дороге спрашиваю: «Стас, у тебя хоть ксива-то есть с собой?». – «Да, – отвечает. – Московской коллегии защитников». И добавляет: «Брат мне голову оторвет, изымут у нас по протоколу наручники, как спецсредство. А это подарок» (забыл только кого, чуть ли не самого генерала Лебедея). Ладно, пришли и стучим в закрытую железную дверь. Там менты, конечно, тоже майские празднуют. Долго стучали – никто не открывал. Наконец, какой-то опер вышел спортивного вида, в кожаной куртке: «Чего надо?». Потом посмотрел и говорит: «Ребята, не морочьте мне голову, мне на задание надо ехать». И мимо прошел. Мы опять стучим. Сержант с автоматом выходит, в возрасте такой дядечка. Один браслет на мне висит, другой болтается. Стас адвокатскую ксиву показывает. Подозреваю, какой дурацкий вид был у нас. Нам самим уже все это смешно было. Хорошо, что сержант тоже попался с юмором. «Пошли за мной», – скомандовал. И говорит с ленивым видом: «Эх вы, детский сад. Даже не можете наручники сами снять!» Берет скрепку канцелярскую, разгибает ее, засовывает в дырочку и раз! – открывает. Говорит: «Забирайте вашу игрушку и проваливайте!». А тут как раз время лекцию читать подоспело. «Теперь моя очередь, – говорю Стасу, – но ты не убегай, пойдём обмывать освобождение, я проставлюсь!» Сказано – сделано. Вернулись из университета к нему на квартиру, где друг друга раз по пять приковывали к батарее, а потом сами скрепками освобождались. В общем, продолжали развлекаться. А саму историю потом Стас долго вспоминал, когда встречались.

Как профессионал Стас очень быстро рос, приобретал опыт в самых разных областях. В том числе приобретая новые контакты в Государственной Думе. Думаю, что не обошлось без помощи брата – депутата Госдумы прошлого созыва, который прошел в нее от «Родины», а потом был во фракции «Справедливой России». Хотя они с братом поначалу были кое в чем политическими антагонистами, но семейные узы чтити свято. Сам Стас был помощником у Олега Шеина, участвовал в его избирательной кампании в Астрахани. Я уверен, что он мог бы превратиться в интересного политика новой формации. Все задатки для этого у него были, а в самое последнее время появился и выход на международную арену. Он создал и возглавил Институт верховенства права, участвовал в Российском социальном форуме в Петербурге, Сибирском социальном форуме в Иркутске, наконец, принимал участие в Европейском социальном форуме в Мальме в сентябре 2008 года.

До Станислава Маркелова в нашей стране фактически не было политической адвокатуры. Старших коллег Стаса – Падву или Резника – все же нельзя назвать сугубо политическими адвокатами. Между «правозаступниками» 20-х годов и Софьей Каллистратовой был разрыв преемственности в сорок лет. Точно такой же разрыв оказался между адвокатами диссидентов 70-х годов и новой политической волной середины 90-х. И вот появляется ярко выраженный политический адвокат-правозащитник Маркелов. Сейчас таких адвокатов хватает, будь то адвокаты «нацболов» или тех же праворадикалов. Но волею судьбы Стас Маркелов был на этой стезе если не первым, то одним из первых, когда их были единицы. А по отношению к молодым леворадикалам и антифашистам, из среды которых он и вышел, Стас и вовсе был единственным. И никто его теперь не заменит.

Разрыв в преемственности в 30-е годы стал следствием государственного террора, среди жертв которого были все категории граждан, включая адвокатов. Ни в брежневское, ни в царское время адвокатов не расстреливали и не сажали, в худшем случае преследовали в административном порядке. Адвокат – фигура неприкосновенная, убийство адвоката – это абсолютный цинизм, нарушение всех кодексов чести и правил игры. А в случае со Стасом – это еще и самая настоящая показательная казнь. Омерзительно-подлое убийство идеалиста.

Былевский Павел.

Корифей левой правозащиты

Стас Маркелов был моим хорошим другом и добрым товарищем. Познакомились мы в 1994 году, когда создавался независимый профсоюз «Студенческая защита». За пару дней до произошедшей трагедии мы с коллегами, сидя в кафе, беззаботно вспоминали, как несколько лет назад вместе со Стасом в Гуманитарном корпусе МГУ весело проводили очередное заседание Молодежного общества по изучению идей чучхе и все сопутствовавшие курьезы...

В 1994 году – кажется, целую вечность назад – моему однокурснику по факультету журналистики МГУ Юре Леонову довелось стать депутатом Государственной Думы. Он возглавлял рабочий профсоюз «Защита», и комсомольская идея о создании «молодежного филиала» пришлась ему очень по душе. Кто только ни пришел под знамена «Студенческой защиты» – самый широкий спектр сторонников левой идеи. Так, Стас был членом Социал-демократической партии России.

Большевики, коммунисты, комсомольцы, просто красные – гуманные и демократические социалисты, нежно-розовые социал-демократы, черно-красные анархисты и причудливый «фиолетовый интернационал»... Среди членов Исполнительного Комитета «Студенческой защиты» оказался и Стас Маркелов. Его ставили в пример прочим, как нужно неформально работать с учащимися – отпустить по-хиппарски волосы по плечи и тусоваться с молодняком «на Гоголях» или «на Грибе»! У Стаса тогда были именно такие длинные светлые волосы, которые он сзади собирал в «хвост».

«Бордово-красные» тогда, на всякий случай, с недоверием относились к товарищам по левому политическому спектру. Стас был одним из тех, кто помог сломать стену взаимного недоверия. Пусть самому ему это давалось, наверное, не так просто. Представьте картину: обсуждение в Малом зале Государственной Думы законопроектов, которые должны улучшить перспективы молодежи, в том числе учащейся. В Президиуме – бывший кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Верховного Совета СССР, тогда депутат Госдумы А.И. Лукьянов, а с трибуны выступает социалист-неформал, студент Московской государственной юридической академии Станислав Маркелов...

Если говорить о профессии Стаса, то он больше всего напоминал легендарных юристов, которые готовили и вершили Великую Французскую революцию, или даже отечественных коллег от Керенского до Ленина. Тех, для кого за правовыми нормами всегда стояли нужды,

беды, заботы, горести своих сограждан. В 1995 году, во время всероссийского Дня профсоюзных действий, когда «Студенческая защита» оказалась обезглавлена из-за превентивных действий, именно Станислав Маркелов вместе с Алексеем Цветковым, единственные оставшиеся в строю члены Исполкома «Студенческой защиты», провели демонстрацию пяти тысяч студентов по Новому Арбату до ГУМа.

Стас был необыкновенно разносторонним и многогранным человеком. Никогда он узко не замыкался на юридических заковыках, всегда видел внутренним взором широкий общественный контекст. Хотя юристом был высшей квалификации, иначе как бы удавалось ему выигрывать сложнейшие эпизоды различных «дел»? Но дело не только в высоком профессионализме юриста, а еще и в высокой отзывчивости Стаса.

В тяжелейшие, самые темные минуты, когда от обвиняемых отворачивались с опаской те, кто прежде называли себя «товарищами» – Станислав Маркелов всегда готов был прийти на помощь. Выехать за тысячи километров в любое время суток, вступить в дело, казавшееся безнадежным, поднять дух отчаявшихся – и в итоге выиграть. В его арсенале была не только юридическая наука и практика, которая богатела не по дням, а по часам – но и умение общаться с журналистами, дар трибуна, искусство выступить на митингах, способность быстро находить общий язык с прежде совсем незнакомыми людьми.

Наверное, именно со Станислава Маркелова началось удивительное, прежде неизвестное явление – «красная», «левая» правозащита. До середины 1990-х такое словосочетание показалось бы парадоксом. Известно, что «правозащитное движение», возникшее в СССР, было диссидентским, либерально-демократическим, его активно поддерживали зарубежные спецслужбы, а лидеры США использовали для дискредитации идей и практики социализма. Но после разрушения СССР все перевернулось до противоположности. Коммунисты, социалисты, социал-демократы и, конечно же, анархисты начали находить общий язык на почве защиты социальных и политических прав граждан.

Пробным камнем как для профессионала для Стаса Маркелова стало «дело» комсомольца Андрея Соколова, от которого отвернулись даже многие партийные бонзы. Ситуация была тяжелой: казалось, что против Соколова ополчились все силы мира. Станислав откликнулся сразу же, грамотно преодолел противодействие следствия и вошел в дело как адвокат. Укрепил боевой дух обвиняемого, родственников и товарищей. Пользуясь консультациями старших коллег, находил пробелы в доказательной базе, сумел безукоризненно опровергнуть самые грозные доводы обвинения.

Тогда засияла его звезда. После успеха в «деле Соколова» Стас бросился в другие казавшиеся безнадежными «дела» – «Реввоенсовета», «Новой революционной альтернативы»... В результате «левая правозащита» оформилась как широкое общественное движение, появилось много разных организаций, комитетов, групп поддержки активистов, обвиняемых по надуманным предлогам. Стремительно стал шириться перечень направлений юридической поддержки: «политические» дела, «социальные», экология, трудовые конфликты и споры... Станислав Маркелов участвовал во многих делах по каждому из этих направлений.

Необычайно отзывчивый, всегда доступный по мобильному телефону, практически безотказный, жизнерадостный Стас будто служил символом успеха: раз взялся – то дело выиграем. Или, если даже проиграем, то по минимуму, а потом будем отыгрывать назад. Десятки человек обязаны ему грамотной юридической защитой, сотни и тысячи – своевременными и спасительными профессиональными советами. Он был не просто сторонником социалистических идей, а настоящим человеком социализма – но не только нашего прошлого, но и, скорее, даже будущего.

Очень обаятельный, на редкость уживчивый, открытый всем Стас Маркелов не только нарушил «монополию» на правозащиту со стороны тех, кто любит выставлять напоказ свои либерально-демократические взгляды. Более того: он работал по многим делам, которые выходили за пределы собственно левого политического спектра. Как врач, который обязан помогать людям независимо от их мировоззрения и политических симпатий. В том числе антифашистам, «солдатским матерям», изувеченному оппоненту химкинских властей журналисту Михаилу Бекетову, родственникам убитой чеченской девушки Эльзы Кунгаевой, многим другим...

Неторопливо шли годы, Станислав Маркелов стал преуспевающим, известным, востребованным адвокатом, одним из ведущих по «политическим» делам. Вдобавок к «политическим» делам, гонораров за которые он изначально никогда не назначал, прибавлялись и те, за счет которых можно существовать, содержать семью. Но для него «доходные» дела никогда не становились главными.

Неслучайно Стас стал одним из лидеров Института верховенства права – сетевой организации, которая объединяет юристов, помогающих людям на безвозмездной основе, по зову совести: левым, коммунистам, комсомольцам, либералам, беспартийным. Тем, кто не в состоянии платить большие деньги, и по трудовым конфликтам, и по гражданским, и по уголовным, и по «политическим» делам...

Удивительно для наших времен, но Станислав был человеком бесстрашным. Помню, больше десяти лет назад один из фигурантов по «делу Реввоенсовета» просил меня передать, что если что не так будет, то Стасу «придется заболеть». Станислав тогда только рассмеялся и махнул рукой: типа двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Как человек Стас к 34-летнему возрасту несколько не изменился. Разве что стричься стал коротко. Я всегда был уверен, что, как только возникнет надобность, я просто наберу номер его мобильного телефона, и он тотчас откликнется на просьбу о помощи. В том числе по самому безнадежному делу, только уточнит обстоятельства. Я мог быть уверенным в этом вплоть до того момента, когда по телевидению узнал, что Стаса застрелил наемный убийца.

Митина Дарья. У него было обостренное чувство справедливости

В далеком 1992, когда все валилось и рушилось, мне выпало учиться на втором курсе истфака МГУ. Основные очаги сопротивления формировались именно в университете. Возрожденный комсомол Игоря Малярова, студенческие профсоюзы, включая самый яркий и радикальный – «Студенческую защиту», – все это варилось в гуманитарных корпусах университета. Именно тогда на каком-то шумном собрании по поводу очередного бюрократического наезда на нашу студенческую вольницу Игорь Маляров познакомил меня с высоким парнем, длинные волосы которого были забраны в хвост. Внешне он никак не контрастировал с остальными студиями в арафатках – был весел, смешлив и производил приятное впечатление доброжелательного раздолбая. Но когда он начинал говорить, все внезапно притихало и слушали. Звали этого парня Станислав Маркелов.

Несмотря на этакий легкомысленный облик, он говорил очень серьезные вещи: предупреждал нас о риске, которому мы подвергаемся, объяснял, как надо себя вести, чтобы, с одной стороны, нас не переловили поодиночке, а с другой – чтобы нам, гордым карбонариям, было не стыдно перед самими собой и друг перед другом. И хотя он не был «универовским» и учился в Московской юридической академии, а кроме того, был на целый год меня моложе (все знают, что второкурсник всегда внимает первокурснику с легким оттенком презрения), я его слушала с полураскрытым ртом. Удивительно обаятельный был человек.

«Студенческая защита» разрасталась и крепла с каждым днем, громко заявляли о себе новые отделения в разных вузах, разных городах, шли многотысячные протестные акции против коммерциализации высших учебных заведений, наступления на права студентов, и Стас Маркелов взял на себя, пожалуй, самое трудное и неблагодарное дело – юридическую помощь. Тогда еще не было мобильных, Интернета и электронной почты, но в студенческой среде фамилия Маркелова была на слуху. Помню, как во время многочисленной студенческой демонстрации 12 апреля 1994 года¹ в Москве задержали многих наших ребят, помню, как Стас выковыривал нас из обезьянников буквально по одному, а потом еще и ухитрился превратить в ад жизнь главного московского эмвэдэшного начальника, настояв на судебном разбирательстве.

1 В этот день официальная Ассоциация профсоюзных объединений студентов (РАПОС) проводила разрешенный пикет у Белого дома. Пикет превратился в митинг и шествие по Новому Арбату до Кремля. Студенты были остановлены и рассеяны только у

Александровского сада и Красной пл. Десятки человек были избиты, 9 – задержаны. Эти события инициировали учредительную конференцию профсоюза «Студзащита» (16 апреля 1994 г.). 12 апреля 1995 г. состоялась вторая крупная студенческая манифестация от Белого дома к Кремлю. Участники, в том числе и Маркелов, были жестоко избиты милицией.

Стас, в общем, не был ни левым, ни правым – у него было особое правосознание, свойственное только профессиональным юристам, и, как ни банально это звучит, обостренное чувство справедливости. К нему обращались за помощью все – от разношерстных комсомольцев до членов Демсоюза Новодворской. Я не люблю слово «правозащитник»: у нас оно, к сожалению, изгажено разными недобросовестными спекулянтами, но Стас Маркелов был настоящим правозащитником в первоначальном значении этого слова. На его содействие и сочувствие можно было рассчитывать каждому, в отношении кого была допущена несправедливость. Неважно, с чьей стороны была допущена эта несправедливость – государства, вузовской администрации, ретивого омоновца, мироедаработодателя – Стас помогал всем.

После блестящего окончания академии буквально через год он стал членом Межреспубликанской коллегии адвокатов... Основанный им Институт верховенства права, не плативший сотрудникам зарплату, впрягался в дела, где на кону были миллионы.

Таких юристов, как Станислав, пожалуй, можно пересчитать по пальцам одной руки. Мне лично известно две-три фамилии. С проклятого 19 января 2009 года из этого списка исчезла фамилия Маркелов... Когда перечитываешь список дел, которые вел Станислав, диву даешься, насколько изобретательна наша власть в союзе с коррумпированными бандюками на разнообразные гнусности. Стас много сделал для того, чтобы комсомолку Ларису Романову, осужденную по абсурдному обвинению в терроризме, родившую в зоне ребенка, отпустили досрочно. Девушка ни за что ни про что отсидела 5 лет.

Защита уволенных с предприятий, борьба за рабочих Выборгского ЦБК, помощь пострадавшим от элитной застройки, выселяемым из студенческих общежитий, защита журналистов, страдающих от самодурства региональных феодалов, – он не боялся ни юридических сложностей, ни преследования, ни угроз. А угрозы Стас начал получать буквально с первых месяцев своей правозащитной деятельности. Если честно, я с трудом понимала, как ему удается улыбаться и сохранять такой заразительный оптимизм. Обычно так ведут себя люди, у которых напрочь отсутствует чувство опасности и инстинкт самосохранения. Тем не менее если внимательнее почитать и послушать выступления Маркелова, понимаешь, что он абсолютно ясно осознавал, во что он впрягается и чем это чревато. Просто он не мог по-другому; иначе это был бы уже не он...

В последние годы Стас активно работал с левой оппозицией: готовил не только акции протеста, но и альтернативные законопроекты, конференции, консультировал региональных активистов, был одним из главных организаторов российских и европейских социальных форумов. На последний Европейский социальный форум Стас поехал во главе делегации юристов Института, и с первого же дня, что называется, нашел себе «подработку по специальности». От мирных, вялых российских анархистов анархисты европейские отличаются весьма боевитым характером, так что в первый же день Форума некоторых

«повязали». Стас, взяв под руку двоих шведских дедушек-юристов, отправился в полицейский участок, и через несколько часов ребята были отпущены. Помню, как на антикапиталистической манифестации в Мальме, тщетно пробуя перекричать демонстрантов и громкоговорители, у него пыталась взять интервью симпатичная молоденькая девушка-корреспондент – тогда я еще не знала, что ее зовут Настя Бабурова...

Я не могу отойти от шока. Последний раз я видела Станислава за несколько дней до Нового года. Мы планировали совместную конференцию, которая должна пройти по инициативе Левого Фронта. Стас должен был вести отдельную секцию, взвалил на себя, как всегда, очень много. Когда я увидела это проклятое сообщение в новостях, первой мыслью было, что это какая-то ошибка. Именно в такие моменты понимаешь всю глупость и несправедливость фразы, будто незаменимых людей нет. Есть, еще как есть незаменимые! На прощании со Станиславом и Настей, проходившем на месте их убийства, я слышала характерный диалог: «Привет, вот уж кого не ожидал увидеть... Вы с ним разве знакомы были?» – «Да! В октябре 1993-го мы с ним раненых вытаскивали, а потом Стас нас на ночь к себе в квартиру забрал, чужую кровь смывать...» Было ему тогда, напоминаю, 19 лет.

До сих пор хочется набрать номер его мобильного и услышать бодрый голос: «Привет, я не в Москве, если все пройдет нормально, вернусь к концу недели...» У него осталось двое малышей, четырех и двух лет. Когда они вырастут, то обязательно поймут, что их отец был достойным человеком, ведь сотни людей смогут рассказать об этом...1

Ракитский Борис. Они истребляют надежду народа, его заступников

Все никак не восстанавливается душевное равновесие, все никак не ставится на полочку «Прошлое» убийство Станислава Маркелова. Из всех, кого я знал в жизни, этот молодой человек был одним из самых благородных, самых подающих и оправдывающих лучшие надежды. Такими начинал возрождаться наш народ после череды геноцидов XX века.

О Стасе Маркелове я впервые услышал от своей жены. Она упорно старалась в начале 1990-х годов призвать к приличной политической ориентированности и политической порядочности свою социалдемократическую партию (она была лидером левой фракции этой партии). В какой-то момент в ее рассказах появился проблеск светлой надежды – студент-юрист: «Еще, конечно, совсем зеленый, но уже политически полностью грамотный и очень определенный».

С этим студентом мне лично довелось не только познакомиться, но и сотрудничать в Консультативном Совете Конгресса левых демократических сил в 1992–1993 годах.

Станислав Маркелов был, действительно, студент. Но без малейшего политического инфантилизма, столь присущего и бывшему, и особенно нынешнему студенчеству. Он был совершенно взрослым мировоззренчески. Он уже сориентировался в этом мире, он уже сделал выбор, отсюда была его определенность и надежность. В этом молодом человеке чувствовалось то, чего обычно не хватало очень многим порядочным советским людям, – на него можно было смело опереться. Чуть позже я благодаря Станиславу понял, какой смысл несет в себе понятие «новые люди», если употребляется с окраской светлой надежды. Жаль, что таких «новых людей» бывает, раз – и обчелся...

Не помню, чтобы Стас увлеченно участвовал в дискуссиях по какому-либо общественному вопросу. Похоже было, что он «себе уже все доказал». Если и присутствовал при обсуждениях и спорах, то, скорее, как изучающий спорящих. Мне эта манера поведения была понятна и близка.

В Координационном Совете Конгресса левых демократических сил пребывал идейно разношерстный народ. Сил там точно не было, а левые и демократы были в явном меньшинстве. Верховодила в этом КС Людмила Вартазарова – не только бывший первый секретарь одного из московских райкомов КПСС, но и идейно-нравственно сугубо КПССовский кадр. Был со своими людьми Александр Бугалин. Был экзотический Абрамсон,

неизменно воздерживавшийся при любом голосовании. Мы с Маркеловым были самыми надежными «людьми Г.Я. Ракитской».

Все чудилось, что какое-то подкрепление левым и демократическим придет. Была надежда на рабочих: ведь совсем недавно, в 1989–1990 гг., шахтерское движение и сочувствие ему играли столь серьезную роль в крушении тоталитарной власти. А теперь один за другим создавались первые классовые профсоюзы (в отличие от корпоративистских).

Но подкрепление не приходило. Зато наступил «момент истины» для Конгресса левых демократических сил.

На российскую общественно-политическую повестку дня выдвинулся вопрос о возобновлении деятельности КПРФ. Социалистическая партия трудящихся Л. Вартазаровой проявляла себя в этом вопросе как кровный потомок КПСС–КПРФ (а можно сказать, и как их осколок). В нашем Конгрессе Л. Вартазарова стала спешно организовывать общественную поддержку КПРФ. Был подготовлен проект нужной КПРФ резолюции. Мы противопоставили ему свой проект. В нем было два ключевых пункта: 1) Конгресс левых демократических сил выступает против возобновления деятельности КПРФ как прямого продолжателя дела тоталитарной КПСС и 2) в случае возобновления деятельности КПРФ она не может входить в Конгресс левых демократических сил, ибо является не демократической, а тоталитарной и сталинистской по своей идеологии и своему партийному устройству.

Дискуссия длилась недолго. Не только люди Л. Вартазаровой, но и люди А. Бузгалина активнейшим образом отстаивали проект нужной КПРФ резолюции. «Кто есть кто» выявилось с предельной ясностью. Против их проекта голосовало трое – Ракитская, Маркелов и Ракитский. За нашу резолюцию – те же трое. Остальные против.

Прошли годы и годы, прежде чем довелось вновь контактировать со Станиславом. Он стал адвокатом, активным правозащитником, а после дела об убийстве Кунгаевой к нему пришла и всероссийская, и европейская известность. Я с удовольствием следил за его общественным выдвижением. Но вся его добрая слава и все его подвижничество не очень вязались с обликом того длинноволосого верзилы-студента.

Но облик его был уже совсем иной. В середине апреля 2005-го мы встретились на Первом российском социальном форуме. О! Станислав Маркелов был сама элегантность. Молодой, уверенный с своих силах мужчина, обладающий искусством не бросаться в глаза, не возвышаться над людьми. Интеллигентность – вот как это точно называется. Он и был в жизни именно интеллигентом в самом первичном чисто русском значении этого слова. Человеком чести, человеком доброго дела и – главное – человеком высокого Долга перед народом, высокого Служения народу. Народу непосредственно, а не государству. Это была его линия жизни. Та самая, которая определилась в юности.

Мы долго в тот вечер не спеша шли втроем в сторону метро, разговаривали о многом важном и неважном. Была радость полного взаимопонимания. А у меня была еще и радость старика, видящего живую добрую душу в поколении внуков.

Я хорошо понимал, как сложится его судьба. Для нашей России Станислав Маркелов был человеком, ценность которого сопоставима с ценностью Н.А. Добролюбова или Н.Г. Чернышевского. Без них Россия была бы совсем мрачной. Весь наш российский мрак – имперство, великодержавный шовинизм, «погоны голубые», военщина, самодовольная куражливая власть – лишь оттеняет светлый облик подвижников и народных заступников. Но они для нашего мрака – кость в горле, антагонисты.

Вот почему и гибнут лучшие, самые светлые, самые незаменимые люди.

Погиб и Станислав Маркелов, не сделав ни единого неверного шага, ни единого злого поступка.

Сколько буду жив, не дам о нем забыть.

Кудюкин Павел. Левые потеряли очень мощного потенциального лидера

Я не могу назвать себя человеком, который был в достаточно близких отношениях со Стасом – общались мы с ним, к сожалению, довольно эпизодически.

Но я был, видимо, одним из первых, кто познакомился со Стасом на почве совместной общественно-политической деятельности. Было это осенью 1990-го и зимой 1991 года. Тогда в Московской организации Социалдемократической партии России была такая учебно-дискуссионная структура – Социал-демократический форум, там среди прочего обсуждался проект нашей партийной программы. Там-то я и обратил впервые внимание на Стаса. Ему еще не исполнилось тогда восемнадцати и членом партии он, соответственно, не был. Был ли членом «молодежки», не помню. А вот участвовал в обсуждениях он очень активно.

Как-то раз у нас с ним возник небезынтересный спор по поводу корней и предшественников современной российской социал-демократии. Мной в проект программы была предложена фраза (потом она вошла в принятый текст): «Российские социал-демократы считают себя наследниками лучших традиций российской социал-демократии, народничества и левого либерализма». Вот упоминание народничества вызвало возражения Стаса. Он считал, что тем самым размывается европеизирующая миссия социал-демократии. Сам он в обсуждении занял ярко «западническую» позицию, позицию сторонника европейской ориентации и судьбы России. Спорил он горячо (ведь и молодость сказывалась), но обратил на себя внимание не этим, а удивительным знанием истории российского общественного движения и российской общественной мысли, не слишком, к сожалению, свойственным нашим политическим активистам – что левым, что правым (за исключением, конечно, профессиональных историков).

Он говорил, в частности: «Ну хорошо, левый либерализм – это я понимаю. Можно прямо назвать Радикально-демократическую партию...». А ведь партия эта была не «первого ряда», про нее и историки-то не все знают, кроме тех, кто занимается историей партий или 1917-м годом. А Стас – знал! И немало меня удивил этим.

Обращали на себя внимание уверенность и чувство собственного достоинства этого почти что еще подростка. Хотя впечатления подростка он совсем не производил. Он спокойно, убедительно и уважительно как к себе, так и к оппоненту, спорил со мной, человеком лет на двадцать старше, одним из лидеров и теоретиков партии. И не было в его поведении ни заискивания, ни молодежного наскокивания на авторитеты. Выступления были очень

серьезными и очень доброжелательными.

И последний раз мы со Стасом серьезно общались почти на ту же самую тему, когда летом 2008 года в «Мемориале» проходил круглый стол в связи с 55-летием манифеста «К единой социалистической партии», подписанного последними меньшевиками и эсерами. И круг замкнулся, к моей радости Стас в своем опять же глубоком и хорошо аргументированном выступлении признал заслуги и важность русского народничества в отечественной социалистической традиции. Я не преминул ему напомнить о нашем первом споре – посмеялись...

Когда в СДПР в 1991–1992 гг. началась внутренняя дифференциация, Стас стал очень заметен в левой фракции, созданной по инициативе Г.Я. Ракитской. Он ведь очевидно тяготел к «мартовской» (от Ю.О. Мартова) позиции – безусловно революционной социал-демократии, но при убеждении в самоценности демократии и политической свободы и невозможности социализма без них.

Особенно это проявилось уже в 1992 году. Год оказался для партии кризисным, хотя на первый взгляд она была на пике своих успехов. Ну еще бы – несколько народных депутатов России, при этом один из лидеров (О.Г. Румянцев) на ответственном и важном посту секретаря Конституционной комиссии, единственный за всю постсоветскую историю заместитель министра, назначенный по партийной рекомендации (ваш покорный слуга), члены партии на целом ряде постов в региональных и местных органах власти. Но одновременно партия начала утрачивать и без того не слишком внятную самоидентификацию и разделяться по отношению к проводившимся реформам. В качестве примера – как-то на московской партийной конференции мы обменялись с Галиной Яковлевной Ракитской следующими «любезностями»:

– Галина Яковлевна, я не могу определить Вашу позицию иначе, как ультралевое упрощенчество.

– А я Вашу, Павел Михайлович, только как социал-предательство...

И Стас в рядах левой фракции очень последовательно отстаивал позицию, что социал-демократия, если хочет быть таковой не на словах только, а на деле, должна ориентироваться на рабочее движение, должна занять позицию защиты демократии уже не столько от сил «коммунистического реванша», сколько от новой власти. Это тогда мало кто понимал и принимал (некоторые, похоже, не понимают и до сих пор). Стас был одним из первых.

И нам опять случилось с ним довольно жестко спорить – должна ли партия уже уходить в жесткую оппозицию к политике правительства Ельцина-Гайдара, или еще можно продолжать сотрудничество. При этом к моему участию в работе правительства наши левые (Стас в том числе) относились на удивление лояльно и моего ухода не требовали. Вопрос об отставке возник во многом по моей собственной инициативе (здесь «центр» и левые оказались единодушны), в марте 1993 года, когда в трудовой политике четко обозначился поворот правительства к приоритетному сотрудничеству с ФНПР, когда довольно

беспардонно «кинули» свободные профсоюзы при обновлении состава Российской трехсторонней комиссии, а в общей политической линии дело шло к ОПУСу (подзабытый, затененный сентябрьско-октябрьскими событиями проект ельцинского указа об «особом порядке управления страной»), когда оставаться в правительстве и продолжать считать себя социал-демократом стало просто невозможно.

Деятельность Стаса в 1993–1995 гг., санитарную дружину имени Максимилиана Волошина, «Студенческую защиту», всякие левые тусовки, где Стас любил говорить, что представляет ЛСД (левых социал-демократов), я уже наблюдал скорее со стороны.

Вообще Стас, конечно, был удивительный человек с гигантским и не до конца реализованным потенциалом. Я просто не знаю никого другого, кто общался бы со столь разными по своим позициям людьми и мог находить с ними общий язык, кто даже своей гибелью смог собрать вместе на Пречистенке людей от анархистов и троцкистов до очень правых либералов. Но конечно, его гибель – потеря прежде всего для левых. Мы потеряли очень мощного потенциального лидера.

Лозован Дмитрий. Поездка в Назрань

Мне помнится 93-й год, Стас и наша сандружина. В ней многие были радикалы: от эсеров до крутых анархов. А тут вдруг – социал-демократ. И я, бывший хиппи, такой же хайрастый, как он, удивился, что с нами тут ползает такой же вроде парень, как и мы. Заподозрил я, что он ревизионист, но потом выяснил, что он лидер фракции под названием ЛСД (левые социал-демократы). При этом он во всякие панковские и провокационные группировки типа Димы Костенко не входил. Но в совместных мероприятиях с радикалами, в таких, как организация медпомощи на митингах, был готов участвовать. А когда наша сандружина разделилась, Стас был среди тех, кто поехал в Останкино и попал там под обстрел. А те, кто туда не поехал, решили, что еще не все закончено у Белого дома, и дожидались остальных, потому что тогда называлось много мест, где могли развиваться события: Минобороны, Кремль и т.д. Так что мое основное знакомство со Станиславом завязалось не 3, а 4 октября.

Потом все узнали Стаса как выдающегося адвоката. Но в то время я никак не мог ожидать, что он будет вести такие крупные дела. Я просто учился у него иногда, хотя он был еще студентом.

Мне еще запомнилась наша совместная поездка в Назрань в 1994 г. Мы тогда поехали в командировку от ПЦ «Мемориал» для того, чтобы наблюдать за исполнением указа президента Ельцина о возвращении беженцев в свои дома после осетино-ингушского конфликта. Для самого Стаса это был дебют как юриста.

Я помню, что прилетели мы в Назрань довольно поздно. Ребята сразу поехали по лагерям беженцев. А я, как новичок в этом деле, с ними не пошел. А пошел на рынок, купил сыра и лепешек.

Первым возвращается Стас. Я говорю ему, что надо поесть. Он: «Какой – поесть? Димка, меня беженцы так курицей накормили!! Целую курицу съел». Я: «В лагере беженцев? В этих резервациях?» – «Да». Я не верил, пока сам этого отчаянного лагерного гостеприимства не ощутил.

Первые три дня работали: Стас Маркелов, руководитель ПЦ «Мемориал» Олег Орлов и писатель Михаил Яковлев. Может быть, я ошибаюсь, он отсидел год по делу «Поисков». Я прилетел позже, и меня встретил ингуш, который с нами дружил. Он сразу меня покормил, и я, уставший, лег спать. Ребята еще ездили по лагерям. Стас, вернувшись, сообщил мне, что мы должны поехать на встречу со старейшинами. Когда же группа собралась, к нам присоединились врачи из международной организации «Врачи без границ». Но число мест было ограничено, и мы решили, что двое от группы правозащитников не поедут. Бросили

монетку – выпало, что не едем именно мы со Стасом. Стас мне потом говорил, что Орлов бросал монетку, не подкидывая. Так возникла вынужденная пауза в нашей работе.

В остальной Ингушетии тогда только пиво продавали. Но в Назрани было все – и водка, и коньяк, и пиво, и шампанское. В мусульманской стране спиртное вообще не должно существовать. Но тут был хитрый момент: «Магомет писал, что грешно пить вино, а про водку и коньяк он ничего не говорил». Мы пошли со Стасом в ближайший магазин и купили бутылку дагестанского коньяка.

Сели в номере, стали вспоминать 93-й год. Вспомнили московских друзей. Заговорили на наши темы, зачем мы сюда приехали. Энтузиазма у нас было много.

Был с нами сосед Стаса по номеру. Ему наш разговор понравился и он сказал, что у него тоже есть коньяк, и поставил еще полторы бутылки. Коньяк был чудесный, пился легко – совсем не то, что мы под этим названием покупаем здесь в магазине. Так что можно было посидеть и душевно поговорить.

Мы уже перестали завидовать уехавшим ребятам, как вдруг открывается дверь и входит в комнату комендант Пригородного района. Он тоже жил в этой небольшой двухэтажной гостинице, в ней же жил и прокурор, к которому мы потом обращались.

Итак, вошел комендант и увидел Стаса. Стасу тогда было 20, а мне 27 лет. Перед военным стоял он, студент с косичкой. Но комендант подсел к нам. И пошло: «Что вы сюда приехали?» – мы ему так, мол, и так... «Да здесь такие люди были! Да ничего сделать не могли, а вы-то что можете? А?». Стас как услышал все это, так, как говорится «Остапа понесло». В ответ: «Да, мы...» И дальше куча юридических терминов. Пояснял, что мы можем. Я послушал немного, и тут же скомандовал себе: дилетант, уйди. Встал и вышел во дворик. Теплая, тихая назранская ночь. Люди спят. Цикады трещат как из пулемета. Все нормально, и только из окна продолжают доноситься юридические термины и громкие возгласы Стаса. Короче, кончилось тем, что не очень трезвый комендант обнял Стаса и, кажется, пожал ему руку... Потом он ушел.

Через некоторое время в тихой ночи мы услышали, как возвращаются наши коллеги (Орлов и Яковлев) и что-то горячо между собой обсуждают. Оказывается, им тоже не повезло. Им встретился, наверное, один на всю Ингушетию «уважаемый» человек, который весь разговор свел к тому, что всех осетин надо перерезать и руки-ноги оторвать. А спорить с ним было невежливо.

А наутро нам надо было уже ехать по разрушенным селам, собирать показания. Военные обещали предоставить нам машину, но надежды на это особой не было. Мы еще и одеться толком не успели, и тут открывается окно. А время – без пятнадцати восемь, а на восемь был назначен отъезд. «Ребята, вы готовы?». И мы поехали быстро, на машине, присланной комендантом. Полковник отвез нас еще и к горному ключу, где мы вымылись. И попросил называть его не «товарищ полковник», а по имени, и обещал нам свое содействие. А все – из-за того, что Стас продемонстрировал ему свой профессионализм. Благодаря этому мы смогли выполнить всю нашу программу: объехали все села и лагеря, потому что полковник

обеспечил нам пропуск через блок-посты.

Кучинский Максим. Стас всегда ориентировался на ПОЗИТИВ

Я знал Стаса примерно с 1991 года. Мы с ним почти ровесники. И в то время мы занимались неформальной левой политической деятельностью: я – анархист, он – социал-демократ. Меня тогда исключили из КАС, а он придумал организацию ЛСД – левые социал-демократы. Конечно, это было больше для стеба. Он не был хиппи в полном смысле слова, но в молодости тусовался с ними. Как напоминание об этом времени у него был «хаер» и приверженность «ненасилию». Вот так, не имея «старших товарищей», мы и общались на разные практические и теоретические темы. Было понятно, что окружающее общество нас не устраивает, но и то, к чему ведут новые власти, тоже не устраивает. Из этого логично получалось, что если мы хотим как-то повлиять на ситуацию, то надо определиться со стратегией – что и как делать. Все это происходило в сообществе, которое себя определяло как «неавторитарные левые».

Стас всегда ориентировался на позитив и на то, что надо выстраивать идеальное общество. В частности, создавая позитивные отношения вокруг себя, воплощая эти идеи собою и своей жизнью. Все это сочеталось с его жизнелюбивым, веселым характером. Он не был настроен на негатив, на обязательную борьбу против чего-то, и это замечательно отражалось в межличностных отношениях. В протестном движении участвуют активные, равнодушные люди, и градус эмоций всегда выше, чем вокруг. Стас хорошо умел избегать конфликтных ситуаций. Он выходил из них через шутки, через иронию. Я не знаю никого, у кого с ним были натянутые отношения, мне сложно даже представить подобное.

Чуть позже мы с ним пересеклись в экологических лагерях протеста движения «Хранители Радуги». И там он посмотрел на то, что мы уже начали делать. Увидел не борьбу за власть, не навязывание кому-то своего образа жизни и не прекраснодушное обсуждение идеалов, а реальную работу. Мы помогали людям в защите их прав на здоровые условия жизни и доказывали им, что они могут за свои права бороться. Одновременно мы сами учились жить так, как нам было бы социально комфортно. Стас, будучи студентом-юристом, занимался у нас профессиональными вопросами: помогал создавать юридические обоснования как протестам местных жителей против вредных объектов, так и нашим действиям. И сам активно участвовал в подготовке протестных действий. Во всем этом проявлялись его жизненные установки.

Одной из задач лагерей «Хранителей Радуги» всегда было создание таких отношений между людьми, которые явились бы зародышем построения социальной альтернативы.

Стасу эта идея была близка – создание альтернативы собственной жизнью, достижение ее на собственном опыте. Он всегда был душой компании и жил жизнью лагеря. Стас придумывал разные веселые добрые прозвища участникам лагеря, и эти прозвища иногда закреплялись за этими людьми. Разумеется, он, как и все мы, занимался и заготовкой дров, и носил воду, и дежурил по лагерю.

Лагерь в Волгодонске против Ростовской АЭС в 1996 году повлиял на его жизнь. После этого лагеря Стас стал участвовать в антиатомном марше и помогал антиатомной кампании в Белоруссии, с которой его в дальнейшем связала судьба.

В то же время Стас закончил вуз, стал дипломированным юристом. Он приехал ко мне и сказал о принятом предложении поступить в коллегиию адвокатов. А это означало конец «юности», начало «взрослой» карьеры. Это означало необходимость «обхайраться» и «цивильно прикинуться». Теперь придется встраиваться, так или иначе, в эту официальную систему, которой мы противостояли, и выглядеть так, как не нравится ему самому. Так пришлось нам целую ночь «оплакивать» и «пропивать» его волосы. Прощание с юностью, выбор пути. Первый раз я видел Стаса невеселым. Решение принято, но вместе с ним у «Хранителей Радуги» появился свой адвокат. Главное, что он не потерял себя – ни своего внутреннего мира, ни своей жизненной силы, ни своей ориентации в жизни. И в дальнейшем Стас, как адвокат, защищал политических заключенных, жертв нацистов, людей, боровшихся с экологически вредными производствами и т.д. А как просто «свой человек» и старый товарищ – участвовал во всяких семинарах, тусовках, и пр. За полгода до своей гибели он принимал участие в лагере протеста «Хранителей Радуги».

Вспоминаются яркие появления Стаса в г. Касимове, где «Хранители Радуги» купили два дома. Сначала несколько человек жили в них постоянно, но потом стали приезжать изредка. Однако долгое время среди Хранителей держалась традиция съезжаться туда на Новый год. Однажды Стас с Галиной неожиданно приехали в самый последний момент и так активно включились в «хозяйственную деятельность», что избыток блюд уже не помещался на столе. А как весело мы ходили к городской елке, катались там с горки, водили хороводы!

Он действительно занимался всем. Очень сложно и, наверное, неправильно перечислять те направления деятельности, с которыми Стас был связан. И конечно, абсурдно пытаться классифицировать их по меркам официоза. Стас был цельным человеком и проявлялся с разных сторон в разных местах. Но проявлялся везде одинаково – как человек позитивный, добрый и душевный.

Стас самим собою, своей собственной жизнью создавал и воплощал те идеалы, о которых мы говорили с момента нашего знакомства. А то, что власти не прореагировали на его убийство из-за его протестной деятельности – это, я думаю, не верно. Это не была протестная деятельность, это была жизнь ради позитива, ради того, чтобы идеалы воплощались, становились реальностью. И на протяжении всей этой жизни, этой судьбы, этого знакомства – это действительно была реализация идеалов, реализация взглядов, не просто разговоры, дискуссии, семинары, тусовки.

К сожалению, такое происходит нечасто. И поэтому, конечно же, очень жаль, что уходят люди, которые являлись частью чего-то светлого, реализованного ими самими. И еще очень жаль, что, когда уходит один делающий, говорящих становится больше.

Витни. Из блога ЖЖ.

Воспоминания

Размещены в конце января 2009 г. Лексика автора сохранена.

Как теперь выясняется, со Стасом были знакомы все поголовно. Я никогда не видела его как юриста. Я даже никогда не участвовала в экологических акциях, в которых он участвовал и которые организовывал когда-то. Поскольку – так уж сложилось – я ориентирована в основном на досуговое времяпрепровождение, то и со Стасом общалась только на досуге.

Впервые я увидела Стаса в 1996 году в Прямухино, где тогда пробыла совсем недолго, дня три. Стас был худющим и прихиппованным, с длинными волосами и в бандане. Небольшими компашками мы шастали по Прямухинским полям, и Стас травил разные юридические байки.

Потом я ездила в Прямухино в 1999 и в 2000 годах, была там дольше. Прямухино, если кто не в курсе, – это бывшее имение Бакуниных, куда ежегодно выезжала Прямухинская Вольная артель (анархисты+сочувствующие) в тщетных потугах нечто восстановить и чем-то пропитаться. Ситуация, всячески идеализировавшаяся Петей Рябовым, который много лет издавал на местности «Прямухинскую гармонию».

В качестве оппозиции правильному Пете в артели в конце 90-х годов образовалась субкультурка хануриков. Ханурики много бухали, пытались немного разбавить всеобщую гармонию угарным своим поведением и издавали, наоборот, «Прямухинскую дисгармонию».

Конечно, Стас был хануриком. Несмотря на то, что к тому времени несколько заматерел и уже обрезал хайр. Каждый вечер, ближе к закату, наступало Время «Колокольчика» – потому что «Колокольчик» был единственным напитком, который можно было купить к водке в местном сельпо.

Можно было сидеть и общаться на просторах, а мобильники тогда еще не мешали концентрации мысли.

Ни о каких своих былых и грядущих проектах и свершениях он ничего не рассказывал. Хотя мы пытались «распедалить» его на такие разговоры – он не «распедаливался». Может быть, просто хотел отдохнуть. Но, скорее всего, дело в следующем. Уже сейчас, задним числом, обнаружилось, что Стас – видимо, вполне сознательно – держал разные сферы своего бытия совершенно изолированными друг от друга. Даже близкие его друзья или коллеги сейчас только с удивлением узнают о совсем неизвестных им сферах деятельности Стаса или о его семейных обстоятельствах.

Да, Стас был исключительно эрудированным человеком, и об этом сейчас много говорят, – в Прямухино была традиция читать лекции, и мне запомнились Стасовы рассказы об аутентичных русских сказках, кошмарных и жутких.

Да, он был душой компании, очень обаятельным и эмоциональным, и безбашенным он тоже был, конечно. Но мне вот в нем некая здоровая злость запомнилась. Если его что-то напрягало, он становился четким, жестким и даже злым.

А еще он любил за грибами иногда ходить – это не то, что вы подумали. Он брал корзину и на много часов уходил в леса, один.

Последний раз я виделась со Стасом на праздновании Ивана Купалы в 2001 году. Потом у меня родился ребенок, и я практически перестала тусоваться, а Стас стал очень плотно заниматься слишком серьезными делами.

И вот уже восемь лет прошло с момента последней встречи, и не настолько уж близко мы общались, – но у меня горе. Очень тяжело, первые дни я ходила шалая и в полном коматозе. Что-то во мне заморозилось и начинает оттаивать только сейчас.

Поэтому только сейчас пишу, хотя надо было раньше, хотя бы на пару дней.

Желенин Александр.

Муравинские четверги

Вряд ли много могу рассказать о нем. Познакомились в 1993 году, до октябрьских событий. У меня всегда было впечатление, что он обо мне знает больше, чем я о нем. Он всегда подходил со своей знаменитой улыбкой до ушей, протягивал руку, здоровался. У меня общее воспоминание о нем, как о каком-то очень светлом, хорошем человеке. Хотя я не совсем разделял его политические взгляды.

Мы неоднократно встречались на «Муравинских четвергах», неоднократно участвовали вместе в дискуссиях. Поясню, что это за «четверги».

Коля Муравин, известный и любимый многими, анархист, который трагически погиб во время турпохода по реке в Новгородской области в мае 1996 года. Долгое время по четвергам он проводил у себя в квартире замечательные встречи культурно-просветительского характера. Это было в районе станции метро Владыкино. Название «Муравинские четверги» закрепилось и тогда, когда эти встречи переносились на другие квартиры, к другим людям. На этих встречах поднимались самые разнообразные темы: исторические, социокультурные, даже экономические. Уровень обсуждения был очень высоким. Я помню, что тогда же я учился в аспирантуре на политолога и мог сравнить с уровнем обсуждения на научных кафедрах у меня в институте, где выступали доктора и кандидаты наук. Я был потрясен тем, как часто научный уровень «муравинских четвергов» был выше кафедрального. Кроме того, там царил дух свободы, что-то живое. Они проходили в те времена, когда все крушилось, ломалось и летело в тартарары. Казалось, что побеждает все заповолившая коммерция. У людей не было ни времени, ни сил о чем-то думать и заниматься чем-либо, помимо зарабатывания денег. И ценности поменялись вроде бы у абсолютного большинства людей. Никто не думал уже о каких-то абстрактных вещах, о культуре, истории. Эти проблемы ушли на второй и даже на десятый план. В этот момент «Муравинские четверги» были каким-то островом... не люблю слово «духовность», которое звучит клерикально. Но все же это были острова духовности, не в религиозном смысле, а в плане духа, интеллекта и пр.

После 93-го года, когда казалось, что уже наступают мрачные времена, Станислав стал регулярно приходить на «муравинские четверги». Там сплотились люди, которые не хотели жить в той системе, которая в полной мере сформирована сейчас. Стас несколько позже, чем остальные стал появляться там, но дело не в этом. Он очень хорошо вписался туда и одно время ходил довольно регулярно. В моей памяти остался светлый, добрый человек. Очень жалко его потерять.

Рублев Дмитрий. Стас – каким я его запомнил

Мы не были близкими друзьями, скорее, хорошими знакомыми. Многие люди прежде всего запоминаются своей профессиональной принадлежностью. Если человек – юрист, значит, все: юрист... Стас был разносторонним человеком, и я все время открывал для себя какие-то новые его стороны.

Я о нем узнал сначала как об известном адвокате, который участвовал в марше «Студзащиты» к Белому дому в 1994 году. Потом из публикаций о «краснодарском деле».

Столкнувшись с ним в неформальной атмосфере, я узнал, что это веселый, умный и бесшабашный человек, приятный и легкий в разговоре. Без гонора, присущего известным людям, без тех комплексов, которые мешают общаться.

Познакомились мы с ним на одной из анархоелок в Митино на квартире Димы Алейника, – на той, где в шутку Петю Рябова уронили с помощью Стаса на спинку дивана и сломали... спинку.

Это были примечательные праздники. До застолья там обычно разыгрывался мини-спектакль, – например, по пьесе Коли Муравина «Черное знамя».

На Прямухинской конференции памяти Н. Пирумовой и И. Подшивалова в 2007 году, я открыл его как человека, хорошо знакомого с историей анархистского и «неформального» движений 80–90-х годов. Приехав на Плехановскую конференцию в Петербурге летом 2008-го, я увидел Станислава Маркелова в списке докладчиков – его доклад был по истории социал-демократической организации «Единство» Плеханова, но он не приехал, к сожалению...

Я брал у него интервью для одного интернет-издания в конце 2008 года – одно из последних интервью, которые у него взял¹ (*Интервью, взятое 26.10.2008 г. у С. Маркелова для сайта Рабкор.ру. См. в наст. изд., с. 44.*). Подобрать вопросы для интервью оказалось неожиданно сложным делом. Обычно как – есть какой-то стандартный набор вопросов. А здесь – огромное количество очень разных дел: и профсоюзные дела заводских рабочих, и дела уволенных контролеров подмосковных электричек против работодателя, и дела по Северному Кавказу – по Чечне, по Пригородному району. Только когда я во все это окунулся, я понял, насколько все это сложно, насколько невероятно тяжелой была работа этого человека. А интервью прошло очень хорошо, очень легко. Я, как начинающий журналист, ожидал каких-то подвохов, но с ним нетрудно было найти общий язык. Все было очень быстро, очень просто, даже какие-то шутки получились в ходе разговора. Я спросил: «Может

быть, тебе прислать расшифровку, ты посмотришь?» Стас сказал: ничего присылать не надо, он все помнит, и я могу публиковать все им сказанное так, как оно есть. Доверие ко мне как журналисту, вера, что мы, журналисты, не превратим это в какую-нибудь гадость, не сделаем что-то на пользу себе, – это тоже его характеризовало.

На круглом столе в «Мемориале» летом 2008 года, посвященном объединительному обращению социал-демократов и эсеров 1953-го, по-моему, года, Станислав выступил в дискуссии. Спорили: не обанкротилась ли теперь социал-демократия. Станислав выступил не догматиком и не человеком, который в ответ на очень жестко поставленный вопрос начинает отгораживаться: «Все на самом деле не так, вы сами не такие какие-то, и врете, и все неправда». Он говорил что – да, видимо, многие претензии к социал-демократии – правильны, а радикальная часть социал-демократических масс-медиа маргинализована, их необходимо реанимировать и вернуть.

Мне очень сложно представить, что его нет. Я к нему привык. Привык видеть его на Прямухинских чтениях летом. Просто привык, при встрече на каких-то мероприятиях в «Мемориале» и в других местах, перекинуться с ним парой фраз. И мне все время кажется, что он где-то рядом.

Ганнушкина Светлана.

Мальчик со светлым взором

Не могу сказать, что мы как-то познакомились специально. Бегал какойто мальчик с хвостиком по «Мемориалу» и назывался Стас. Это первое воспоминание. Мальчик со светлым взором. И вел себя совершенно как мальчик, которого можно куда-то послать, что-то попросить сделать. Это было совершенно нормально. Потому что все вокруг были взрослые, а он, еще не совсем. Потом с какого-то момента его стали просить: «Стас, пойди сюда и скажи как юрист». Я тогда поняла, что Стас Маркелов – юрист, что он учится на юридическом факультете. Потом был какой-то провал в отношениях, я не помню его. В конце 90-х он в моей памяти появляется уже как адвокат. Стас сменил длинный свитер на пиджак, хвостик – на аккуратную прическу, и стал выглядеть весьма респектабельно и восприниматься всеми как адвокат.

Пришел он ко мне сам, наверное, в 2001 году. И сказал, что хочет помогать общественной организации¹. Принес книжку, где про него было написано, что он – знаменитый адвокат, выиграл какие-то громкие дела, уже я не помню, какие. Была книжка, где было написано, что в деле участвовал знаменитый адвокат Маркелов.

1 Имеется в виду в «Гражданское содействие». Это действующая с начала 1990-х общ - ственная организация, которая оказывает гуманитарную и правовую помощь беженцам и вынужденным переселенцам.

Я посмотрела на него взглядом пожилой тетушки, и сказала: «Что это про Вас пишут “знаменитый адвокат”»? Наверное, в этих словах слышалось: «У Вас еще молоко на губах не обсохло». Он был недоволен, но достаточно дружелюбен. И стал мне рассказывать про «Краснодарское» дело, каких он там достиг невероятных результатов, и как же я не понимаю, что он действительно знаменитый адвокат. Я говорю: «Ну, хорошо».

А у нас в это время в Тверской области была история с молодым человеком, чеченцем. Он жил там с родителями и учился по юридической специальности на вечернем отделении. Его задержали. Как обычно задерживают чеченцев в России – на всякий случай. Чеченца задержали, и началась длинная-длинная история, которая была связана с вымогательством, с возбуждением против него уголовного дела. Видимо, они сначала хотели с него денег получить, но не получили. Тогда, тоже по стандарту, обвинили его уже в том, что он как-то не деликатно обошелся с сотрудниками милиции. И это могло плохо кончиться. Уголовное дело возбудили, его вызывали, и все это очень долго тянулось. Наш местный юрист-

консультант что-то тоже толком ничего предпринять не мог и тянул время.

Я сказала Маркелову: «Вот, пожалуйста, вот такое дело, что тут можно сделать?» Стас уехал туда и вернулся буквально через несколько дней с постановлением о прекращении уголовного дела. Вот такой был результат. Он очень просто этого добился.

К сожалению адвокаты (раньше я сталкивалась с этим часто, сейчас немного реже, но тоже сталкиваюсь) часто принимают нарушения как «статус кво». Говорят: «Да все так делают». Я говорю, смотрите, нарушено то-то и то-то. А адвокат говорит: «Что мы будем к мелочам придирааться». То есть Уголовно-процессуальный кодекс нарушается сплошь и рядом, и сторона защиты на это смотрит не просто «сквозь пальцы», а как на что-то совершенно естественное. На самом деле такие вещи оказываются наиболее уязвимыми местами для нарушающей стороны, потому что они легче фиксируются, чем нарушения по существу. И кроме того, они гораздо лучше воспринимаются Европейским судом. Когда жалоба идет на как бы формальные, процессуальные нарушения, то Европейский суд легко пишет запрос государственным властям. А как только мы в первую очередь начинаем писать, что, например, дело построено на показаниях недееспособного лица и на момент суда уже покойника – ответ: «Мы не даем оценку доказательствам». И, действительно, тут можно спорить. Такие вопросы надо предварительно отдельно обжаловать во всех инстанциях.

Вот в деле этого молодого человека Стас нашел выход. Стал проверять документы – а на основании чего задержали? Это проверяется легко, если это хочет сделать суд. Вот сотрудник милиции подает ходатайство, и прокуратура его поддерживает, об избрании меры пресечения – заключения под стражу. Нормальный судья задает вопрос: «А вообще, почему его остановили?» – «В процессе проверки документов». – «А какие были основания проверять документы?» Редко, почти никогда так не спрашивают. После того как на такой вопрос милиции нечего ответить, защите можно не стараться доказывать, что клиенту именно подложили наркотики. Уже то, что его остановили на улице проверить документы, было незаконно.

Таким образом, зацепив их, мол то-то и то-то сейчас вашему начальству покажу, Станислав добился мгновенного решения. Это было первое у нас с ним общее дело. Хотя, конечно, серьезным делом это назвать нельзя.

А потом в деле Буданова, когда тяжело заболел адвокат Абдулла Хамзаев, мне позвонили от него и спросили, нельзя ли найти адвоката, который бы съездил туда для того, чтобы отложить дело.

Я позвонила Стасу и спросила: «Нет ли у Вас какого-нибудь приятеля, не такого знаменитого, как Вы, который бы подключился к этому делу исключительно по просьбе Хамзаева, пока он не выберется из больницы?». А состояние его было тяжелым – он пережил клиническую смерть. Он буквально возродился из мертвых для того, чтобы закончить дело Буданова.

По разговору я чувствовала, что само по себе включение Стаса в это дело, это, конечно, некоторая опасность. Потому что Стас мне сказал: «Вы знаете, на такой вопрос не может

быть никаких других предложений, кроме как, что это сделаю я». Я была ему очень благодарна. Действовать тогда надо было немедленно, ехать на место суда.

Тут начались неожиданности, их было две. Во-первых, Хамзаев выздоровел быстрее, чем от него ожидали. Одной из причин быстрого выздоровления было то, что Стас активно включился в дело. Во-вторых: Стас, конечно, поехал туда не для того, чтобы просто это дело отложить, мальчиком-порученцем у Хамзаева. Он, конечно, в дело сразу включился. Отложил его совсем не на тот длительный срок, который хотел Хамзаев. Он быстро дело прочел. Как Хамзаев считал, нельзя за такой срок ознакомиться с материалами, это слишком скоро. И подключился. У него появились юридические идеи, как дальше поступать, как вести это дело.

Хамзаев держался точки зрения, что тех доказательств виновности Буданова, которые есть, достаточно. Трудный вопрос о проведении повторного исследования на наличие или отсутствие изнасилования, к сожалению, не успели поставить. Я считаю, что изнасилование имело место, потому что девочка была раздета. И свидетельских показаний было достаточно.

Когда Станислав работал в деле, он работал качественно. И стиль у них с Хамзаевым был совершенно разный. Но я считаю, что Стас в это дело много хорошего внес. И с точки зрения правовой, потому что у него была своя позиция. Это интересно, когда два адвоката, у которых тактика разная. Не то что позиция по отношению к делу разная, а разная тактика, употребляются разные механизмы. Это с одной стороны.

С другой стороны, Стас был, действительно, известен и правозащитному, и журналистскому сообществу, поэтому с его приходом дело стало звучать громче. Его присутствие было там полезным. К нему сами приходили журналисты. Потом мы провели несколько прессконференций, на которых выступали и Стас, и Хамзаев. Каждый говорил о своем.

В деле Буданова, так же как и в предыдущем, у Стаса была тактика именно разработки процессуальных ошибок следствия. Какие были нарушения, что не было сделано, в чем следствие проявило халатность. А у Хамзаева совершенно другая политика. Маркелов – это логика, как у математика, опора на право, очень хорошо построенная система аргументации. У Хамзаева – очень эмоциональный стиль, бедноватая фактами линия защиты. Где-то он, возможно, «переигрывал» по Станиславскому. Но при этом у него был свой метод. Он мог заставить свидетеля дойти до такого состояния, что тот уже говорил все, что хотел Хамзаев.

Он был большой, мастер допроса. Когда двадцать раз повторяет одни и те же вопросы, казалось бы, уже все ясно, и вдруг свидетель говорит то, чего от него добиваются, и чего он по каким-то причинам не говорил. Или даже судья. Однажды, уже в другом деле, он поставил судью в такое положение, когда она вынуждена была вслух заявить, что не слушает стороны, а пишет постановление по другому делу.

Абдулла Хамзаев был разный, безусловно честный человек. Они со Стасом были две крупные личности. Жалко, что между ними возникали обиды. Стас не поддерживал его компанию за

обеденным столом, и один раз даже отошел поговорить с националистами, которые пришли выразить поддержку Буданову. Для Хамзаева это были явные враги, он очень обиделся. Когда я спрашивала об этом у Стаса, он мне сказал: «Они мне угрожали. Я хотел, чтобы они поняли принципы адвоката вообще, чувствовали, что я – тот, который, если понадобится, может защищать даже их нарушенные права». Такого отношения, конечно, Хамзаев понять не мог и попросил Стаса уйти из дела.

Висе Кунгаеву, отцу убитой Эльзы нравились оба защитника. И когда Стаса не стало, он сказал, что он потерял еще одного ребенка. Он ужасно мучился от их разлада. Он звонил мне и говорил: «Ну, что это, Светлана Алексеевна, ну, как же так, такие хорошие оба».

Стас обижался на меня. Он был очень недоволен моей уважительной к Хамзаеву позицией. Но я не то чтобы поддерживала Хамзаева, было понятно, что Хамзаев уходит. И конечно, мне в голову не приходило, что Стас уйдет по возрасту гораздо раньше. Я считала искренне, что он мог бы немного и склонить свою молодую голову перед стариком. Ну, что получилось, то получилось. На самом деле в глазах Хамзаева я поддерживала Стаса. Один раз по его поводу я очень резко разговаривала с Хамзаевым, в результате мы не продлили с ним договор на следующий год. На последний период. И я от своего имени перед Стасом извинилась. Но никакого публичного осуждения поведения Хамзаева мы не допустили. Я не была на это готова и рада, что так поступила. Докка Ицлаев¹ тогда меня в этом очень поддержал.

Вот и один и другой адвокаты в деле Буданова сделали все, что могли. Безусловно, Стас помог, он сыграл свою роль в деле Буданова во всех отношениях, и в самое последнее время не дал утвердиться мнению, что Буданов – герой и полностью отсидел свое.

Как защитник потерпевших, Маркелов использовал те механизмы, которые Абдулла Хамзаев не любил использовать. Не знаю, владел он ими или нет, но это не входило в арсенал Хамзаева. Благодаря Стасу и Политковской именно истинные обстоятельства дела известны среди влиятельных людей, могущих при желании активно вести себя в общественной жизни.

Пономарев Лев. Он запомнился человеком думающим

Со Стасом я познакомился лет пять назад, году в 2004-м.

Станислав никогда не был сотрудником нашей организации². Я предоставил ему бесплатно помещение для работы, когда узнал, что он не может арендовать офис на коммерческих условиях. Комнатка была маленькая и не вполне пригодная для открытия адвокатского кабинета, они обычно более солидно выглядят. Это было просто рабочее место, рабочий кабинет, где сидели Стас и один его помощник.

Мы часто общались – он заходил, здоровался, что-нибудь рассказывал мне, а я – ему. Обычного человеческого общения мало было, я сейчас об этом жалею. Чаще он описывал обстоятельства дела, которое вел, или я предлагал ему войти в качестве адвоката в дело, которым занималось Движение за права человека.

До того я слышал о нем в связи с конфликтом вокруг дела Буданова, которым занимались Комитет «Гражданское содействие» и ПЦ «Мемориал». У меня сложилось смутное ощущение, – детально не разобрался, – что конфликт с другим представителем потерпевших, чеченским адвокатом Абдуллой Хамзаевым, возник из-за столкновения разных стратегий защиты. Кто-то пригласил Маркелова, их позиции сразу разошлись, и Станислав отступил. А еще Хамзаев хотел быть главным и единственным в процессе, и его поддержала Светлана Ганнушкина – не хотела обижать. Вскоре Хамзаев не смог вести дело³, и Станислав взял на себя помощь потерпевшим под конец процесса и потом, когда Буданова уже посадили.

1 Докка Ицлаев, руководитель Урус-Мартановского отделения Правозащитного Центра «Мемориал»

2 Всероссийское Движение за права человека, создано в 1997 г., исполнительный директор Лев Пономарев, включает около 80 региональных организаций и отделений.

3 Хамзаев тяжело болел, умер в июне 2004 г.

В том, что он вторично дал свое согласие, по-моему, проявилась его терпимость, и это характеризует его как личность. Другой адвокат, если бы от него отказались в конфликтной ситуации, «встал бы в позу» и отклонил бы приглашение вернуться. А Станислав в позу

редко вставал, – он был принципиален, мог спорить, стоял на своем, но на личной обиде не закичивался.

Зная, что он занимался «чеченскими» делами, я пригласил его работать по Благовещенску после того, как правозащитники вмешались в ситуацию вокруг зачистки с избиениями и незаконными задержаниями в декабре 2004 года. Уже не помню, как получилось, что именно он стал вести это дело. Вероятно, у нас не так много правозащитных адвокатов – начинают перебирать, выходит небольшой круг.

Станислав привлек еще одного адвоката, Василия Сызганова. Тот помогал Маркелову, когда тот был занят и не мог ездить в Башкирию. Работа велась в Благовещенске, в нескольких десятках километров от Уфы. Надо было лететь, надо было, чтобы кто-то его встретил. Часто Стаса забывали встретить. Командировки случались очень утомительными, и уж точно никаких «гор золотых» не сулили.

Я нашел деньги для гонорара. Я не помню подробностей, помню, искал средства долго, что-то платил из своих грантов, обращался в фонд Натальи Таубиной «Общественный вердикт». Нельзя сказать, чтобы Стас совсем не интересовался деньгами. Но «правозащитные» адвокаты зачастую готовы войти в дело, если их работа может быть оплачена позже. Он был из таких.

Иной раз думают, будто в таких делах адвокаты «гребут золотые горы», но речь шла о весьма скромных суммах, выплаты были растянуты во времени: мы работали по делу больше года, может, два. «Вердикт» оплачивал услуги одного адвоката, сначала рекомендовал свою кандидатуру, но с этим юристом возникли затруднения из-за его специализации в гражданском, а не уголовном праве.

Но «Вердикт» утверждал, что услуги Стаса слишком дороги по сравнению с их обычными гонорарами адвокатам. На мои просьбы о деньгах для него отвечали буквально: «А он и так имеет достаточно». Я же не занимался финансовыми вопросами! Ни в тот момент, ни когда-либо больших денег у Стаса не было. Он сначала работал бесплатно, а уже после выполнения работы пытался что-то компенсировать. Он мог напомнить позже, но это нормально – у него ведь семья.

По Благовещенску мы сначала работали по правозащитной линии: собрали заявления, сформировали досье. Мы провели в Благовещенске не менее четырех пресс-конференций.

Стас опрашивал потерпевших на месте. Деталей не знаю, – это он занимался деталями, я следил за общим ходом дела, старался помочь при необходимости.

Маркелов не поддавался давлению, с которым столкнулся, хотя не могу говорить о прямом запугивании. Двоих из троих башкирских правозащитников подкупили, они стали работать против нас: ходить по родственникам, посулами убеждая тех отказаться от исков: кому-то обещали помощь в поступлении в вуз, кому-то – квартиру. Стас эти попытки подкупа разоблачил, поставил меня в известность, тогда я активно вмешался.

Мы дали в прессу информацию о предательстве прав потерпевших, о работе на власть. Один адвокат остался с нами, продолжал помогать Маркелову, встречал его там.

После возбуждения уголовного дела, когда мы добивались признания виновными милиционеров и происходили очные ставки, напряжение возросло. Как раз в это время там работал Маркелов. Власти пытались разделить уголовное дело, отделить милицейское начальство от исполнителей, которым могло быть предъявлено обвинение в избиении граждан. В итоге, несмотря на все усилия Стаса, руководство башкирского ГУВД фактически ушло от ответственности, удалось лишь добиться осуждения некоторых виновных в произволе милиционеров. У Маркелова были правовые аргументы для отстаивания нашей позиции, в чем-то он добился успеха, в чем-то он проиграл.

Главное – Стасу удалось получить секретный приказ по МВД, регламентирующий действия при «чрезвычайных ситуациях»¹ (*1 Приложение № 1 к приказу МВД России от 10 сентября 2002 г. № 870 дсп «Наставление по планированию и подготовке сил и средств органов внутренних дел и внутренних войск МВД России к действиям при чрезвычайных обстоятельствах»*). Власти предприняли попытку возбудить против него самого уголовное дело, вызвали на допрос, и он заявил, что самолично, как адвокат, сфотографировал приказы в уголовном деле. На самом деле, это не совсем так было, Стас отказался сообщить источник разоблачения, взял на себя ответственность за легализацию этого документа. А когда Маркелов этот Приказ с грифом ДСП легализовал в качестве доказательства стороны защиты для суда, властям некуда было деться: документ был налицо. Уголовное дело против него в итоге было закрыто.

Мы попытались что-то предпринять для отмены 870-го приказа. По итогам консультации с правозащитниками с участием местных чиновников омбудсмен Владимир Лукин сделал запрос по поводу этого приказа. Был получен официальный ответ – чиновники не отрицали существование такого приказа, но утверждали, что приказ не нарушает права человека. Потом в него внесли косметические изменения, прислали отредактированный документ: вместо «фильтрационный пункт» было написано: «места временного содержания задержанных при операции» и так далее. Но подправленный приказ оставлен в действии. Впрочем, это уже была задача Лукина, он не довел дело до конца, не обеспечил отмену 870-го приказа. Посадить главных виновников благовещенских событий Стас, может, и не ставил своей обязательной целью, для него было важнее добиться ликвидации такого приказа.

Когда процесс вошел в затяжную стадию, Стас уже отошел от этой работы, его мог заменить местный адвокат.

Хочется вспомнить о другом деле, в которое Маркелов вошел легко и охотно, хотя гонорар был совсем копеечным. В 2004 году власти первый раз пытались посадить правозащитницу из Владимира Людмилу Ярилину, которая до 2009 года возглавляла тамошний Комитет солдатских матерей, а Стас был ее адвокатом. Она рекомендовала матерям призывников, которые к ней обращались, прибегать к помощи врачей. Прокуратура возбудила уголовное дело против Ярилиной и врача. Но ведь она не отвечала за взаимодействие родителей с врачами, ни за действия тех и других, ни, тем более, за медицинские заключения. Фон в

СМИ был негативный, сообщения были отрывочные и скудные, у читателя могло сложиться впечатление, что Ярилина причастна к даче взятки, хотя никакого отношения к деньгам она не имела.

Несмотря на неблагоприятную общественную атмосферу, Маркелову отчасти удалось ее защитить. Стас старательно работал, использовал все свои знания, твердо отстаивал позицию отрицания личной заинтересованности подзащитной – в этом был адвокатский профессионализм. Возможно, он сочувствовал Ярилиной как правозащитнице, я уверен, что он не взялся бы какого-нибудь убийцу защищать. По этому делу она все-таки получила условный срок.

Но уже после гибели Стаса, в январе 2009 года, было возбуждено второе дело, и ее арестовали – при том, что у нее диабет и гипертония. Ее выпустили под наше с Людмилой Алексеевой поручительство. Ее защищает адвокат Василий Сызганов. Но в этом втором процессе Ярилиной никаких денежных вопросов не инкриминируют.

Одним из последних было дело о незаконных действиях сотрудников милиции против молодых неформалов, собиравшихся у метро Сокольники в апреле 2008 года¹ (1 4 апреля 2008 года у ст. метро «Сокольники» были задержаны и избиты семеро мол - дых людей. Уголовное дело против избивших милиционеров несколько раз возобновлялось и приостанавливалось. Против студента Всеволода Остапова было возбуждено уголовное дело по обвинению в нападении на сотрудника милиции. С. Маркелов был адвокатом Остапова.). Потерпевшие вышли сразу на него и на меня, нам одновременно звонили, когда их в ОВД «Сокольники» избивали. Поначалу я даже не знал, что Стас вошел в это дело. Я привлек адвоката Евгения Черноусова к защите избитых милицией, а потом узнал, что студента Остапова, которого необоснованно обвиняли в нападении на сотрудника правоохранительных органов, защищает Стас. Ему, оказывается, тоже ночью позвонили, и он прямо по телефону включился. Остальных избитых милиционерами не обвиняли, они выступали в своем деле как потерпевшие. Так как интересы и тактика защиты потерпевших и неправоммерно обвиняемого различны, то решение об участии двух адвокатов оказалось правильным.

Дело против милиционеров, возбужденное по ст. 286 УК РФ, часть а: «превышение служебных полномочий с причинением насилия» прекращено. Дело Остапова до сих пор не закрыто¹ (1 17 февраля 2010 г. Преображенский районный суд г. Москвы приговорил Остапова к году лишения свободы условно.).

По тактике сокольнического дела у нас со Стасом возникли небольшие трения. Он не торопился, а я доказывал необходимость самых срочных действий. Нужно было как можно скорее возбудить дело по превышению полномочий, ведь само возбуждение уголовного дела уже ставило под сомнение обвинение против Остапова. Я ввел в дело другого юриста, которого вроде бы знал раньше по нескольким делам, и сразу понял ошибку.

Приглашая адвоката, не знаешь, окажется ли правильным выбор кандидатуры и насколько опасна ошибка для подзащитных. К нам пришли за срочной помощью родители Всеволода, и мы сделали выбор поспешно. Я нашел адвоката, чтобы использовать его в процессе. А потом

оказалось, что тот знаком со следователями и действует в интересах ОВД.

Когда убили Стаса, власти попытались воспользоваться моментом, и его подзащитного «дожать», сделать виновным в нападении на милиционера. Действовали быстро, при этом всячески тормозя рассмотрение дела, которое вел Черноусов, чтобы добиться судебного признания виновности подозреваемого в нападении на милиционера и потом «отбивать» в суде позицию по превышению служебных полномочий в отношении пострадавших от действий милиции.

Насколько же не заслуживает доверия наша адвокатская среда! Новый адвокат немедленно пошел на сговор со следователем, и мне пришлось его вывести.

Сейчас, насколько можно судить, адвокаты ведут единую линию защиты.

Наше со Стасом сотрудничество имело еще одно направление – работу с левыми активистами по социальной тематике, самым заметным итогом которой стали проведенные в 2005 году первый, а в 2006 году второй Российские социальные форумы. Какое-то время я, единственный из правозащитников, довольно много работал по социальной тематике в тесном контакте с левыми активистами.

Тогда я мало что знал об убеждениях Стаса, не догадывался, что он социалист, – практически, революционер. Сталкиваясь с пострадавшими от произвола властей левыми активистами, я удивлялся, что Стас с ними по-дружески знаком. Мимо меня прошла ключевая роль Стаса в «краснодарском» деле анархистов, – я этим делом детально не занимался. По этому делу, которое ФСБ вела с грубейшими нарушениями, в 1999 году была осуждена беременная московская активистка Лариса Щипцова (Романова), мать больного пороком сердца ребенка.

С левыми у меня не много было общего, – дорога не была заказана, но мало было взаимодействия. Только потом, когда я больше стал заниматься защитой социальных прав, стали приходить люди из этих кругов.

Первый Соцфорум был в Москве, в Выхино в 2005 году. Подготовка требовала большой работы: мы пытались объединить левых активистов и правозащитников. Я в этом активно участвовал, приглашал правозащитников – такое сплочение рядов крайне важно и нужно, я и сейчас эту линию на взаимодействие продолжаю. Но тогда у меня было больше надежд. Станислав входил в оргкомитет не в адвокатской ипостаси, а как левый активист: на добровольных началах разрабатывал программу, организационной работой занимался.

Мы со Стасом много работали по организации второго Соцфорума, который проходил год спустя в Петербурге. В нем участвовали сотни людей, многие – из регионов. Мероприятие было приурочено к встрече «Большой восьмерки», власти боялись нас и пытались всячески воспрепятствовать нашей работе. Политические лозунги Соцфорума были жестко заявлены как «Антикап». Я добивался, чтобы не было слишком левацкой ориентации, позиционировал себя как правозащитника. В официальном названии: «Второй всероссийский социальный форум» – не было откровенного антикапитализма. Мы стремились продвигать альтерглобализм, – не антиглобализм, а именно, альтерглобализм, другой мир

возможностей. Стас осуществил в вопросе позиционирования посредническую миссию, потому что он сотрудничал со многими левыми, а для меня был и оставался правозащитным адвокатом, а не антиглобалистом или левым активистом. По-моему, политические убеждения не были однозначно с этим связаны. Нельзя было сказать, что он специально выбрал срединную позицию, однако именно так сложилась конфигурация взаимодействия правозащитников с левыми активистами.

В Питере он достойно и содержательно провел еще и собственную секцию по Кавказу.

В какой-то мере заложенное им сотрудничество сохранилось до сих пор, – он передал нам свои связи с левыми активистами.

Сейчас, когда власти сажают профсоюзного деятеля, Валентина Урусова¹, я привлек к его защите адвоката Черноусова и тот втянулся. Стас Маркелов, левый революционер, и Евгений Черноусов, бывший полковник милиции, – абсолютно разные люди! – в двух делах выступили как правозащитные адвокаты. Черноусов заменил убитого Стаса в сокольническом деле. Дело Урусова, несомненно, взялся бы вести Стас, если был бы жив. Теперь Урусова защищает Черноусов.

Когда проводился один из первых съездов Всероссийского гражданского конгресса, значительная часть подготовительной работы осуществлялась в офисе ЗПЧ – Оргкомитет заседал здесь, не было другого помещения. Стас готовил секцию по проблемам Северного Кавказа. Возникло желание объединить его с «Мемориалом». Я уговорил Александра Черкасова вместе со Стасом модерировать кавказскую секцию. Они это сделали, нашли общий язык, хотя достигнуть взаимопонимания было тяжело. Я, как один из организаторов, искал компромисса. Сложно было все это объединить. Много было людей из регионов, которых надо было звать. Оргкомитет ВГК пригласил людей с Кавказа, прежде всего матерей Беслана. За успешную работу я глубоко признателен секции, Стасу и Саше, которые попеременно ее провели.

Я вспоминаю: Стас сидит здесь, работает, к нему один человек зашел, второй, а он мне очень нужен: в приемную приходили советоваться с юристами, сам же я не юрист, а у нас юристами сидят девочки-студентки. Зову: «Стас, зайди на секундочку!» – и он заходил, оторвавшись от своих дел, консультировал, рассказывал, делился своими знаниями. Сейчас спросить некого, дыра образовалась.

Он запомнился человеком думающим. Именно такое, задумчивое выражение лица у него на портрете в офисе нашего движения. Я чаще видел его таким, хотя многие помнят его всегда веселым. Даже анекдоты он рассказывал с задумчивым, отвлеченным видом, – погружен в мысли, а анекдоты травит, чтобы не быть слишком мрачным.

Предпоследний раз мы со Стасом встречались, наверное, 14 января. Когда он объявил пресс-конференцию, я прочитал в «Коммерсанте», что единственный, кто мешает выходу Буданова на свободу – адвокат Станислав Маркелов. Он вечером зашел, я предостерег его: до того Стас руководствовался буквой закона, но в январе 2009 года он не был неоспоримо прав, протестуя против выхода Буданова по УДО, – насколько могу судить, речь шла о

правовой коллизии. Как мне объясняли, спорным был тезис о праве адвоката потерпевших участвовать в судебном заседании по УДО, – это утверждал Маркелов, и оспаривала администрация колонии. Эта юридическая коллизия его «подставляла». Я сказал: «Пойми, на тебя стрелы летят. Стас, понимаешь, что сейчас ты – их персональный враг? Ты один, уже не вообще “право” противостоит, а ты – лично! – против. “Коммерсант” написал: “только адвокат Маркелов препятствует”. Ты должен сейчас опасаться за свою жизнь».

Следующим вечером, в четверг, 15 января, он зашел: «Лев Александрович, Вы правы, я получил вот SMS» – и показал мне эту SMS с угрозой убийства (потом она неоднократно цитировалась). Я говорю: «Понимаешь, что надо ходить и оглядываться?» – как будто почувствовал что-то.

Я поделился с ним опытом, рассказал, как меня выманивали, но я позаботился, чтобы за мной наблюдали, попросил идти сзади. Стас выслушал эти соображения. Недавнее избиение¹, после которого я попал в больницу, убедило меня, что и тогда меня намеревались избить, но не решились.

А в понедельник еду в машине, и мне с «Эха Москвы» звонят, говорят: «Знаете ли Вы, что в центре Москвы...» – отвечаю: «Не может быть!» Мне подтвердили, и попросили комментировать... Я предложил: «Объявите, чтобы завтра в двенадцать часов все собрались к месту расстрела».

И люди пришли.

Щербакова Людмила. Он не умел смотреть сверху ВНИЗ

Я познакомилась со Стасом Маркеловым, когда стала искать помощь непослушному депутату Владимиру Соколову из г. Коврова¹. Он прислал письмо на имя С.А. Ковалева. В письме рассказывал, что против него возбуждены два уголовных дела.

Ковров – это такой не имеющий своего лица городок во Владимирской области. Я приехала туда к родственникам, когда в суде слушалось дело этого депутата. Я пошла в суд. В результате просидела в суде неделю. Я сразу заметила, что адвокат у Соколова очень слабый. Оказывается, адвоката поначалу совсем не могли найти – городок небольшой, все боялись. Наконец пригласили адвокатом какую-то девушку, не слишком квалифицированную. Государственный обвинитель – молодой мужчина, говорил гладко. Судья обычно прерывала адвоката и обвиняемого, если он просил слово, но ни разу – сторону обвинения.

Суть дела была вот в чем: у депутата Владимира Соколова был конфликт с мэром города. Конфликт этот был переведен в два уголовных дела, и когда Соколова по первому делу задержали, собираясь доставить в милицию, милиционерам пришлось долго ждать машину, и они вдвоем его для удобства полтора часа держали, заломив ему руки назад. У него позвоночник не в порядке, артроз, боль сильная. И он от них ногами както пытался отбиться. В результате Соколову предъявили обвинение по ст. 318 УК – «сопротивление органам милиции». На суде присутствовали оба якобы пострадавших милиционера, совершенно здоровые. Когда в конце дня пришел судмедэксперт, который проводил экспертизу, и его спросили о том, как он ее делал, тот признался: «По бюллетеню». А бюллетени о временной нетрудоспособности милиционеры, оказывается, получили на том основании, что задерживаемый их царапнул ботинком.

1 Соколов Владимир Сергеевич (1959 г.р.) – бывший сотрудник прокуратуры, с 2002 г. депутат ковровского городского совета, вошел в конфликт с мэром. В 2004 г. арестован и осужден на 3 года, в 2005 г. освобожден, судимость снята. Позже назначен заместителем мэра г. Коврова.

На последнем заседании суда все были уверены, что его отпустят. Но дали три года колонии.

Надо было искать другого адвоката. По мнению юриста «Общественного вердикта» Павла Чикова, приговор Соколову был написан судьей так, что к нему трудно было придраться. Я поговорила с находившимся в Москве Евгением Захаровым. Женя Захаров посоветовал обратиться к Людмиле Михайловне Алексеевой в МХГ. Я не особенно рассчитывала на серьезное внимание к такому делу, так как оно не было связано с угрозой жизни или исчезновения, да и возможный срок не был большим. Но Людмила Михайловна сказала: обязательно надо заниматься этим случаем судебного произвола. Потом я позвонила Валентину Михайловичу Гефтеру, просила его найти адвоката – человека уже осудили, но есть надежда на помощь в кассационной инстанции. По рекомендации Валентина Гефтера я обратилась к Стасу. Так как в «Мемориале» он уже редко бывал, я попросила его специально прийти.

Когда мы встретились, я спросила, сможет ли он помочь. Я рассказала про дело Соколова, и он ответил: «Конечно, я не откажусь».

Мы общались около года: перезванивались, просто разговаривали, не обязательно о деле Соколова. Много говорили и о самом деле, – я все рассказывала, документы копировала и передавала ему. Он внимательно выслушал мой рассказ о случившемся с Соколовым. Я по телефону почувствовала, и потом, когда я с ним виделась, это ощущение подтвердилось: он никогда не смотрел на человека сверху вниз. И когда он приходил, я никогда не чувствовала, что он делает мне какое-то одолжение. Когда я звонила ковровской девушке-адвокату, то никак не могла ее застать, – она не хотела со мной разговаривать, она боялась и, как я поняла, считала, что, как получилось, так получилось. Я просила ее написать кассационную жалобу по первому делу, – ведь ее надо писать в определенные сроки. Кассация была проиграна.

С этим результатом Стас не согласился.

Он сделал решительный шаг: созвал пресс-конференцию в «Независимом пресс-центре» и, видимо, уговорил, – возможно, через брата, – телевизионщиков с канала ТВЦ послать туда съемочную группу. По ТВЦ прошла первая передача. Потом журналисты поехали брать интервью у самого Соколова, который сидел во Владимирской колонии и, разумеется, писал жалобы для своих сокамерников (он юрист по профессии). Администрация колонии, естественно, испугалась и, ссылаясь на срочно возникший карантин, отказалась предоставить возможность проинтервьюировать заключенного. Съемочная группа ТВЦ поехала в Ковров и там взяла интервью у всех, у кого могла: у журналистов, у депутатов, и у мэра. Поработали хорошо. И это, несомненно, сыграло роль в последующем освобождении человека. Журналисты ТВЦ подготовили по материалам этого дела передачу из серии, кажется, «Наша версия» (16 мая 2005 г.), – я ее посмотреть не смогла: руководство канала пустило ее в семь утра, наверное, чтобы никто не увидел. О положении муниципальных депутатов писал и сотрудник «Литературной газеты», уроженец Коврова.

Станислав пытался, насколько мог, помочь человеку, которого он знал только с моих слов. И благодаря усилиям Станислава в Коврове знали, – мэр знал! – что прошла пресс-конференция в Москве.

Кассационная жалоба второго дела подана во владимирский областной суд – опять безрезультатно. Соколов уже просидел половину срока, наверное, – и тут его выпустили.

После этого первое дело, по которому Соколова «доставляли», когда он «оказывал сопротивление» вообще замяли, как будто его и не было. Не просто так: сначала даже судья по первому делу был на стороне депутата, потом он заболел, дело отложили. Там в деле был свидетель, приятель Соколова, который работал в администрации, – он видел, как все происходило, как на него набросились, чтобы надеть на него наручники, приковать к батарее, и в таком виде показать по местному телевидению. Там были сплошные нарушения со стороны милиции, – и Стас писал обо всех этих нарушениях. В итоге стало ясно, что из этого дела ничего не выйдет.

Владимир Соколов вышел на свободу.

Стас произвел на меня впечатление тем, что всегда откликнулся. Не помню ни одного раза, когда я звонила ему на мобильный, чтобы он сказал мне: «Извините, я не смогу с Вами говорить больше, я не в Москве». Он ничего не рассказывал про Чечню, только после его смерти я узнала, что он был первым и последним, по-моему, из русских адвокатов, работавшим в Чечне. При встречах чаще с ним о делах вообще не разговаривали. Он вообще не говорил о своих делах. Порой мы просто разговаривали, когда он был в Москве, когда он мог поговорить... а ведь он почти всегда был занят! Но он разговаривал – такой он был, у него душа была, он был открыт для общения, хотя я была намного старше, в мамы ему годилась... Он занимался делами по произволу в Чечне, делом «Кадета», – что ему этот депутат ковровский? Но ему и этот депутат был интересен, и ему было нужно этим заниматься, и этому человеку он пытался помочь, хотя бы предать гласности.

Он ничего не рассказывал о своей собственной жизни. Я даже не знала, что он женат, хотя по телефону не раз слышала рядом с ним детский голос. Говорил Стас просто о том, что сейчас происходит, – но не о политике, а вообще о жизни.

Вспоминается одна сцена с какого-то митинга. Мы давно не виделись после ковровского дела. Стас в окружении молодых людей, в длинном черном пальто, в нем он еще выше казался, видит меня и идет навстречу, раздвигая всех в стороны. Подходит ко мне, здоровается как-то очень сердечно. И опять я вижу, что он не смотрит на меня сверху вниз...

Потом я где-то читала, что он озорной такой. Действительно, он мог казаться мальчишкой, и при этом быть таким серьезным, взрослым человеком, адвокатом, вести такие трудные и опасные для жизни дела.

До меня доходили порой разговоры, что дела, в которых Стас принимает участие, не столь безобидны. Как-то помню, я сказала ему: «Стас, Вас же могут убить». Он ничего не ответил, только отшутился, что-то вроде того: «А, да ладно Вам». А когда весной 2004-го его избили в метро и отняли портфель с бумагами, он написал заявление в Прокуратуру, но не пожаловался всерьез своим друзьям, правозащитникам. Он, по-моему, вообще не любил жаловаться кому-либо.

Что же касалось других, особенно тех, кто действительно вызывал сочувствие, то Станислав не умел не откликнуться и не сделать все, что может. Хотя бы дать сообщение, чтобы нарушение прав было зафиксировано.

Я к нему обратилась бы за помощью всегда, если бы что-то случилось, пусть со мной или с иногородним депутатом или вообще по какой-нибудь мелочи, я все равно позвонила бы только Стасу. И я уверена, что он бы мог мне отказать, только если он был бы очень занят. Во всяком случае, он бы меня обязательно выслушал... На крайний пожарный случай, совсем зашиваясь с делами, он давал мне телефон владимирского адвоката Василия Сызганова, потому что Владимир ближе к Коврову, чем Москва.

Если его задевало что-то – он был и умен, и горяч.

Многие читали его статью о патриотизме. С ней можно спорить по каким-то моментам, но мне показалось, что это статья человека лет сорока пяти, с большим опытом.

После убийства Стаса я говорила с дочерью. Она прочитала о том, что случилось. Я стала ей подробно рассказывать, а она говорит: «Ему лет сорок было?» Я не говорю, что все должны быть такими, как Стас, – просто за пять-шесть лет, оказывается, можно очень много успеть.

Если бы Стас был жив, что он делал бы дальше – в тридцать пять, сорок лет? Стал бы общественным деятелем? Он уже им был. Столько проведенных им дел имеют очевидное общественное значение.

В газетах множество фотографий, на некоторых Станислав совсем не похож... Дома у меня есть две, где тот Стас, каким я его знала...

Таубина Наталья.

Сотрудничество с фондом «Общественный вердикт»

Наша организация – Фонд «Общественный вердикт»¹ – занимается правовой помощью пострадавшим от произвола правоохранительных органов. Для этого мы, в частности, обеспечиваем пострадавшим адвокатскую помощь. Станислав Маркелов работал с нашим фондом по нескольким делам, и у нас установились с ним деловые взаимоотношения.

1 Фонд «Общественный вердикт» был учрежден в феврале 2004 г. Международным «Мемориалом», Московской Хельсинкской группой, «Открытой Россией» и др.

Нас познакомил Олег Орлов из «Мемориала». Маркелов в 2005–2006 годах работал как адвокат по нескольким делам, которые вел наш фонд, это «благовещенское дело», «маковое дело» и дело Лапина «Кадета», с которого и началось наше сотрудничество.

Мы подключились к делу «Кадета» уже после начала его рассмотрения в суде, поскольку следствие и суд начались до того, как был создан наш фонд. В январе 2001 года оперуполномоченный Сергей Лапин со товарищи из Октябрьского временного отдела внутренних дел в Грозном задержали и зверски пытали молодого чеченца, Зелимхана Мурдалова. Когда его вернули в камеру после допроса, Зелимхан был уже в агонии. «Кадет» (таков был оперативный позывной Лапина) вывез его куда-то, и Мурдалов «исчез». А потом Лапин попал под следствие и суд. Это был исключительный случай – не «исчезновение» человека, в Чечне такая участь постигла не менее трех тысяч человек, – а привлечение за это к ответственности, забегая вперед, случай единственный: больше ни один федеральный «силовик» за это не осужден.

Начинали это дело Наталья Эстемирова¹ из «Мемориала», работая в Грозном, и Анна Политковская – публикациями в «Новой газете». Стас уже работал по делу как адвокат – как адвокат потерпевшей стороны, он вел дело от имени семьи Мурдалова на всех стадиях.

1 Эстемирова Наталья Хусаиновна, (1958–2009) – учительница истории, журналист, правозащитник, Грозный. С осени 1999 г. работала сотрудником грозненского отделения Правозащитного центра «Мемориал». Была инициатором правозащитного расследования дела «Кадета», с которого и началось в 2002 года ее знакомство и постоянное сотрудничество со Стасом. Похищена в Грозном и убита 15 июля 2009 г.

Через Орлова он обратился к нам с просьбой о содействии для продолжения работы, в первую очередь финансовом, – и мы подключились.

Следствие и суд шли в Грозном. По делу «Кадета» Стас часто и надолго уезжал в Чечню, а когда начался суд, проводил там много времени. Это требовало больших командировочных расходов, что, в частности, и обеспечивал «Вердикт».

По опыту работы я знаю, что дело по обвинению должностного лица в тяжких преступлениях: в похищении, пытках – сложно довести до суда в любом регионе Российской Федерации, а уж тем более на Кавказе. То, что удалось добиться в суде обвинительного приговора, что человек в погонах получил срок за преступление, совершенное в Чечне, – огромная заслуга адвоката потерпевших. В характере Стаса меня поражала эта удивительная напористость: если взялся за дело, то дальше уж роет глубоко и качественно. Семья Мурдаловых, видя, как яростно работает Стас, прониклась к нему дружескими чувствами.

Второе наше совместное со Стасом дело – «маковое». Московский регион. Обвиняемой Б., химику по образованию, инкриминировалось культивирование мака. Мак она выращивала в личных целях на садовом участке, на грядке. Это ей и ставилось в вину: дескать, раз мак не дико рос, а на грядке, которую женщина пропалывала, то, видимо, проделывала это в каких-то наркоцелях. Сама она утверждала, что мак выращивала в минимальных количествах и для кондитерских целей. Дело Б. длилось не меньше года. Результат – оправдательный приговор.

В декабре 2004 года сотрудники милиции «зачистили» и «отфилтровали» город Благовещенск в Башкирии, были избиты сотни молодых людей. Практически сразу туда поехали Лев Пономарев, Людмила Алексеева и еще несколько правозащитников из Москвы.

Что было предпринято помимо той работы, которую вел Стас в суде и в прокуратуре, – была создана «сводная мобильная группа» из нижегородских, казанских, йошкар-олинских и московских активистов правозащитных организаций – такие группы не раз создавали в подобных экстренных случаях. По итогам работы этой «мобильной группы» – опроса свидетелей и потерпевших, а также большой работы, которую провели юристы на местах, прошло много судебных слушаний. Нижегородский Комитет против пыток со своим башкортостанским отделением пытался привлечь к ответственности прокурорских работников, которые не проводили необходимого расследования. До сих пор работа по Благовещенску, по еще ряду связанных с этим эпизодом дел находится в разных судебных инстанциях. Все происходило постепенно: сначала было одно уголовное дело, потом его разделили на два, выведя милицейских начальников нижнего звена в отдельное производство, потом эти два дела распались на четыре, и по эпизодам уже их разделили. Следователи старались всю дробить дело. Обвиняемых с разными полномочиями, разные эпизоды одного события преступления разводили в разные дела. Назначали дополнительные проверки, которые по каким-то эпизодам и в самом деле стоило проводить. Все делалось так, чтобы затянуть сроки, и дело не уложилось в определенные законом рамки расследования. Сработала система заматывания и затягивания. И на сегодня, по моему, только осужден один кто-то из сержантского состава, который просто выполнял

приказы. Основные виновники, которые отдавали приказы на проведение этой операции, гуляют на свободе. Формально продолжается и следствие, сроки которого продлеваются. Происходят обжалования решений. Потерпевшие ведут себя по-разному, – некоторые под давлением отказываются от своих заявлений. Совсем недавно, в августе 2009 г. первый потерпевший получил компенсацию за причиненный ущерб. Это нудная рутинная работа, с которой мы сталкиваемся практически по всем делам: следствие то прекращается, то возобновляется, то выносятся незаконные постановления, добиваешься потом их отмены, и опять по замкнутому кругу – как белка в колесе.

В Благовещенск Станислав сначала ездил со Львом Пономаревым, он находил на это средства, а потом – от нас. В деле были сотни потерпевших. Он работал с местными адвокатами, журналистами, правозащитниками.

Едва ли не главный результат его работы по этому делу – скандальное приложение к приказу № 870. Маркелов был очень доволен, этот документ. Это была своего рода «бомба», с которой надо, с одной стороны, срочно что-то делать, а с другой – каким-то образом ее обезопасить. Станислав был полон идей относительно того, как добиться его отмены.

Была даже дискуссия с нашими юристами по поводу того, какие юридические действия надо предпринимать, чтобы как можно быстрее добиться его отмены. Стас не смог прийти к согласию с нашим тогдашним юристом Павлом Чиковым – тот предлагал одну стратегию, Стас был убежден в верности своей. Спор был сугубо юридический, с множеством терминов, они апеллировали к разным статьям законов и должностным инструкциям. К согласию они не пришли, – это бывает с юристами, – и каждый остался «при своем» – при убеждении в правильности своей точки зрения. В благовещенском деле Стас действовал в соответствии со своей стратегией.

Скандальный приказ № 870 был в итоге подредактирован – убрали какие-то положения, в частности, о фильтрационных пунктах. Но это произошло из-за общественного резонанса, потому что судебного решения, которое бы признало этот приказ незаконным, все-таки не было. Для Стаса же было важно в рамках уголовного дела, возбужденного по факту незаконных действий, применения насилия, незаконного ареста пострадавших жителей Башкортостана, добиться признания в судебном порядке незаконности секретного приказа. Ведь приказ, который задевает базовые конституционные права граждан и может затронуть каждого, не должен быть секретным, он должен быть публичным.

Достоверно известно, что на пострадавших по «благовещенскому» делу оказывали давление местные милиционеры. Были угрозы родственникам, угрозы забрать в армию... Правоохранители «били» по наиболее чувствительному для конкретного человека месту. Обычное дело: ненормальная, но распространенная практика, с которой сталкиваешься, работая по делам о произволе правоохранительных органов. Власти сначала пытаются пострадавшего представить как чуть ли не дикого зверя, который сам набросился на милиционера, а тот-де в рамках необходимой самообороны его отдубасил, и, соответственно, попытаться возбудить против самого пострадавшего дело по применению насилия. Другая тактика – это запугивание...

Из-за этого давления многие отказались от дальнейшего судебного разбирательства. Сначала там было несколько сот потерпевших, но не все осмелились писать жалобы в прокуратуру, а из тех, кто написал, большинство под давлением отказалось от судебных претензий.

Оплата этой работы Маркелова за полтора года с нашей стороны составила порядка 15 тысяч долларов. Сумма, на первый взгляд, кажется большой. Но напомним, во-первых, о количестве потерпевших, в защиту которых выступал Стас. Во-вторых, о дорогостоящем обсуждении по междугородному телефону вопросов, связанных с давлением на участников процесса. В-третьих, о необходимости постоянных разъездов и, соответственно, невозможность заниматься какими-то другими делами. В-четвертых, работа над делом была долгой и продолжалась уже после истечения сроков нашего договора. Поэтому такая сумма не кажется особенно большой.

Но с другой стороны, эта сумма равнялась четверти годового адвокатского бюджета фонда – это, учитывая, что мы работаем по всем регионам страны, говорит о том первостепенном значении, которое мы придавали его работе.

Дело в том, что, вопреки распространенному мнению о больших деньгах, которыми распоряжаются правозащитники и которые получают адвокаты, мы постоянно становимся перед необходимостью «накормить всех тремя хлебами». На каждое заседание Правления фонда, которое принимает решение о поддержке того или иного потерпевшего, возникают споры: кого? Дать деньги на одно «знаковое» дело – или на восемь, десять в разных регионах? Оплата московского адвоката – это, прежде всего, командировки. В исключительных случаях – а именно такими были дело «Кадета» или «благовещенское» дело – такое решение оправдано. Но в большинстве дел ту же работу может выполнить местный адвокат. Как правило, мы так и работаем. Тем более что дело «Кадета» стало едва ли не последним громким делом, где федеральный «силовик» сел на скамью подсудимых и отправился отбывать срок: для них система организованной безнаказанности на Кавказе работает исправно. Есть в последние годы много других дел, где местные, северокавказские адвокаты защищают жертв фабрикаций уголовных дел по терроризму и т. п. – Станислав Маркелов был первым, теперь появилось новое поколение. А по «маковому делу» гонорар Стаса был около двадцати тысяч рублей за, как минимум, год работы – «золотые горы»?

Стас был человеком веселым, живым: юридические курьезы он очень любил обыгрывать, пересказывал, даже смаковал, специально приходил поделиться. Другая важная его черта – самостоятельность, присущая, наверное, многим сильным натурам. Стас был убежден: какая концепция сидит в его голове, та и есть самая правильная, ей и надо следовать. Если Стас продумал и решил для себя, как он будет действовать, то изменить его установку, заставить его свернуть с выбранного пути было практически невозможно, никакие аргументы не срабатывали. Порою это порождало трения, споры, конфликты при обсуждении юридических нюансов, при поиске возможных вариантов работы по делу. Он старался убедить себя и других, аргументировать правильность выбранной тактики.

Мы виделись последний раз года за два до его гибели, – на совещании экспертов в «Мемориале», где обсуждали вопросы правовой защиты в разных случаях нарушений прав человека, где разбирали методику работы разных правозащитных организаций, насколько удалось или не удалось добиться успеха, как происходит взаимодействие с адвокатским сообществом. Говорили тогда и о дефиците адвокатов по общественно значимым делам: таких юристов – единицы. Мы ведь с этим сталкиваемся в каждодневной работе: приходит новое дело – и крайне сложно найти адвоката, который бы за него взялся, не испугался и готов был до конца с этим делом возиться и работать.

Санникова Елена.

Оставшиеся без защиты

Я была в «Мемориале», когда узнала об убийстве Станислава. Не помню, как я добралась до Пречистенки. Увидела не припорошенную кровь на снегу, и только тут осознала, кого мы потеряли.

Первый раз я его увидела в июне 2002 года, когда адвокат Абдулла Хамзаев давал пресс-конференцию по делу Буданова, а Людмила Михайловна Алексеева и Светлана Алексеевна Ганнушкина представили нового адвоката, который только что вошел в дело, чтобы защищать интересы семьи Кунгаевых – Станислава Маркелова. Он произвел впечатление: молодой и энергичный человек, хороший адвокат, высокого уровня профессионал. После пресс-конференции мы поговорили о проблемах таких людей, как семья Кунгаевых (немногие семьи, пострадавшие от произвола «федералов», решаются добиваться правды в суде) и о том, как трудно этой правды добиться.

Потом мы встречались и на правозащитных конференциях, и в Движении за права человека, где был его офис. Говорили о проблемах Чечни, о взаимодействии адвокатов и правозащитников.

Я никогда не видела Стаса веселым, громкоговорящим, бесшабашным неформалом. Были ситуации, когда он был совсем другим – серьезным, вежливым, элегантным, деликатным. В декабре 2006 года на Всероссийском гражданском конгрессе, на секции по проблемам Северного Кавказа были предложены несколько резолюций, в том числе резолюция Маркелова. Я прочла ее внимательно, некоторые места мне не понравились, и, не предупредив Маркелова, активно раскритиковала ее. После этого он ко мне подсел, сказал, что с одной стороны я права, но и он тоже прав с другой стороны. Тот, кого я критиковала, поблагодарил меня за это!

Как теперь сохранить его наследие? Как продолжить его дело – защитить тех людей, дела которых вел адвокат Маркелов?

«Сначала я пережила тяжелый шок от этого страшного известия. Потом, когда пришла в себя, сознание оглушил второй удар: мы поняли, что остались теперь без защиты...»

Слово в слово я слышала эту фразу от двух разных женщин, не знакомых между собой и живущих за тысячи верст друг от друга. Одна – в Чечне, другая – на севере России. Одна чеченка, другая русская. И у той, и у другой – одно и то же горе: сыновья находятся в местах лишения свободы. Оба – без вины. И того, и другого защищал адвокат Станислав Маркелов...

«Только с появлением Станислава Маркелова у нас появилась надежда», – говорит Зулай Магомедовна.

«Станислав был первым адвокатом, который искренне и с душой подошел к делу защиты моего сына», – говорит Софья Ивановна.

О том, что в Чечне не существует никаких законов и родственники без вины осужденного чеченца рады и тому, что он не исчез, не пропал без вести, что живой, хоть и заключенный, об этом известно давно. Но вот и в российской глубинке получает срок молодой парень, не совершивший того, в чем его обвиняют – и, оказывается, это тоже обыденность, с этим свыклись и там. Удивляются наивности матери, убитой горем.

«Я не знала, что ни за что могут дать так много», – говорит Зулай Магомедовна.

«Я уверена была, что суд разберется и снимет с него обвинение», – говорит Софья Ивановна.

«Я спросила у судьи, почему сыну дали такой большой срок, ведь он ничего не совершал. Судья ответил: потому что статья у него такая», – рассказывает Зулай Магомедовна. У нее многодетная семья, двое детей приемных, на девочку-сироту, оставшуюся без родителей после бомбежки, Зулай не получала никакого пособия. Конечно же, ни дорогостоящих адвокатов оплатить, ни выкуп дать (который в Чечне часто запрашивают у родственников следствие и суд через посредников) она не могла. Надежд не было никаких, пока Астамир Мурдалов (отец похищенного и «исчезнувшего» Зелимхана Мурдалова) не посоветовал ей своего адвоката – Станислава Маркелова. Зулай поехала в Москву и заключила с ним договор. С тех пор Станислав стал не только адвокатом Заура Мусиханова, но и опорой, поддержкой, надеждой семьи. Он говорил и писал о деле Заура, подал жалобу в Европейский суд по правам человека – дело принято к рассмотрению. Он неоднократно хлопотал о переводе Заура в Чечню, получал немотивированные отказы, но продолжал добиваться еще и амнистии для Заура. С гибелью Станислава у Зулай не осталось надежд.

Софья Ивановна после вступления приговора в силу обошла в Москве все официальные и неофициальные инстанции, пока в офисе движения «За права человека» ее не свели со Станиславом Маркеловым. Именно в нем она нашла человека, способного не просто вести дело своего подзащитного, но сопереживать искренне и страстно, участвовать в деле активно и ревностно – не ради заработка, не ради славы, а повинувшись голосу совести и собственному обостренному чувству справедливости.

Кто теперь заменит адвоката Маркелова его подзащитным, которых по России – не один десяток?

Как привлечь внимание общественности к этим делам, как вырвать невиновных людей из цепких лап российского правосудия?

В деле Заура Мусиханова есть политическая подоплека, он осужден на 9 лет как боевик (не совершивший ни единого выстрела, не замешанный ни в одном преступлении). Дело его сфабриковано без малейшего намека на законность, но это – Чечня. Тысячи чеченцев томятся сейчас в российских тюрьмах по таким же сфабрикованным, бездоказательным

обвинениям, их положение в тюрьмах и лагерях заведомо хуже, чем у других осужденных, многие содержатся в условиях повседневной пытки, но к этому есть хоть какой-то общественный интерес.

А на что надеяться таким, как Софья Ивановна, у которой сына засудили без какого-либо политического подтекста, просто в дежурном порядке? Множество таких же несчастных, случайно подвернувшихся под руку, спокойно и хладнокровно, не разобравшись, приговаривают к непомерным срокам заключения наши суды – и мало кого это волнует.

Простая российская семья, отец шофер, мать педагог, единственный сын в семье... Алексей увлекался спортом, но из-за проблем со здоровьем поступить на спортивный факультет не удалось, сердечно-сосудистое заболевание стало и причиной отсрочки от армии. Алексей учился заочно в Институте информационных технологий, работал экспедитором у отца, сопровождал грузы на старом отцовском «КамАЗе». Посещал любимую девушку в общежитии, где, как и во многих других подобных рабочих общежитиях, случаются и пьянки, и драки, и поножовщины.

Как объясняет Софья Ивановна, суть первого эпизода, по которому осужден сын, состояла в том, что он вступился за девушку из необеспеченной семьи, у которой один парень вымогал деньги. Конфликт произошел на лестничной клетке общежития, Алексей толкнул обидчика в плечо, а случившийся здесь же некто Кобычев вмешался в ситуацию более усердно: дал обидчику по голове и жестоко наказал, засунув головой в мусорный контейнер.

Два месяца спустя ситуация повторилась... Свидетели показали, что видели, как Алексей удалялся по коридору до начала той злополучной драки, которая вспыхнула в компании после его ухода и в которой орудовал тот же Кобычев. Ответчиком за нее следствие и суд огульно назначили Алексея, и статья была более серьезная – «тяжкие телесные повреждения». К той драке Алексей никоим образом не причастен, однако «повесили» все на него. Так проще было суду и следствию.

Алексей Захламин не успел в своей жизни совершить ничего заметного, как-либо выделиться из своей среды, проявить чем-либо свой талант – и сколько таких сидит по тюрьмам и лагерям России без надежды быть услышанными, привлечь внимание к убийственной несправедливости в своей судьбе, получить сочувствие и помощь. Алексею был 21 год на момент ареста.

«Мы столько подлости и несправедливости претерпели, мы думали, что отзывчивых людей, способных понять наше горе, просто не существует. И как же радостно было узнать, что такие люди есть, а значит, есть и надежда. С появлением Станислава Маркелова мы просто воспряли духом...»

Станислав Маркелов подключал к делу Захламина депутатов Государственной думы, заставлял родителей не унывать, анализировать ситуацию, думать, отвечать на вопросы, правильно формулировать аргументы. Два года назад он подал жалобу в Комитет по правам человека при ООН, для Страсбурга сроки были уже пропущены. Он заинтересовался ситуацией Владимира Щербакова, начальника 124-й Специальной лаборатории медико-

криминалистических исследований в Ростове-на-Дону.

«Щербаков был очень возмущен, изучая материалы дела, говорил, что все доказательства обвинения – сплошные мыльные пузыри и непонятно, на основании чего вынесен такой приговор», – говорит Софья Ивановна.

Знаменитый криминалист взялся провести детальную экспертизу по материалам дела и в ходе работы пришел к однозначному выводу, что ни к злополучной драке в общежитии Алексей Захламин не причастен, ни тяжких телесных повреждений потерпевший не мог получить, а потому и статья, предусматривающая большой срок, была избрана неверно. К такому выводу Щербаков пришел на основании изучения всех протоколов допросов и экспертиз по делу.

Последний раз Софья Ивановна приезжала в Москву для встречи со Станиславом Маркеловым в конце декабря. Он был искренне раздосадован ответом на свою надзорную жалобу из Верховного суда – отказом на том основании, что уже рассматривались надзорные жалобы по этому делу. Жалоба подавалась «по вновь открывшимся обстоятельствам», и Верховный суд обязан был ее рассмотреть.

«Наверно, нас так жестоко наказали потому, что мы с самого начала пытались добиться справедливости. Станислав Юрьевич сравнивал нашу ситуацию с тяжелой формой болезни, он говорил, что тут сложно что-либо сделать, но делать нужно, нельзя сдаваться и нельзя позволять, чтобы невиновный человек сидел».

За день до гибели Станислав Маркелов сказал Софье Ивановне по телефону, что со дня на день ждет окончательного экспертного заключения от Щербакова и будет с ним обращаться в Генеральную прокуратуру, а если и это не даст результата, он поедет в Архангельск и уже на месте попытается добиться справедливости.

Теперь увесистый том экспертизы Щербакова лежит мертвым грузом у Софьи Ивановны. Станислав убит. С ним убита и последняя надежда на восстановление справедливости, на малейший просвет в деле ее сына.

«Щербаков звонит нам из Ростова-на-Дону и спрашивает, когда же мы найдем нового адвоката. Он тоже близко к сердцу принял эту несправедливость. Но где нам найти такого адвоката, каким был Станислав Юрьевич?»

И действительно – где найти адвоката, который возьмется за это дело, не сулящее ни больших гонораров, ни пиара, возьмется с той же ревностью и энергией, с какой занимался им Станислав Маркелов?

А где найти адвоката, который протянет руку помощи Зауру Мусиханову и другим осиротевшим подзащитным Станислава, уже осужденным, уже отбывающим непомерные сроки заключения без всякой вины?

Бергалиева Ирина. Есть такая работа – быть последней надеждой

Мы встретились, когда с моим домом случилась беда. Дом по адресу Ясный проезд, д. 19 (Москва), в котором я проживала в общежитии, был передан, как якобы пустующее здание, под общежитие для иногородних тюремных надзирателей – сотрудников ФСИН. Это было в конце 2004 – начале 2005 года. Я тогда пришла за помощью ко Льву Александровичу Пономареву, там был и Станислав Маркелов. Потом оказалось, что у нас масса общих знакомых – например, Михаил Драненко, из Революционной рабочей партии, который сейчас участвует в нашем Движении за права общежитий.

Настю (Бабурова) я узнала позже. Когда она пришла к нам, события вокруг нашего дома уже были в разгаре: нас силой выкидывали на улицу. Стас занимался уголовными делами, заведенными против наших жителей.

Настя приходила в наш дом не только как корреспондент. Потом по одному из уголовных дел она стала свидетелем, а адвокатом обвиняемой был Стас. Настя успела дать показания о том, что происходило в нашем доме 24–25 июня 2005 года, – они сейчас фигурируют в деле.

В общении Стас был очень легким человеком, и мы быстро нашли общий язык. Он хорошо сближался, если ему самому было интересно с людьми. За чашечкой кофе в недорогом кафе мы часто беседовали с ним, он рассказывал какие-то случаи из своей практики, консультировал меня. Советы его были очень дельные, полезные: какие возможности есть в законодательстве, какие лазейки, как можно запросить нужные документы.

У одной из наших жительниц возникли сложности с квартирой, которую ей давно обещало отдать предприятие, где она работала. Но квартиру захватили тюремщики. Стас буквально ворвался в это дело, и мы смогли отбить эту квартиру. Чтобы помешать этой девушке отсудить собственно квартиру, на нее сфабриковали дело о нападении на офицеров ФСИН. Стас выступил ее адвокатом по этому поводу. Приходилось опровергать показания свидетелей обвинения, которые показывали, что маленькая хрупкая девушка, назовем ее Юля, взломала дверь, вышвырнула надзирателя с семьей и заняла эту квартиру. С нашей стороны соседи были свидетелями, я познакомила с ними Стаса. Стас очень внимательно расспрашивал их, и в целом постоянно интересовался, что у нас происходит. Поэтому мы и не раздумывали в отношении того, что именно он должен быть адвокатом в деле Юли.

Когда мы были у мирового судьи, который рассматривал это дело, то, сидя в коридоре со свидетелями, очень хотели подглядеть, что происходит в зале заседаний. Удивительно, но нам это удалось. В предбанничке перед залом сидел пристав, и перед ним находились мониторы, которые беззвучно показывали зал. В каждом отдельном квадратике экрана отображались судья, ФСИНовцы, подсудимая, прокурор, адвокат. Когда отлучался пристав, мы наблюдали, как изменялись по ходу заседания выражения лиц и повадки участников процесса.

Сначала – судья, сидит с постным выражением лица, ему до лампочки это дело, не вникая, привычным жестом перелистывает бумаги, видимо монотонным голосом говорит. Затем – прокурор, старается. Мы потом читали – достаточно резкое выступление, которое вообще характерно для этой девушки. И вот встает Стас. Начинает говорить. Монитор показывает, как как-то сжимается человек, написавший заявление на Юлю, нашу девушку. Наша девушка уже распрямляет спинку, даже начинает вертеть головой и улыбаться. Стас продолжает говорить, жестикулирует, подходит к прокурору – что-то показывает. Подходит к судье – что-то показывает. Нам не слышно, к сожалению, но судья уже заинтересованно хватает какие-то бумаги, что-то пишет, в его движениях видна напряженность. Такие забавные метаморфозы с участниками заседания мы наблюдали на экране. Жалею, что это впечатление полностью непередаваемо словами и его нельзя было заснять.

Из зала совершенно никакие, поникшие вышли те, кто состряпал дело. Стас, как всегда, улыбался, шутил, балагурил. Но уже во дворе суда, где я стояла, к нам подошел Гербач, начальник ЖКО УФСИН, тот самый, что избивал Настю, и стал угрожать Стасу: «Смотри, парень, московская земля нынче очень дорогая. Держись подальше от этого дома. Мой тебе совет...» Эту фразу я запомнила буквально. Стас ответил шуткой. Когда Маркелова убили, я следователям ее сразу передала. А Гербач первый позвонил мне: «Это вашего адвокатишку убили...» – «Ну вы теперь спокойны, вы этого хотели!» – «Да бросьте!..» – начал говорить он. Но видно было, что ему как-то неуютно, испугался что ли. Судьба распорядилась так, что спустя два-три месяца Гербач погиб в автокатастрофе.

А дело Юли из суда направляется на доследование обратно. Постепенно там оно и заглохло. Используя решение арбитражного суду делу, в судах Стас показал, что эти тюремщики – никто. Задолго до определения Верховного суда по нашему делу он первым сумел доказать, что выделение этого дома в распоряжение ФСИН было незаконно. Из Верховного суда, обратно до районного, и вот уже и решение районного суда скоро окончательно это подтвердит.

Я весь опыт, как губка, впитывала от Стаса и от еще одного нашего юриста, Евгения Боброва, который ведет наши гражданские дела. У нас счастливая судьба, потому что два таких светлых и незаменимых человека оказались рядом.

Станислав знал арбитражное, гражданское и уголовное право, легко и изящно сочетал разные нормы и использовал их. Видно было, что работа ему очень нравится, информация брызжет из него, и он готов ей делиться. Стаса переполняли эмоции. Он размахивал руками. В кабинете, объясняя что-то, выпрямлялся на стуле, закидывал руки за голову и начинал раскачиваться – это было одно из его любимых движений. За его стулом сразу начиналась

стенка, где висел белорусский флаг, ему постоянно хотелось раскататься вовсю, но он все время упирался в эту стену...

Иногда, когда действительно серьезный разговор заходил, становился очень строгим. Видно было, что чужое горе ему близко, – он хмурил брови и вслушивался, отрывисто отвечая.

Последние пять лет мы часто общались, часто перезванивались, и я рассказывала, что происходит в доме. Жалко, что кроме последних пяти лет, я его раньше не знала. Я думаю, что более длительное знакомство пригодились бы в моей жизни.

Сейчас у нас все более-менее. На «группу неизвестных лиц» (на самом деле – сотрудников ФСИН или нанятых ими) также завели уголовное дело – за нанесение побоев группе граждан, жителей дома. Стас сделал все, чтобы это дело не «осело» в ОВД Южное Медведково, где работают все ответственные лица. Дело первоначально было составлено так, будто некие дурачки случайно шли мимо и не с того ни с сего решили вдруг войти, подняться и набить морду жителям второго и третьего этажей. Месяца три-четыре назад раздался звонок, и наши допросы, как свидетелей и потерпевших, возобновились. Первая следственная бригада была отстранена от дела, следственный отдел УВД СВАО снова работает, пока – в рамках закона, с использованием всех наших доказательств. Беременных, пожилых или больных допрашивают, привозя на машине в УВД или приезжая на дом, проявляют внимательность. Грамотно, подробно составляют протоколы.

В последние месяцы и у меня, и у Стаса так часто были то суды, то поездки – трудно было совпасть по времени. Он то в Грозный летал, то еще куда-то. Телефонные звонки постоянно говорили, как он нужен всем. Людям часто не на кого было надеяться. И есть такая работа – **БЫТЬ ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДОЙ**. У защитника Маркелова вся работа была такая.

Чирикова Евгения. Защита Михаила Бекетова – защитника Химкинского леса

Уголовное дело против Михаила Бекетова о клевете на Владимира Владимировича Стрельченко, мэра подмосковного города Химки, было начато не просто так. И дело не только в том, что Бекетов постоянно публиковал в своей газете «Химкинская правда» материалы о безобразиях, которые происходили в городе. Главное – Михаил сразу заподозрил, что именно интересы мэра грозят Химкинскому лесу уничтожением.

Я была и остаюсь лидером движения в защиту Химкинского леса, но сама я сначала не верила в причастность к этому Стрельченко. Огромные лесные угодья изымались в нашем городе для строительства федеральной автомагистрали Москва–Санкт-Петербург, и стоять за таким решением мог кто угодно. Бекетов с самого начала понял, что дело не в неудачном проектировании трассы, а в незаконной прирезке к ней больших территорий: на горизонте замаячили огромные деньги за подмосковные земли, выводимые из лесного фонда. Михаил добыл акт выбора трассы, и стало ясно, что именно Стрельченко выбрал из нескольких вариантов самый губительный – сквозь Химкинский лес.

Три года эта тема была в «Химкинской правде» одной из самых острых, наряду с варварским «перезахоронением» героев Отечественной войны: при реконструкции парка останки летчиков просто выбросили из могил, часть праха была утрачена.

Михаил поразил меня своей активностью. По-мужски очень прямолинейный, правду только в глаза говорил, мерзавца мог и матом послать прилюдно, мог сказать заместителю мэра: «Ты – вор!»

После срочной службы в воздушно-десантных войсках Бекетов окончил журфак МГУ. Как журналист побывал во многих горячих точках. Был очевидцем кровавых событий в Останкино в Москве в октябре 1993 года. При смене власти Михаил ушел из газеты «Химкинские новости», поскольку новоизбранный Стрельченко желал видеть там критику только прошлого руководства. «Химкинская правда» стала единственным источником независимой информации и мнений, поскольку остальные СМИ сбыли «оккупированы».

У Бекетова были торговые точки, где продавали книги – их спалили. Взорвали его машину. Хотели запугать – не получилось. Михаил во всеуслышание заявил в интервью Рен-TV: это – политический террор, заказчик – Стрельченко, мэр городского округа Химки. Тот обратился с заявлением, было возбуждено уголовное дело о клевете.

Первый адвокат, взявшийся за это дело, предложил Бекетову тактику затягивания суда: под предлогом фиктивных заболеваний и так далее не являться на заседания, а там-де ситуация изменится, Стрельченко уйдет, и на суд влиять не сможет.

Но Михаил не был подпольщиком, не мог вот так выжидать удобного момента, он хотел ответить ударом на удар, – не в прямом, а в интеллектуальном смысле. После нескольких заседаний химкинского суда Бекетов стал искать адвоката, который соответствовал бы его намерениям. С Михаилом мы соседи, а Стаса я практически не знала, – и сразу удивилась, насколько схожи они характерами. Маркелов предложил ему совершенно другую тактику, – стал его реально защищать, а не затягивать процесс. Стас собрал всю информацию и по деятельности Михаила, и по деятельности Стрельченко. Мои товарищи из «Движения в защиту Химкинского леса», присутствовавшие на заседаниях, были шокированы возрастом Стаса: «Ну как же такой мальчик, такой молоденький будет его защищать». Суд был изначально ангажирован против Михаила Бекетова, но после выступлений Стаса, который грамотно выстраивал аргументацию, судья, по крайней мере, перестал торопиться с обвинительным приговором. Мы благодарны Станиславу за то, что Мишу тогда не посадили – с его-то характером, он бы просто умер в тюрьме от несправедливости. Теперь уже бабушки-активистки, в защиту нашего леса не раз перекрывавшие трассу, подходили к Маркелову: «Мальчик, какой ты молодец!». Он не соглашался: «Какой я мальчик – я уже мужик!» – «Для нас ты – сыночек...»

Но Михаил Бекетов был, словно в капкане в своем небольшом, собственными руками построенном доме: подписка о невыезде мешала скрыться от опасности. Его анонимно уговаривали «посидеть немного», для того чтобы Стрельченко остался «в белом». По телефону постоянно угрожали искалечить и убить, Михаил прямо говорил: «Если со мной что-то случится – ищите у Стрельченко или выше». Встречи с Маркеловым ему очень помогали психологически, – Стас был у него за неделю до нападения...

В конце ноября Михаила Бекетова избили до полусмерти и оставили умирать на морозе во дворе дома. И никто из химчан, из соседей не слышал, как двухметрового мужика молотят на улице, никто не вызвал милицию! Он чудом выжил: ампутация четырех пальцев на руках и половины ноги, огромные потери головного мозга, весь год без движения, без речи...

В «Новой газете» мне сразу сказали: лучше, если делом займется Маркелов. Стала названивать – телефон был отключен. Я вела митинг 30 ноября на Чистых прудах, только там мы и познакомились. Когда я представляла его, он попросил: назови не адвокатом Бекетова, а именно правозащитником. Стас произнес тогда запомнившиеся многим слова: «Я устал встречать своих друзей в разделах криминальной хроники...»

Маркелов не успел войти в дело. До убийства Стаса еще была надежда на расследование нападения на Мишу Бекетова. Сейчас надежды нет. А ведь Стрельченко не отказался от

обвинения в клевете! Материалы по тому делу сейчас мы не можем получить, так как нет представителя интересов Михаила.

Кто из адвокатов и правозащитников не побоится вытянуть эти дела? Может, нет таких?

Сызганов Василий. Так пересеклись наши пути

Звонок от Л. (председателя Комитета солдатских матерей Владимирской области) – у нее проблемы с правоохранительными органами. Первая мысль – «порадовать» Стаса перспективой новой совместной работы. Но «обрадовать» не смог – на звонок Стас ответил, что у него умерла мама. Решил перезвонить через неделю.

19 января 2009 года. Владимир. 16.00.

Звонок из какого-то информагентства с просьбой рассказать чтолибо о Маркелове. Очень удивился и посоветовал позвонить самому Стасу. В ответ – его убили. Шок... Пустота... Полная протрация... Поздно вечером дома – очень много водки и примерно такое же количество слез. До сих пор не могу и не хочу в это поверить и с этим смириться.

2004 год. Защита по уголовному делу вышеупомянутой Л. Поскольку дело было в большей степени политическое, чем уголовное, то Л. сообщила, что ей движение «За права человека» предоставит еще одного адвоката, москвича. Я сильно не обрадовался, но и не возражал.

Так пересеклись пути мои и Маркелова, и наши отношения из немного настороженных поначалу со временем переросли в настоящую дружбу. Потом были Благовещенск и Зеленогорск, социальные форумы и саммит «большой восьмерки», Владимир и Химки, Швеция и пр. Было многое – и хорошее, и не очень. Было... Даже сейчас не верится, что уже больше ничего не будет. А если и будет, то без Стаса. А это уже совсем не то...

Я часто задумываюсь теперь, что же нас связывало? Мы ведь с ним были абсолютно разные. Разный возраст, другие интересы, иные идеалы. И, тем не менее связь была настолько прочной, что если мы не созванивались раз в 10–12 дней, не слышали или не видели друг друга в это время, то рука сама собой тянулась к телефону, чтобы самому назвать пароль «Рэхим этегез» или ответить отзывом «Азык-тулек». Этими башкирскими словами мы как бы давали друг другу знать, что можно разговаривать спокойно и что у нас все нормально. Привычка эта родилась сама собой, когда мы долгие-долгие дни и ночи проводили в Башкирии в «избитом» городе Благовещенске.

Что можно сказать о Стасе? Не знаю. Столько уже о нем сказано и написано, что кажется и добавить уже нечего. Лучше о том, что меня в нем поражало.

Первое и самое главное – энциклопедичность его знаний. Это проявлялось где бы мы ни были, в любом уголке России. У него в голове была почти полная информация об этом месте,

включая количество жителей, национальный состав, достопримечательности и особенности национальной кухни. Для него не было тем, в которых он бы не разобрался – политика и экономика, спорт и культура, сельское хозяйство и транспорт – он был в курсе всего. Однажды, в Башкирии, я купил набор открыток с изображением национальной одежды всех проживающих в Башкирии национальностей и народностей. Их было около 12. Пospорили со Стасом, что он назовет всех и ошибется максимум два раза. Он проспори́л, ошибся трижды. Но потом мы аналогичным образом проверили около 10 человек, постоянно проживающих в Башкирии, причем людей в высшей степени знающих, – процент ошибок был около 50–60%. И так было всегда.

Второе – его абсолютное бесстрашие. Когда я знакомился с делами Стаса (он сам мне их комментировал), я часто задавал ему вопрос: «Зачем? У тебя дети, семья». Ответом чаще всего была фраза: «А некому!» Самое главное, что это он делал совершенно не из-за денег. Это было потребностью его души, смыслом его жизни.

Третье – неприхотливость во всем. Питаться один раз в сутки, спать по три-четыре часа несколько дней подряд, причем исключительно на полу и без одеяла, принимать водные процедуры ледяной водой – все это для Стаса настолько обыденно, как для других ежедневно чистить зубы. Я еще часто говорил ему, будучи в совместных командировках: «Стас, зачем мы берем двухместный номер, ты все равно спишь на полу?»

Четвертое..., пятое..., шестое... и так до бесконечности.

Он не верил в бога, это факт. Но тем не менее, каждый раз проходя мимо наших древних Владимирских соборов, я прошу Бога, чтобы он принял душу Стаса к себе. И это будет лучшая для него награда, награда за все его бесчисленные добрые дела, которых он за свои неполные 35 лет сделал столько, сколько масса праведников не сделает за свои длиннющие жизни.

Измайлов Вячеслав. В Стасе и Наташе я видел продолжателей дела Анны

В кабинете Анны Политковской в «Новой газете» всегда стояли люди. Кабинет Анны небольшой и поместиться могут немногие.

2001 год. Разные люди с разными проблемами. В основном это были люди с Северного Кавказа, из Чечни. На их фоне выделялся высокий, стройный молодой человек со славянскими чертами лица. Так я познакомился с молодым адвокатом Станиславом Маркеловым. Здесь в коридоре «Новой газеты», у кабинета Анны Политковской мы и познакомились.

Он тогда начинал вести дело убитой полковником Будановым 18-летней чеченской девушки Эльзы Кунгаевой. Точнее, он был адвокатом потерпевшей стороны – родителей Эльзы Кунгаевой. Да разве были у родителей убитой чеченской девочки деньги, чтобы нанять дорогих адвокатов? Со Стасом Маркеловым заключили договор правозащитники, и они тоже не могли платить много – максимум 100–300 долларов в месяц.

Анна Политковская вела тему Буданова в газете. Вела – не то слово, она жила этим. И Стас тоже этим жил. Процесс был долгим и трудным. И осуждение Буданова во многом было достигнуто благодаря журналистскому мастерству Анны и юридическим способностям Стаса. И с этого дела они казались неразделимыми.

Еще было дело, скорее всего, погибшего Мурдалова в Октябрьском ВОВД Грозного и роль в его исчезновении капитана милиции Лапина, известного теперь по кличке «Кадет». Лапин тоже был осужден благодаря адвокатскому мастерству Станислава Маркелова и журналистскому упорству, и даже жертвенности Анны Политковской.

Но они были разными с Политковской. Часто экспансивная и вспыльчивая Анна и очень рассудительный, несмотря на свою молодость, Стас. И этими чертами они как бы дополняли друг друга.

Я считаю, что Анна не всегда была права. И со Стасом мы говорили об этом. Но он никогда ее не предавал, и был ее адвокатом. Я их нередко встречал в Басманном суде Москвы, где им приходилось добиваться справедливости и отбиваться от нападок.

Гибель Анны Политковской в октябре 2006 года этот тандем разрушила. Но в Стасе и Наташе Эстемировой я видел продолжателей дела Анны.

«Люди исчезающие» – внесудебные расправы над людьми – это оставалось их главной темой. И то, что они с Наташей погибли в один год, символично.

Как адвокат-правозащитник Станислав Маркелов был многогранен.

Еще в 2000 году в «Новой газете» был убит талантливый журналист Игорь Домников. Я вел расследование по убийству Игоря. Непосредственные его убийцы спустя годы были найдены и осуждены, а вот заказчики, в личностях которых мы не сомневаемся, остались на свободе. Я был адвокатом потерпевших по этому делу, и считаю, что не сумел довести его до конца. Сомнений не было: адвокатом по делу заказчиков убийства Игоря Домникова должен был стать Стас Маркелов. И он им стал.

Летом 2008 года я опубликовал в «Новой газете» статью, в заголовок которой были поставлены слова мусульманского священнослужителя Магомедсалаха Масаева: «Четыре месяца я был заложником у Рамзана Кадырова». Через три недели после опубликования этой статьи Магомедсалах исчез в Чечне. По просьбе правозащитников Станислав Маркелов стал адвокатом родственников исчезнувшего Масаева.

Одновременно Стас, как адвокат, боролся против русских фашистов.

Его могли убить и те и эти, впрочем, как и Аню Политковскую, как и Наташу Эстемирову.

Потому что все они были прежде всего правозащитниками – не только в профессии, но и в повседневной жизни. Это их всех объединяет – и журналистку Анну Политковскую, и школьную учительницу и правозащитницу Наталью Эстемирову, и адвоката Станислава Маркелова.

Черкасов Александр. На передовой

Вообще-то пуля ходила за ним с самого начала нашего знакомства. С 3 октября 1993 года, когда Стас бегал по Москве и таскал раненых. А что еще было делать среди общего безумия? Группа молодых людей из числа «левых» вспомнила Максимилиана Волошина, организовала «медбригаду».

Когда в его родном городе началась война, девятнадцатилетний Стас Маркелов, хиппи с собранными в «конский хвост» волосами, тусующийся с «анархами» студент-юрист, оказался на своем месте: не в окопах и не на баррикадах, не на той или другой стороне, а между ними. Помогал всем – сначала избитым солдатам, потом раненым демонстрантам. Наверное, лучший, если не единственный способ сохранить себя, когда всех вокруг охватило безумие. По той же причине оказались на улицах Москвы и «мемориальцы», и делали то же дело – так и познакомились.

...Хоронили Стаса в Москве на маленьком Останкинском кладбище, – деревни исчезли, поглощенные Москвой, а деревенские погосты остались. Шел ледяной дождь. Верхушка телебашни, вздымающейся неподалеку, исчезала в низких облаках. На стекле кладбищенской сторожки была знакомая эмблема: зажатый в кулак «Калашников». «Союз ветеранов “Витязя”»...

Многих друзей Стаса эти молчаливые символы возвращали к началу. Пятнадцать лет назад для них все начиналось совсем рядом, у телецентра, на улице Академика Королева, перед зданием аппаратно-студийного комплекса № 3. Внутри АСК-3 находились те самые «Витязи», еще не ветераны, – спецназ внутренних войск под командой генерала Павла Голубца. Снаружи – многотысячная толпа демонстрантов, пришедшая от Белого дома. Среди этих тысяч – несколько десятков боевиков под командой генерала Альберта Макашова. И немногочисленный санитарный отряд, добровольцы, «дружина имени Максимилиана Волошина». После бойни в Останкино на московских погостах появилось 46 новых могил. Для Стаса, как и для других сандружинников, многое в жизни определилось вечером 3 октября 1993 года...

Чудо, что никто из «волошинцев» тогда не пострадал. Опасно бегать под пулями, вытаскивая людей? Теперь выясняется, что не более опасно, чем быть адвокатом. Чем помогать потерпевшим в суде. Потерпевшим – то есть опять жертвам. Рискну сказать – жертвам той самой бесконечной войны, что из Москвы 1993-го год спустя пришла на Кавказ, а потом вновь вернулась в Москву.

Летом 1994-го Стас даже съездил на Кавказ, в Ингушетию, в зону недавнего вооруженного конфликта.

Однако Станислав стал не «правозащитником» (слово, порою скрывающее под собой дремучее неумение), а защитником в строгом смысле этого слова – адвокатом. Вышел из «неформальной» среды.

К концу 1990-х его умение признала даже Федеральная служба безопасности. Стас был защитником по многим делам, где российских «левых» обвиняли в терроризме – от попыток взорвать московские памятники царям до якобы подготовки покушения на «батюку Кондратенко» в Краснодаре. Многие из этих дел «развалились», а обвиняемые были оправданы. В итоге летом 1999-го по очередному такому делу ФСБ поспешила допросить Маркелова в качестве свидетеля – а свидетель в дальнейшем уже не может быть защитником.

Но настоящую известность Станиславу принесло участие в двух наиболее громких «чеченских» делах. И многие дела Стаса можно проследить по статьям Анны Политковской. Правда, только до 7 октября 2006 года... Такие дела.

Маркелов был представителем потерпевшей стороны в делах Буданова и Лапина. Будановским делом он занимался до конца, пытался опротестовать условно-досрочное освобождение убийцы.

А вот дело Лапина – единственная история исчезновения жителя Чечни, закончившаяся осуждением российского «силовика», – менее известно.

Лапин (оперативный позывной «Кадет») имел глупость угрожать Анне Политковской, расследовавшей в своих статьях дело об исчезновении молодого чеченца Зелимхана Мурдалова.

Лапин даже подписывал электронные письма с угрозами своим позывным. На том и погорел – дело приобрело общественную значимость, «Кадета» арестовали и этапировали в Чечню...

На суде адвокат Станислав Маркелов, представлявший интересы Астамира Мурдалова, отца «исчезнувшего», добился исключения из дела «доказательств, полученных с нарушением закона», – ведь в Грозном Лапина поместили в ОРБ-2, незаконную пыточную тюрьму. Место, если и лучшее, чем Октябрьский временный отдел внутренних дел Грозного, в котором Лапин работал зимой 2001 года, то не намного. И не дать там любые показания было трудно.

Казалось бы, адвокат работает против себя, но... В итоге приговор основывался только на объективных доказательствах, а не на личном признании обвиняемого. И последующее обжалование не позволило Сергею Лапину выйти на свободу. «Верховенство права», вынесенное Стасом в название своей организации – не лозунг, а практическая потребность.

В этих двух делах Станислав Маркелов защищал честь России. Если когда-то будут писать про борьбу с военными преступлениями в России, обязательно напишут: «При участии

адвоката Станислава Маркелова были отправлены за решетку Юрий Буданов и Сергей Лапин – первые из военных преступников, осужденные за содеянное в Чечне». Это – останется.

Он был едва ли не единственным русским адвокатом, работавшим по громким делам в самой Чечне. Вплоть до самого последнего времени – Станислав был защитником Магомедсалаха Масаева, тягавшегося с чеченскими властями по поводу длительного содержания в незаконной тюрьме. 3 августа 2008 года Масаев был похищен в Грозном, и «исчез». Такие дела.

Участие во всех этих судебных процессах казалось для Стаса естественным и логичным. Маркелов защищал левых активистов – в самых разных регионах России. Экологов, протестные лагеря которых в разных регионах страны все чаще становились предметом внимания административных и правоохранительных органов, законных и незаконных вооруженных формирований. Профсоюзных активистов. Белорусских оппозиционеров. Если кто не знает, это называется интернационализм...

И главные его дела по сути антифашистские – защита жертв военных преступлений и преступлений против человечества. Это не только «чеченские» дела.

2002 год, Москва, «Норд-Ост». Террористы и контртеррористическая операция не где-то далеко, а в центре столицы. Стас защищал Яху Несерхоеву – заложницу, из которой пытались сделать террористку. Потом отстаивал интересы матери Маши Пановой, которая пыталась удостовериться, что ей выдали для похорон тело ее дочери.

2004 год, Башкирия, Благовещенск: ОМОН вернулся из Чечни и «зачистил» город. Стас представлял интересы трехсот сорока двух(!) потерпевших.

Да и Бекетова, редактора «Химкинской правды», Стас защищал от властей. А тот, кстати, писал о сносе памятника погибшим в Великую Отечественную солдатам – видимо, недостаточно бронзовым... (в отличии от Таллинского).

Антифашистов тоже защищал – быть против фашизма тоже стало небезопасно. Маркелов был представителем потерпевшей стороны по делу Александра Рюхина. Этого молодого антифашиста убили в Москве в 2006 году...

Да все и не перечислишь.

Теперь, после гибели, его жизнь видится как прямой, сознательно выбранный путь. Биография уже написана – им самим.

Первый раз на Станислава напали 16 апреля 2004 года в московском метро. Избили до потери сознания, забрали документы и телефон.

Кто? Из-за какого дела?

Тот же вопрос задавал я себе и после убийства. Станислав Маркелов был адвокатом по таким «горячим» делам, что теперь уже трудно сказать, с какой стороны могла прилететь пуля.

Почти то же самое – и в отношении Анны Политковской. Почемуто в столь разных делах – один и тот же человек. Почему? Наверное, на передовой мало места.

Маркелов столь же выделялся из адвокатского сообщества, как Политковская – из сообщества журналистского. Пути этих двух людей не раз пересекались за последние годы. По-разному, но «на передовой» делали они одно дело. Среди общего безумия найди свое осмысленное занятие – может быть, спасешь себя и других...

Борьба с фашизмом – это не только шестьдесят с лишком лет назад, но и «здесь и сейчас». И не только «сейчас».

«Почему я антифашист?» Так назвал один мой знакомый свою статью, запущенную в самиздат в конце семидесятых¹. Не он один видел в увешанной юбилейными плакатами «стране, победившей фашизм», видовые признаки побежденного.

В 60-е Юлий Даниэль² – писатель, бывший фронтовик, ставший мордовским зэком, – удивлялся необычайному внешнему сходству между охранниками Дубравлага и эсэсовскими офицерами, персонажами отечественного кино. Потом удивляться перестал, поскольку понял, что иного образца для подражания у тюремщиков не было.

У противостоявших «системе» был тот же противник, что и у Стаса Маркелова, и у легших под гранитные плиты солдат. На родине победителей со шварцевским Драконом десятилетия спустя тоже воевали молодые, не поседевшие еще люди.

Только времена были немного другие. За слово тогда, как правило, не убивали. Впрочем, советский человек мог умереть больше одного раза: эмиграция немногим отличалась от смерти – уход в края, откуда не возвращаются. У советского человека была еще одна возможность уйти из этой жизни, уйти в небытие, «в море», – «на зону».

Что было практически невозможно – открыто противостоять власти. Открытое выступление влекло за собой практически немедленный жесткий ответ. Так что по большей части тексты того времени остаются неподписанными. И жизнь советского человека от решения противостоять системе до неизбежного ухода – в ту или другую сторону – была коротка.

Сергей Ковалев³ в мае 74-го взял на себя ответственность за распространение «Хроники текущих событий»⁴ – и тем самым предрешил арест в декабре того же года. Но сама «Хроника» – дело жизни Ковалева в то время – оставалась анонимной. На момент ареста в декабре 1974-го ему было 44 года. Из них только семь лет активной общественной жизни. Много. Обычно «туда» попадали раньше и моложе – открытые общественные выступления влекли быструю реакцию власти, а противостояли этой власти обычно люди молодые.

¹ «Почему я антифашист» – эссе П. Ростина (псевдоним Михаила Всеволодовича Розанова).

2 Даниэль Юлий Маркович (1925–1988) – советский поэт, прозаик, переводчик, диссидент. Опубликовал за рубежом повести и рассказы (под псевдонимом Николай Аржак). В 1965 г. арестован и в 1966 г. приговорен за эти публикации к 5 годам лагерей (вместе с другом Андреем Синявским: «процесс Синявского–Даниэля»).

3 Ковалев Сергей Адамович (1930 г.р.) – советский диссидент, правозащитник, политик. Ковалев был арестован по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде». В декабре 1975 г. суд приговорил его к 7 годам лагерей строгого режима и 3 годам ссылки. Председатель Российского историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал», президент Института прав человека.

4 Машинописный информационный бюллетень советских правозащитников, в котором с удивительной для тех условий точностью фиксировались нарушения прав человека в СССР.

Вообще, мы привыкли, что со стен школьных классов, со страниц энциклопедий на нас смотрят портреты – маститые деятели, ученые и писатели, убеленные сединами. А если приглядеться – когда они сделали свои ключевые открытия, написали книги, совершили главные поступки? Сколько им было? Двадцать с чем-то, чуть за тридцать?

Русское освободительное движение тоже было делом молодых.

Анатолий Марченко¹ лагерный срок за пущенную в самиздат в 1967-м книгу «Мои показания» получил в 1968-м, тридцати лет от роду (за плечами уже были годы в советских лагерях – о них-то и была написана книга). В 1967-м, тоже тридцати лет, был арестован и Александр Гинзбург² – за «Белую книгу по делу Синявского и Даниэля» (а до того уже был срок за литературный альманах «Синтаксис»). А Владимира Буковского³ в третий и последний раз арестовали в 1971-м, когда ему было 28 лет, – за рассказ о советской карательной психиатрии. Перечисление можно было бы продолжать. Власть ломала им судьбы, но они упрямо вели ломаную линию жизни в выбранном направлении, и платили годами неволи за слова правды.

20 мая 2009 года Станиславу Маркелову исполнилось бы тридцать пять.

В его единственной жизни выпала возможность идти прямой дорогой, говорить вслух, от своего имени, публично, в лицо врагу. Если вдуматься, почти счастье. Поэтому цветы и фотографии на уступе белой стены на Пречистенке не вызывают жалости. Скорее, сожаление. Вспоминаются слова: «Живи легко...». К сожалению, за этим следует «...умри молодым».

Хотя сам Стас Маркелов соотносил себя прежде всего с левыми течениями русского освободительного движения, он, несомненно, продолжал и традицию диссидентскую. Что означало: ощущая сложившиеся рамки, расширять их, ломать, выходить за пределы традиций.

Несколько лет назад одна из «мемориальских» коллег обратилась ко мне за помощью в непростом уголовном деле. Пришло письмо из мест, не столь отдаленных от Москвы.

Писавшего несправедливо осудили, но оформлено это осуждение было «чисто». Дело – не политическое, просто местная коррупция и произвол...

Впрочем, и в советское время таких дел было немало – тех, кто на воле или на «зоне» не имел своего адвоката. Например, Андрей Амальрик⁴ – человек вроде бы изобретший само слово «диссидент», в магаданском лагере оставался «правозащитником»: писал для солагерников заявления и жалобы на предмет пересмотра дел. Вообще-то такого рода заявления – штука не менее «правозащитная», чем громкие «открытые письма»: это были два жанра, две формы «правозащитной» работы. Заявления с большой буквы теперь были бы квалифицированы как «общественная деятельность», «публицистика» или «журналистика». Жалобы «в инстанции» по частному делу относились, скорее, к адвокатской практике.

Постсоветские правозащитники профессионализировались.

1 Марченко Анатолий Тихонович (1938–1986) – писатель, диссидент, советский политзаклученный. Пять раз был осужден по политическим обвинениям, около 19 лет провел в заключении. Умер в тюрьме. Автор мемуарно-документальных книг о послесталинских лагерях: «Мои показания» (1967), и др.

2 Гинзбург Александр Ильич (1936–2002) – журналист, издатель, правозащитник, один из первых советских диссидентов.

3 Буковский Владимир Константинович (1942 г.р.), – писатель, политический и общественный деятель, ученый-нейрофизиолог. Один из основателей диссидентского движения в СССР. В общей сложности в тюрьмах и на принудительном лечении провел 12 лет. В 1976 г. советские власти обменяли Буковского на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана. Сейчас живет в Великобритании.

4 Амальрик Андрей Алексеевич (1938, Москва – 1980, Испания) – диссидент, публицист, писатель.

Появились журналисты, специализировавшиеся на тематике прав человека, такие, как Галина Ковальская¹ или Анна Политковская – вроде, журналисты, но «наши». А кое-кто из «правозащитников» и сам начал писать сносного качества тексты. Впрочем, диссидентская «Хроника» и по нынешним временам может считаться качественной журналистикой...

Появились в последние годы и «правочеловеческие» адвокаты, одним из которых был Маркелов. Это ведь тоже продолжение традиции русской адвокатуры – братья за дела, как сказали бы теперь, «социально значимые», но в силу этого отнюдь не денежные, а порою и опасные. Можно вспомнить имена Плевако или Бобрищева-Пушкина, современников русского освободительного движения, или «диссидентских» адвокатов Софью Каллистратову² и Дину Каминскую³. Впрочем, в новейшее время некоторые правозащитники сами освоили соответствующий юридический язык и практику, специализируясь по тематике, по тем группам, которые защищают (жертвы вооруженных конфликтов, беженцы, заключенные и т.д.), или, например, по подаче жалоб в Европейский

суд по правам человека в Страсбурге.

На какое-то время в России появились и «правозащитные чиновники» – депутаты, их помощники, эксперты, готовившие и продвигавшие законы, лоббировавшие «права человека» на государственном уровне. Таких не было в советское время, а сейчас, похоже, перевелись: «экологическая ниша» схлопнулась...

Казалось бы, такая профессионализация и специализация – несомненный шаг вперед. Однако у всякого явления есть и обратная сторона.

...Так вот обращается ко мне Людмила Александровна Щербакова с письмом от «сидельца». Одновременно она обратилась и к адвокату Станиславу Маркелову, и тот в помощи не отказал, вошел в дело как защитник.

1 Ковальская Галина Яковлевна (1959–2003) – обозреватель отдела политики журнала «Ит - ги» с 1996 г.

2 Каллистратова Софья Васильевна (1907–1989) – адвокат, выступала в политических процессах, защищала В. Хаустова, В. Делоне, крымских татар, И. Яхимовича, П. Григоренко, Н. Горбаневскую, А. Малкина. Лишена «допуска» к политическим делам, в 1977–1982 гг. член Московской Хельсинкской группы. Против нее было возбуждено уголовное дело.

3 Каминская Дина Исааковна (1919–2006) – адвокат, выступала в политических процессах, защищала В. Буковского, Ю. Галанскова, А. Марченко, Л. Богораз, П. Литвинова, И. Габая, лишена адвокатского статуса, в 1977 г. была вынуждена эмигрировать, работала на радио.

А я-то вижу: по закону помочь не смогу. Тот же самый вывод сделал и другой мой коллега из числа «старых диссидентов». Но есть, думаю, в «правозащитном сообществе» специалисты – пересылаю к ним, к тем, кто умеет грамотно защищать жертв произвола. Те тоже не видят перспектив для пересмотра дела, но оплатить адвоката были готовы «по конечному результату». «Конечный результат» был предсказанный: обжаловать приговор в суде не удалось.

Но адвокат Станислав Маркелов не ограничился своей профессиональной адвокатской функцией. Он организовал по этому делу прессконференцию, появились публикации в прессе. Спустя какое-то время «сидельца» досрочно освободили. И есть все основания видеть тут причинно-следственную связь... Вот, собственно, и вся история.

«Профессионализировавшиеся» правозащитники сочли дело безнадежным. Адвокат, понимающий пределы профессии, вышел за ее рамки – и чего-то добился.

...Но ведь и те, кто в конце 60-х составлял движение, названное затем диссидентским, тоже выходили за рамки: первый в СССР за многие десятилетия неофициальный митинг, первые открытые письма, первое неподцензурное периодическое издание, первое независимое общественное объединение. Однако новизна норовит стать догмой.

Сейчас российские независимые сообщества вновь оказались ограничены, и эти границы сужаются. Но возможно, не меньшие ограничения связаны с теми рамками, которые люди сами себе придумывают.

Поэтому, «если тебе дадут линованную бумагу – пиши поперек».

Тарасевич Григорий.

Розовая зрелость

Что пили, не помню. То ли очень плохую водку, то ли очень плохой портвейн. В общем – дрянь. Дело было в какой-то забегаловке возле метро «Таганская». За замызганным столиком мы обсуждали проблемы социализма.

Это было самое начало 90-х. И мне, и Стасу еще не исполнилось двадцати. Мы казались розовыми. Во всех смыслах. Кожа – свежая, идеи – утопические, позиция – где-то возле социал-демократии. У нас был свой социализм. В нем была справедливость, но не было политических тюрем. Там было полно свободы, но не было всемогущих буржуев. Там каждому полагалась полноценная порция счастья, просто так, за то, что родился человеком. Светлая утопия, не разбавленная затхлым запахом совка.

Мы не пытались строить из себя эдаких серьезных революционных парней. Стеб помогал сохранять контакт с реальностью. Вспоминается 1992 год. Однажды на один и тот же день были назначены демонстрации коммунистов «Не дадим разграбить Россию» и демократов «Ельцин с нами». Колонны имели шанс пересечься возле Белого дома. Стас тогда стал одним из авторов абсолютно издевательской листовки, начинавшейся словами «Штурм и оборона Белого Дома – священная обязанность каждого российского гражданина». Документ был подписан «Единым Блоком Левых Организаций».

В начале 90-х Стас еще ходил с длинным хайером, перехваченным веревочкой в конский хвост. История знает немало таких волосатых пареньков, которые в юности любят порассуждать о социализме за стаканчиком вина (или это все-таки была водка?). Потом они взрослеют. Заканчивают свои университеты, отращивают животики и превращаются в «нормальных людей». О социализме и прочей романтике они вспоминают с виноватой усмешкой, цитируя избитый афоризм, гласящий, что, мол, того, кто в молодости не был левым, можно обвинить в недостатке сердца, а того, кто в зрелости не стал правым, можно обвинить в недостатке ума... С умом у Стаса было все в порядке.

Со своим дипломом юриста он вполне мог бы обслуживать какую-нибудь металлургическую или нефтяную корпорацию, зарабатывать «нормальные» деньги, стать «нормальным» человеком.

Но оказывается, не все пареньки взрослеют. У Стаса это получилось. Это не такая простая задача – оставаться идеалистом. Можно, конечно, продолжать играть. Создавать микроскопические партии, призывать на кухне к революции. Тоже идеализм. Только эффективность его близка к нулю. От таких революционеров за версту веет личной неудачей. Но Стас не играл. Он действительно отстаивал свои идеалы. И его можно было

назвать кем угодно. Но только не неудачником. Его эффективность была вполне «взрослой».

Мы очень редко общались. До меня доходили о Маркелове только слухи. Рассказывали, что он взялся за дело молодых неформалов, которые взорвали памятник Николаю Второму. Потом его имя стало появляться в еще более громких процессах. Но при этом Стас оставался верен наивным юношеским идеалам справедливости. Он вел те дела, где в качестве потерпевших оказывались простые граждане, а в качестве обвиняемых – милиционеры, чиновники, военные. Казалось, выиграть их невозможно. Но у Маркелова каким-то загадочным образом это получалось.

Я все собирался взять у Стаса интервью или написать о нем очерк. Все ждал какого-нибудь «информационного повода». И вот однажды заглядываю в ленту новостей и читаю первую строчку сообщения: «Адвокат Станислав Маркелов...». Первая мысль – позвонить Стасу, взять комментарий, наконец встретиться. Прочитав дальше, понял, что комментарий брать не у кого, встречаться не с кем.

Франческа (Ольга Иванова). Из блога ЖЖ. Воспоминания

Невозможно представить происшедшее. Невозможно сдержать слезы. Он уплывал в лагере2 в море на 2 часа. Он был таким большим и сильным, что, казалось, никто его не сможет побороть. А пуля оказалась сильнее.

Насколько я знаю, у Стаса остались жена и двое маленьких детей...

В Стасе была энергия, которая всем передавалась. А тут сразу мы о смерти заговорили, все показалось бессмысленным. Но мы признали, что лучше так, от пули, чем от старости.

Теперь нам как будто крылья подрубили.

С Тихоцким, Аркадием, Ларой и другими пошли помянуть Стаса, говорили о нем бесконечно, слушали его голос – выступление на митинге, караоке.

Ольга, певица из нашего лагеря-2007, мне написала про то, как Стас заявился в лагерь в позапрошлом (2007) году. Там почти никого уже не оставалось. «Мы дружно пообедали и поужинали. Он банку с кабачками в масле наперчил так, что есть было уже нельзя, но ел. Я после наших «пугалок» побаивалась, что не «засланный ли это казачок». Потом поняла – вроде свой. Он тогда под вечер пошел гулять, и я побаивалась, что он придет поздно и не найдет нас. Вещи-то он оставил. Еще удивлялась, как он так далеко зашел и осмотрел все окрестности. Он тогда сказал об опыте лазанья по горам, о том, что работал как адвокат в Чечне. Ночевать ушел на берег и утром уехал».

Я тогда, в 2007 году, Стаса еще не знала. Мы с Денисом Тихоцким и еще с кем-то в тот момент у меня дома готовили палатки к отправке в Москву. Стас позвонил с аэродрома и рассказал, как приехал в закрывшийся лагерь. А потом мне передали трубку, и мы заочно познакомились. При этом я думала, что это какой-то старичок-адвокат.

В Киеве мы столкнулись в кафе, но в лицо не знали друг друга. Здесь мы обедали после конференции ЕРАЗ. С улыбкой вспоминаю, как я в Киеве в бесшабашном парне не сразу распознала адвоката Маркелова.

Я агитировала иностранцев в лагерь, а какой-то громадный парень (Стас) вдруг меня перебил и заявил, что «знает он этот лагерь, придет и разгромит все». Я тогда жутко

разозлилась, говорю: «Ты такой большой и сильный, у нас там половина девчонок. Кого ты собираешься громить?» Он сказал, что девчонок не тронет, поищет парней. В общем, это все закончилось шуткой. Но мы так и не поняли, кто есть кто (впоследствии он говорил, что не знал, кто такая Ольга Иванова, слышал только о Франческе).

На следующий день я искала, где проходят семинары незнакомого мне Стаса Маркелова, так как мне советовали его послушать. Так и не попала на семинары. На антифашистской акции в Киеве шла с товарищами и жаловалась, что никак не получается послушать адвоката Маркелова и задать ему некоторые вопросы. Как хоть он выглядит, говорю.

– Так вот же он, с мегафоном!

Вот так старичок! Я просто обломалась. Тут же подошла к Стасу, пожала руку и пригласила опять в лагерь, пообещав, что на этот раз дату сообщим правильную.

Стала писать ему координаты для лагеря. Он хохотал, шутил и все повторял, типа, не обманешь ли. Подписывая мне свои координаты, он приписал – «страшный бухой антифа».

Вскоре Стасу понадобился тот, кто знает письменный английский и поможет объясниться с организаторами – получить справку для работы. Я стала помогать, он посадил меня за компьютер. И я послушно стала набирать под диктовку текст на английском. К счастью, подошел профессиональный переводчик Готлиб. Он-то и исправил некоторые мои ошибки.

Стас был такой человек – его как бы все касалось. В Киеве он бросился выручать задержанных во время крушения забора на месте застройки в парке. Но и сам был на передовой. В Швеции Стас не побоялся милицейских дубинок. Потом рассказывал о синяках, полученных в потасовке с полицией во время «reclaim the streets», с некоторой долей гордости.

Ну и конечно же, я просила Стаса помогать по делу Сергея Рожкова – туапсинского журналиста и политического активиста, осужденного на 3 года. Инвалид Сергей якобы применил силу к нескольким милиционерам.

Еще до того, как Рожкова осудили, Стас сразу оценил ситуацию: «Пусть сушит сухари». Я не поверила – «ведь он ни в чем не виноват». Маркелов усмехнулся – такая у нас система судебная.

И все равно он помог мне связаться с Центром экстремальной журналистики, еще с какой-то организацией, а потом и сам заехал по пути из Волгограда к Сереже на суд в Туапсе. Мы с ним ходили в дом, где задержали Рожкова, разговаривали со свидетелями и со старым дедушкой журналиста. Я громко убеждала старика, как важно ему явиться на суд и помочь внуку. Стас меня остановил и в два счета уговорил деда. А мне затем дал совет – мол, если хочешь, чтобы тебя услышали, не надо кричать. Можно даже шепотом.

И еще Стаса притягивали дети. Помню, вешался на него чей-то ребяенок в Киеве, и видно было, что для Стаса это привычно. Я еще сказала – у тебя, наверное, есть дети. Стас ответил что-то в стиле – все вы мои дети. Он почти ничего не говорил о семье, в левом движении это

не принято.

Я все время вспоминаю не печальное, а какие-то курьезы. В то лето перед лагерем Че-2008 у меня хозяйничали гости. Было очень жарко. Кушали, едва помещаясь на крохотной кухне, курицу. Стас, вегетарианец, не ел. О чем-то спорили.

Спать они легли в другой комнате – девушки – на диване, а парни – на полу на одном разложенном одеяле. Стас с парнями рядом не хотел, поэтому уполз под стол, подальше от мужского общества.

Утром я их свистком будила. Фотка даже сохранилась, где все спят, а Стас отдельно – под столом.

Потом к нашему дому подъехали крутые джипы (знакомый предприниматель помог), и нас всех, а также вещи, котлы и генератор повезли в лагерь. Точнее только первопроходцев. Остальные – на автобусе.

А еще в последние месяцы все, наверное, заметили, что Стас хромал. А все потому, что он – антифа. Дело было вечером, в лагере был полумрак. Стас, Элессар и я возвращались из Архипки. Подойдя к лагерю и увидев ребят, Стас решил всех поприветствовать и рванул с криком: «Ан-ти-фа, вперед!»... но впереди был обрыв. Он упал с большой высоты в ярик. Очень сильно повредил ногу, но не вскрикнул, стерпел сильную боль и не пролил бутылку чачи. А потом несколько дней с большим трудом передвигался. И у нас появилась больничная палатка.

В лагере на семинарах Стас рассказывал об угрозе неонацизма в России, показывал видеоролики, раздавал антифашистские брошюры.

В 3 часа ночи всех поднял крик: «Тревога». Стас велел девчонкам укрыться, а сам с больной ногой рванул в бой. Дело в том, что все опасались нападения нацистов, но это оказался сотрудник известных структур – шпион в камуфляже и с прибором ночного видения, который прятался в кустах, а потом набросился на тех, кто его заметил. Его мы не стали бить, отпустили. Стас был силен, смел, физкультурой занимался.

Некоторым он казался «нараспашку», но глаза у него в то лето были печальные. В нем было много серьезности, как будто что-то предчувствовал.

Он не разделял наши политические взгляды, и мы и ссорились со Стасом и мирились. В Швеции¹ (1 На Социальном форуме в Мальме в сентябре 2008 г.) даже не разговаривали. Хотя Стас более отходчив, чем я. Когда я заболела по дороге в Хельсинки, он принес какое-то лекарство.

В декабре я получила одно важное письмо и, забыв обиды, сразу же написала ему: «Стас, срочно нужен твой совет по делу Рожкова». И он ответил сразу же.

Я была очень благодарна и в переписке сказала, что представляю, каким он будет в старости, типа такой же энергичный. Но ему не понравился разговор о старости. Он заявил:

«Я помолодел и отбросил от возраста пару ноликов».

А еще я жаловалась на адвоката Рожкова и сказала, что такого адвоката надо «убить и закопать». А Стас мне ответил: «Франька, убивать, копать – это очень сложно».

Стас сильное впечатление произвел на всех участников лагеря. Севастополец Элессар, который подружился здесь со Стасом, знал его всего несколько дней и потом тяжело переживал его гибель, сделал то, что мог – организовал турнир по греко-римской борьбе имени С. Маркелова и Н. Бабуровой, а затем лагерь им. Станислава Маркелова в Севастополе.

Наш лагерь открылся в 2009 году с минуты молчания, затем ребята тащили тяжелую плиту высоко в горы, которые когда-то облазил Стас. И там установили эту стелу в его честь. Денис Тихоцкий, командир лагеря, знавший Стаса много лет, выстрелил из ракетницы.

Яковлева Наталья. Он попрощался ненадолго...

Прежде всего хочу сказать, что я очень уважала и любила его. Мы со Станиславом очень давно знакомы: я думаю, что мы были первым прессцентром, куда он пришел на свою первую пресс-конференцию. Это было лет десять или более назад, потому что мы существуем 15 лет.

Я сейчас уже точно не помню, в какое здание он пришел, мы переезжаем часто. Он был еще совсем молодой, совсем «зеленый» и только начинал, по-моему, свою адвокатскую деятельность, и мы ему всегда предоставляли зал и возможность выступить и защищать своих клиентов, подзащитных. И он уже с самого начала, смолodu показал себя очень чистым человеком, справедливым и равнодушным. Поэтому он часто брал дела, которые не приносили ему никаких явных доходов, именно потому, что он хотел помочь тому или иному обычному человеку. Никогда не забуду, как он несколько раз возвращался в прессцентр с делом старушки из какой-то отдаленной деревни Нечерноземья, которую хотели судить за то, что она выращивала мак на своем участке, что говорит о глупости наших правоохранительных органов. Стаса был удивительно открыт к чужим бедам. Он и той старушке пытался помочь. Занимался ее делом очень много, ходил по судам, и в конце концов справедливость восторжествовала.

Ну, и потом он был бесстрашным человеком, он никогда не говорил, что «я чего-то боюсь». Станислав уже много лет занимался самыми опасными делами: делами в связи с войной в Чечне, с экстремистами (защищал людей, которые подверглись нападкам с их стороны). Он много раз ездил в Чечню, он дружил, я знаю, с Политковской, и она его очень уважала... Все это было достаточно опасно, но он никогда об этом не задумывался, о чем свидетельствует его последнее дело в связи с Будановым. Я не буду рассказывать о деле Буданова, потому что все его знают, но Стас был единственным или одним из немногих, кто выступил против его условно-досрочного освобождения и подвергся большим нападкам со стороны части прессы и националистов, которые начали ему, я думаю, угрожать.

Он никогда мне об этом не говорил, поэтому я не могу свидетельствовать, хотя многие его знакомые говорили, что он с ними делился, и что нападки такие были, и звонки были. И наверное, ему должно было бы быть страшно думать о том, что у него двое маленьких детей, жена неработающая. Но дело для него было самым главным в его жизни. И хотя вначале он выступал просто как адвокат, то потом на протяжении нескольких лет – а я, еще раз повторяю, знала его лет десять, а может быть и больше – мы его звали «правозащитником». Потому что он был именно активным правозащитником, который не останавливался ни перед чем, защищая людей, отстаивающих свои права.

Расскажу подробнее о последних встречах, этих последних двух прессконференциях с разницей в одну неделю. Одна была по поводу Буданова, еще до его освобождения. Она проходила 12 января 2009 года и называлась: «Решение суда о досрочном освобождении Буданова будет обжаловано». Народу было много, очень много. Народ интересовался, и вообще Стас всегда привлекал внимание прессы. Он был настроен как-то оптимистично, и после нее я его спросила: «А как вы считаете, это как-нибудь повлияет, то, что мы сегодня провели пресс-конференцию, выступили против этого?» Он говорит: «Конечно! А как же иначе? Они не имеют права его освободить без согласия людей, которых он, так сказать, обидел. Без согласия родителей Эльзы Кунгаевой они не имеют права его освободить, а родители находятся в Скандинавии, они мне звонили». В общем, не терял он связь с ними, они его уважали... Относились к нему с надеждой, и поэтому, когда это все случилось с Будановым, то они были категорически против досрочного освобождения. Они с ним (Станиславом) связались, и он говорил: «Родители – против, и его не освободят». Но прошло немного времени, и наши «прекрасные» власти, конечно, его освободили. Должна признаться, что я Стасу тогда позвонила сама и говорю: «Стас, ты говорил “не освободят, не освободят”, а видишь, как... Прекрасно освободили, и он на свободе». Он говорит: «Ой, как хорошо, что вы мне позвонили сами, я как раз тоже вам хотел звонить, потому что я хочу провести еще одну пресс-конференцию и выступить с протестом». И он действительно провел эту пресс-конференцию с протестом... 19 января. Она носила название: «Незаконный выход Буданова из колонии: игнорирование суда и прямая выгода боевиков. Что делать дальше?»»

Народу было гораздо меньше, наверное, человек 12, не больше. Не очень много народу было, потому что это был повтор практически того же самого, но с какими-то нюансами, в частности, что в Генеральную прокуратуру письмо послано с протестом и т.д. И вот же судьба: пресс-конференция почти закончилась, когда пришла эта девочка (Анастасия Бабурова). Он уже все сказал, и уже отвечал на вопросы. И она как раз входит. Она у нас бывала часто. Хотя она была всего-навсего студенткой, но я ее хорошо знала. Это, наверное, перст Божий – не знаю, как иначе сказать. Она пропустила все, что он говорил, по поводу чего была прессконференция. Насколько я знаю (и наш секретарь Нина Ильинична слышала), она к нему подошла и сказала: «Ну вот, я все пропустила, Вы идете к метро? Я пойду с Вами, расскажете мне обо всем». Потом мне сказали, что они были знакомы. Я, честно говоря, этого не знаю... Он ответил: «Конечно». И поэтому они вышли вдвоем отсюда...

Ну, и еще, что я могу рассказать о последней пресс-конференции, это действительно похоже на какое-то знамение. Стас был очень аккуратным человеком и всегда приходил вовремя, а на эту пресс-конференцию он опоздал, и опоздал так минут на десять, наверное, на пятнадцать. Я ему даже позвонила на мобильный телефон. Он говорит: «Ой, я иду-иду. Вы знаете, я что-то запутался в ваших переулках». Я ему: «Стас, ты идешь сюда не в первый раз». Он отвечает: «Я сегодня иду с другого конца, запутался в ваших переулках, не могу найти вас». Ну, я ему и рассказала, как нас найти. Он появился спустя минут пять. И наш секретарь запомнила, что, когда он вошел, то произнес: «Нина Ильинична, меня сегодня к вам ноги не несли». Я это сама не слышала, поскольку уже была в зале с корреспондентами.

Я могу только в превосходной степени говорить о Стасе, потому что он был очень открытый, честный человек. Он у меня до сих пор стоит перед глазами. Помню, когда кончилась пресс-конференция и я уже ушла к себе, его окружила «пресса», задавали какие-то вопросы. Потом он зашел ко мне, стоял передо мной в длинном кожаном пальто, такой молодой, красивый. И говорил: «Наталья Александровна, я ненадолго с вами прощаюсь, я, наверное, на той неделе снова приду». И – ушел. Немного времени прошло, и моя коллега, прочитав новости в Интернете, говорит: «Вы подумайте, здесь сейчас кого-то убили, у метро «Кропоткинская». Я ответила: «Да Вы что? Господи, не дай Бог, Стас!» Сначала имени и подробностей не было. Но спустя час мы узнали, что этот «кто-то» – Стас Маркелов.

Алленова Ольга. Портрет: Анастасия Бабурова и Станислав Маркелов

Их объединила не только смерть. Они и жили не так, как все. Верили в то, во что российское общество давно не верит. Противостояли тому, что стало образом жизни и идеологией многих россиян. Поэтому кто-то назвал их «несистемными людьми». Убийство этих «несистемных людей» вскрыло тенденцию: российское общество становится однородным, скучным и страшным.

Настя

Настя Бабурова родилась в Севастополе. Училась в гимназии № 3 с углубленным изучением иностранных языков. Послушная дочь, шахматы полюбила с легкой руки отца, была участницей городских соревнований. Училась Настя лучше всех в классе, «четверка» была трагедией. «Наверное, это было связано с влиянием родителей, – считают одноклассники. – Может, она уже тогда решила стать самостоятельной и независимой».

Золотая медаль и полученные знания открывали перед ней широкие перспективы – летом 2000 года Анастасия отправила документы сразу в 8 вузов – их приняли в 6, в том числе в МГИМО, на два факультета МГУ и в Йельский университет. Но оплатить проживание Насти в другом городе ее семья не могла. Девушка поступила на факультет управления в Черноморском филиале МГУ. Уже через год поняла, что ей скучно. Она мечтала о другом. Настя впервые в жизни приняла самостоятельное решение: забрала документы и, сообщив родителям, уехала в Москву. В подмосковном Чехове у нее жили родственники, там решила снять комнату. Летом 2001-го сдала экзамены в МГИМО и стала студенткой факультета международного права. Любая провинциальная девушка, бесплатно поступившая в элитный столичный вуз, была бы счастлива, – но только не Настя. Ей снова стало скучно. Так и сказала родителям: «Мне скучно учиться с этой золотой молодежью. Скучно заниматься стерильными знаниями». Ей хотелось жить «на острие ножа». Написав заявление о добровольном отчислении, она поступила в МГУ на факультет журналистики. Не добрав баллы, попала на вечернее отделение. С родителями не советовалась. Они не обиделись: верили ее внутреннему чутью.

В МГУ она почувствовала себя свободнее – здесь, кроме «элитной молодежи», были и такие, как она. Подружилась с толкиенистами и часто, надев шлем и кольчугу, участвовала в их ролевых играх.

Тогда же она вышла замуж за студента МГУ, севастопольца Сашу Фролова. Они общались с 2000 года, оба были студентами черноморского филиала МГУ. Саша переехал в Москву, но Настю не забыл. Свадьбу сыграли в Севастополе – Настя надела белое платье и диадему. Семейная пара получила комнату в общежитии МГУ. А через 4 года развелись. «Она говорила, что просто чувства прошли, а интересы оказались разные», – вспоминает друг Анастасии Александр В. Развод отпраздновали на шумной дружеской пирушке – друзьям объяснили, что просто слишком рано поженились.

Сразу после поступления в МГУ Настя стала работать – сначала в «Вечерней Москве», потом в «Известиях» и «Российской газете». После развода снова сняла комнату в Подмосковье. Иногда родители высылали деньги, но она им отвечала в таком духе: «Родители, вы с ума сошли!»

«Настя очень самостоятельная, – рассказывает ее друг Саша. – Очень ценила независимость. И ненавидела, когда на нее давили. Я с Настей познакомился 6 лет назад, – вспоминает он. – Я учился на первом курсе журфака МГУ, она – на втором. Я тогда ходил в косухе, с длинными волосами, она в косухе... Мы все пропадали в компьютерном классе на факультете. Через год я начал заниматься боевыми искусствами. Пришел в клуб – увидел Настю. А подружился мы, когда я ей рассказал, что дерусь на улице с фашистами. Ей это как-то близко очень оказалось».

В своем ЖЖ в шутку Настя написала: «С зарплаты куплю себе кусочек недвижимости на Луне». Саша неожиданно улыбается: «Знаете, она подарила мне звезду. Оказывается, есть такая услуга – можно купить право назвать безымянную звезду. Вот теперь где-то есть звезда, подаренная мне Настей».

Про Настю говорят, что у нее было «врожденное стремление к справедливости». Она попросила Сашу познакомить ее с антифа. «Она пришла бы туда и без меня. – говорит Саша. – Это был ее путь – она хотела бороться с тупостью, жестокостью, насилием, хамством».

Идеи неформалов из антифа привлекли Настю. Участие в уличных акциях антифа не ограничивались противостоянием с неонацистами. Антифа проводили пикеты «против милицейского произвола» или участвовали в многодневных экологерях левых молодежных движений против запуска новых вредных производств. Настя познакомилась с московскими анархистами, написала о них в своем ЖЖ: «Вероятно, больше всего к свободе стремятся те, кто не пытается отнять ее у других».

Летом 2008-го Настя уехала в с. Прямухино Тверской области, на родину теоретика анархизма – М. Бакунина.

18 апреля 2008 года Настя описала в дневнике несанкционированное¹ (*1 Акция протеста против милицейского произвола в Сокольниках весной 2008 г., пер - росшая в перекрытие Тверской ул.*) мероприятие против превышения сотрудниками правоохранительных органов своих полномочий: «Совершенно разные люди, скандирующие тем не менее вместе: “Нет полицейскому государству!”... Парочку листовок раздали непосредственно милиционерам. Проходим и водителям автомобилей тоже было весело. Наверное, потому, что слоганы,

которые кричали с центра улицы Тверской, несут тот же самый «месседж», который часто звучит в разговорах людей, далеких от политики: что менты, проще говоря, многих достали. А еще многих достала та самая пустота, которая так и прет из официальных сводок новостей...»

Она участвовала в акциях в защиту трудовых мигрантов, которых избивали неонацисты или выдавливали из Москвы прокремлевские молодежные группировки, в протестах против повышения цен на транспорт с лозунгом «Транспорт – это право, а не привилегия» – не потому что сама не могла заплатить за проезд, а потому что другие не могли. Защищала своих соратников по «антифа», когда тех задерживала милиция.

«Она, конечно, впадала в отчаяние, как и многие из нас, когда сталкивалась с жестокостью, – вспоминает Саша. – Когда нацисты убили одного из наших, Илью Бородаенко, в эколагере под Ангарском, все были потрясены. У кого-то опустились руки. А Настя убеждала нас, что надо бороться. Она хорошо разбиралась, какие неонацистские организации крышуют силовики, – рассказывает Саша. – Знала, в какой организации есть оружие, а в какой – только биты. Эта информация в ней накапливалась, она хотела об этом писать – но никому это было не интересно».

В июне 2008 года Настя Бабурова участвует в акции зеленых и анархистов в подмосковных Химках – там развернут палаточный лагерь в защиту леса от незаконной вырубki. В конце июня – пробирается в общежитие УФСИН, ранее принадлежавшее фабрике «Смена», откуда власти выселяют жильцов – бывших работников «Смены» и беженцев из стран СНГ. «Я не знаю, как она туда пробралась, – вспоминает один из старших товарищей Насти по левому движению Влад Тупикин. – Вход был запрещен, но она могла и по стене залезть. Она снимала все, что там происходило, на камеру. Камеру у нее отобрали, сутки продержали в милиции».

В этой истории с выселением участвовал и Станислав Маркелов – он защищал в суде девушку, которая также пыталась отстоять свою квартиру, на нее завели уголовное дело о нападении на сотрудника УФСИН. Настя уже была знакома с Маркеловым – оба участвовали в акциях «левых», оба защищали активистов: Настя – как журналист на различных интернет-сайтах, Станислав – как адвокат. «Настя дружила со Стасом, – вспоминает Влад Тупикин. – Они были чем-то похожи. Она, как и Стас, была неслучайным человеком в левом движении. Я видел, что она хочет активно защищать людей, права которых нарушают представители власти. Стас был ей интересен и как активист, и как источник информации».

Настя работала в «Известиях». Редакционные задания все меньше удовлетворяли журналистку – ей становилось тесно. В других изданиях было то же самое: то, что интересовало ее, не было интересно газетчикам.

Судьба решила все за нее. В сентябре 2008 года Настя вместе с группой российских неформалов оказалась в Швеции – на европейском социальном форуме в городке Мальме, одним из организаторов которого был адвокат Станислав Маркелов. «Стаса мы тогда уже знали, – вспоминает Саша. – Он помогал многим антифа, защищал наших ребят в судах, часто оказывал нам бесплатные юридические консультации». В Мальме Настя

познакомилась и с сотрудниками «Новой газеты». «Эта поездка ее очень впечатлила, – вспоминает Саша. – Она поняла, что “Новая” пишет о том же, о чем хочет писать она сама». С осени 2008-го Анастасия Бабурова внештатный сотрудник «Новой газеты».

«Она пришла к нам со своей темой, – рассказывает шеф-редактор “Новой” Сергей Соколов. – Тема не лучшая с точки зрения безопасности или звездности – скинхеды, антифа, неформальные уличные акции. Но ее это волновало».

В «Новой» Настя успела опубликовать всего несколько статей, все они были – о нацизме. Последняя прижизненная статья 16 января – это короткая заметка. В ней о вынесении приговора скинхеду Максиму Марцинкевичу, известному как «Тесак», осужденному на 3,5 года за экстремизм. «Когда Настя ходила на суд по делу Тесака, ее снимали на мобильник нацисты, которые были в зале, – рассказывает Саша. – Она мне сама потом рассказывала. И на ее ЖЖ они часто заходили. Но она ничего не боялась».

За день до смерти Настя вступила в организацию «Автономное действие». «Настя очень естественно влилась в анархистское движение – анархисты ведь тоже занимались такими социально горячими темами, которые ее волновали, – рассказывает Влад Тупикин. – И журналист, и активистка в ней дополняли друг друга».

Она успела сделать макет 30-го номера анархистского журнала «Автоном», в который написала несколько статей под псевдонимом Skat. На сайте движения «Автоном» до сих пор висит ее фотография и комментарии друзей.

В ночь перед убийством в письме Саше Настя написала, что не знает, куда завтра пойти – на Казанский вокзал, где прокремлевское движение «Молодая гвардия» устраивает акцию против мигрантов из стран СНГ, или на пресс-конференцию Станислава Маркелова. И приняла последнее важное решение в своей жизни – пойти на прессконференцию.

Настю Бабурову похоронили в Севастополе. В день ее смерти страничка Насти в ЖЖ была атакована национал-патриотами. То, что они написали, просто нельзя воспроизвести. Эта атака ясно показала: то, против чего боролась Настя, оказалось гораздо страшнее, чем мы думали.

Стас

Клуб «Билингва», вечер. Шум, сигаретный дым, ощущение какой-то абсолютной свободы. Вдруг понимаю, почему это место любят диссиденты и неформалы. Понимаю, почему любил его Стас Маркелов – вегетарианец, хиппи, социалист, а главное – просто умный и смелый человек, не терпевший жестокости и насилия.

За маленьким столиком – друзья Стаса. Все они – «леваки». Доцент МГУ Ярослав Леонтьев – интеллигентный, спокойный человек, в потертых джинсах, с портфелем, набитым книгами и документами. Анархист Максим Кучинский – вспыльчивый, увлеченный своими идеями неформал. Активист левого движения Влад Тупикин – непартийный анархист и антифа, человек с умным и грустным лицом.

Последний раз в таком составе они виделись со Стасом именно здесь: 30 ноября 2008 года. В тот день на Чистых прудах проводился митинг в защиту общественных активистов от преследований и нападений. На митинге упоминались подзащитные Маркелова – искалеченный главный редактор «Химкинской правды» Михаил Бекетов и антифашист Алексей Олесинов, жертва уголовных преследований. После митинга зашли погреться в «Билингу». «С нами была и Настя, – вспоминает Тупикин. – У нее был день рождения, и она угостила всех пивом. А Стас все время выбегал на улицу консультировать проходящих к нему активистов – он же никогда никому не отказывал». «Он очень много работал и мало спал, – говорит Леонтьев. – В начале января он съездил с женой в Киев – это был его первый отпуск за последние 5 лет».

Друзья называют адвоката Маркелова Стасом. Или Стасиком. Наверное, потому что все они старше его. Рассказывают про его «хипповое» прошлое – «конский хвост» (или, как говорят хиппи, «хаер»), «косуху», «фенечки». Кучинский вспоминает, как «пропивали хаер Стасика» в 2000-м. Леонтьев рассказывает о жизни Стаса в «вольной артели» в усадьбе Бакунина: днем все работали, а вечером слушали Стаса, который читал им лекции по истории России. «Он много знал, – говорит Влад. – Его обычно просили рассказать что-нибудь, а он отвечал: «О чем хотите? Я о многом могу». «У Стаса была потрясающая эрудиция, – говорит Леонтьев. – Однажды я плохо себя чувствовал и он прочел за меня лекцию студентам МГУ о правовых аспектах Пакта Молотова–Риббентропа. Это был блестящий анализ предвоенной ситуации в СССР и Европе».

Они помнят Стаса 15 лет – с октября 1993-го, когда он, 19-летний студент юридической академии, пришел в организованную Леонтьевым санитарную дружину имени Максимилиана Волошина, чтобы помогать раненым у мэрии, Останкино и Белого дома. Наверное, тогда студент Маркелов и выбрал свою дорогу в жизни.

«Это было 1 октября 1993-го, – вспоминает Леонтьев. – Мы решили не становиться ни на чью сторону, а просто помогать пострадавшим, как Волошин, который в годы гражданской войны помогал то красным, то белым. 2 октября на Смоленской площади мы повесили плакат, написав, что принимаем людей в свои ряды. В тот же день к нам подошел Стас и все дни был с нами».

Когда боевые действия переместились в Останкино, среди дружинников случился раскол: кто-то решил ехать в Останкино, кто-то отказался. Стас был в группе, которая поехала. Его семья жила в Останкино: отец работал в телецентре, а брат Михаил сотрудничал с программой Артема Боровика «Совершенно секретно».

В тот день 3 октября рядом со Стасом оказалась Ольга Трусевич, ставшая впоследствии сотрудницей правозащитного центра «Мемориал». Эта женщина все еще держит в памяти множество деталей тех событий и говорит о Стасе как о живом. «Когда мы приехали, в Останкино всю палили, – вспоминает Ольга. – Макашовцы оттуда быстро ушли – постреляли вначале, вызвали ответный огонь – и свалили. А зеваки остались. И вот они стоят вокруг и смотрят, а ты пытаешься что-то с ранеными делать... И 4 октября Стас не ушел с улиц Москвы. Когда 4-го танки начали обстрел Белого дома, дружинники не смогли прорваться сквозь кордон – все, кроме Стаса. «Наш хитрый Стас пробился в демросовский

автобус, который мог подъехать поближе к Белому дому, – вспоминает Ольга. – Они выскакивали в белых халатах, хотя по белым халатам тоже стреляли, забирали людей. Скорые не могли туда подъехать.

И вот так, между Смоленкой и Белым домом этот автобус курсировал, и там был Стас, везде. Мне часто потом казалось – как начал он тогда, как почувствовал свою вину за тех, кого не удалось спасти, так и пошел по жизни».

В 1993-м Стас все чаще заходил в «Мемориал» к историкам, где работал Леонтьев, и к правозащитникам, где работали еще четыре члена бывшей сандружины. Вскоре студент-юрист Маркелов поехал в командировку от Правозащитного центра «Мемориал», сам вызвался поехать в Ингушетию – чтобы собрать материал об осетино-ингушском конфликте. «Он поехал туда со своим хаером, несмотря на то, что все убеждали его состричь», – с улыбкой говорит Ярослав.

Несколько раз Маркелов с друзьями встречал новый год в «Мемориале». Он еще учился в Московской государственной юридической академии. «Учился он блестяще, – говорит Ольга. – Он все успевал, совмещая радости студенческого разгула с профподготовкой». Тогда он уже начал задумываться о том, чем будет заниматься дальше – станет членом какой-нибудь «левой» партии или «наденет галстук» – и станет, как все. «Пообщавшись с партийными “леваками”, он понял, что это не его путь – слишком много теоретической подготовки, но мало практических возможностей, – говорит Ольга. – Он решил, что надо иметь реальный статус. И, закончив институт, стал адвокатом».

К 2000 году Станислав расстался со своим «конским хвостом» и образом хиппи. «Это было неизбежно – Стас уже работал в адвокатской конторе, часто ходил в суды, в органы, – вспоминает Ярослав. – Его брат Михаил был депутатом от партии “Родина”, и у Стаса появился пропуск в Госдуму».

Первые дела адвоката Маркелова были не очень известными, но показательными. Он защищал обвиняемых во взрывах памятников Николаю Второму и Петру Первому – активиста РВС (Реввоенсовет) Сергея Соколова и анархистку Ларису Романову. «По сути, это было абсолютное возвращение тех дел, которыми занимались политические адвокаты, интересовавшие Маркелова в юности, – говорит Леонтьев. – Керенский, к примеру, был членом партии эсеров. Известный юрист Иоллос, убитый в 1906 году черносотенцами, был одним из лидеров кадетов». Друзья Маркелова убеждены, что он защищал преимущественно тех, кому сочувствовал и верил – и в этом его уникальность. «Невозможно представить, чтобы Стас защищал отморожков или откровенных убийц. Сколько бы ему ни предложили денег, он не взялся бы за дело, если бы подзащитный не был ему симпатичен».

В 2001-м году Станислав Маркелов стал сотрудничать с «Новой газетой». «Его привела Анна Политковская, – вспоминает шефредактор “Новой” Сергей Соколов. – Он стал вести гражданские дела Политковской, когда на нее подавали в суд за публикации». Одним из громких дел адвоката Маркелова стало дело оперуполномоченного угрозыска Нижневартковского РОВД Сергея Лапина по кличке «Кадет» обвиняемого в похищении чеченца Зелимхана Мурдалова. За статьи на эту тему Анна Политковская получала угрозы

от «Кадета». Маркелов выехал в Чечню, чтобы участвовать в судебном процессе. Он был единственным российским адвокатом, который выезжал в чеченские суды. «Кадета» осудили, но двое его подельников до сих пор в розыске. «Потом Стас защищал нашего корреспондента в Рязани – Комарова, когда против него возбудили дело о клевете, – вспоминает Соколов. – Затем он взял дело убитого редактора отдела спецпроектов “Новой газеты” Игоря Домникова»...

Так у Маркелова сложилось сотрудничество с «Новой газетой», он стал вести практически все судебные дела издания. «Нас устраивало качество его работы, – говорит Соколов. – Мы знали, что он нас не подставит ради финансово более выгодного дела. Он был уникален и в другом – адвокаты редко берут дела потерпевших: за них платят меньше, а угроза безопасности выше, ведь у осужденных на воле остаются подельники, которые могут отомстить».

В 2002-м Маркелов, единственный, согласился защищать интересы потерпевшей в теракте на Дубровке чеченки Яхи Несерховой – девушка пришла на мюзикл, стала заложницей, попала в больницу, однако была задержана как предполагаемая террористка. 5 ноября ее признали заложницей и освободили, не предъявив никаких обвинений.

Конечно, Станислав Маркелов не всегда работал бесплатно. Он был профессионалом и знал цену своим знаниям. Но он понимал, что юридические услуги в Москве стоят дорого – и поэтому многие люди остаются без защиты. «Он всегда называл очень приемлемые цены, – вспоминает Ярослав. – Как-то ему позвонили из Воронежа, кажется, попросили взяться за дело. Он сказал: я могу и за свои услуги возьму немного, но за вступление в дело моя адвокатская контора берет 10 тыс., а у вас это стоит всего 900 рублей, так что подумайте». «Часто с каких-то общественных или правозащитных организаций он брал только первоначальный взнос за дело, а потом уже тащил его бесплатно», – говорит Ольга.

Саша, друг Анастасии Бабуровой, убежден, что именно эта черта заметно отличала Станислава Маркелова от других адвокатов. «Все остальные адвокаты носили дорогие костюмы, роскошные часы, у них были очень дорогие сайты, а те, кто этого не имел – к этому стремились. У Стаса же был копеечный сайт его Института верховенства права, он всегда скромно был одет и о деньгах говорил мало. Даже когда он уже стал известным и мог заламывать цены, он никогда этого не делал».

В 2002 году Комитет «Гражданское содействие» и «Мемориал» привлекли Маркелова к защите семьи убитой полковником Юрием Будановым чеченской девушки Эльзы Кунгаевой. Правозащитники полагали, что тогдашний адвокат Кунгаевых Абдулла Хамзаев по состоянию здоровья может не справиться с объемным и сложным делом. Однако чеченский адвокат счел привлечение молодого коллеги вызовом себе. Тогда Маркелов заявил о выходе из дела. Летом 2004-го Абдулла Хамзаев умер от сахарного диабета. «Мемориал» предложил Маркелову вернуться в дело – тот согласился.

В апреле 2004 года Станислав подвергся жестокому нападению в метро. «На него напали 5 человек в вагоне, крикнув: “Довыступался!”», после этого он потерял сознание, – вспоминает Ольга Трусевич. – Его выволокли на станции “Дмитровская” и там продолжали пинать

ногами. У него не пропали деньги, но пропали из портфеля документы по его адвокатским делам.

Потом он лечился от сотрясения мозга. Писал заявления в милицию и прокуратуру¹ (1 Дело, возбужденное по ч. 2 ст. 161 УК РФ (не «разбой», а «хищение имущества») было вскоре закрыто за «невозможностью установления виновных лиц». В августе 2004 г. Маркелов добился возобновления расследования, но оно практически сразу снова было прекращено.). Но желания расследовать у правоохранительных органов не было абсолютно. А ведь там были камеры, и свидетелей можно было найти – просто не захотели: Стас тогда уже был известен по участию в деле о захвате “Норд-Оста” и вызывал негативную реакцию у представителей властей».

Маркелов не любил вспоминать это. Своему другу Ярославу Леонтьеву он даже не сообщил подробности. А Ольге сказал: «Ну что поделаешь, в России это закономерно. Попугать решили, а убить они не посмеют». В заявлении, поданном в милицию, Маркелов так описал нападавших: молодые люди лет двадцати, коротко стриженные, в черных куртках. «Его нельзя было запугать, – говорит Ольга. – Он как будто решил для себя, что пойдет до конца, и никто не заставит его свернуть».

В 2006 году адвокат Межреспубликанской коллегии адвокатов, член Международного союза адвокатов и Международного клуба адвокатов Станислав Маркелов создал Институт верховенства права, став его президентом. «Он собрал там юристов, которых считал неравнодушными, – говорит Влад Тупикин. – Он всегда мечтал создать в России общество левых адвокатов, которые бы на общественных началах оказывали помощь участникам демонстраций, жертвам нацистского насилия или милицейского произвола, и он понимал, что в одиночку ему не справиться. Этот Институт был его детищем, он очень верил в его возможности. Нескольких юристов из своего института он вывез осенью 2008-го на Европейский социальный форум в шведский город Мальме – хотел им показать, как во всем мире адвокаты занимаются защитой прав социальных активистов».

Судебные дела Маркелова последних лет весьма разнородны. В 2007 году он представлял в суде интересы матери антифашиста Александра Рюхина, убитого нацистами. В числе обвиняемых в этом убийстве трое активисты «Славянского союза» и неонацистской группировки «Формат 18». Так как основные убийцы по версии следователей скрылись, оставшимся переквалифицировали обвинение на более легкие статьи. Это вызвало протест Маркелова. Он считал, что убийц покрывают официальные силовые структуры. В июне 2007 года подсудимые получили от четырех до шести лет лишения свободы. После приговора на одном из националистических сайтов появились угрозы, что адвокат «будет следующим за Николаем Гиренко»¹. Ситуацию с ростом национализма в России Маркелов считал критической. Во время одного из публичных выступлений он сказал: «Мы находимся в ситуации, в которой война уже развязана. Противостояние фашистов и антифашистов – это реальные политические столкновения, которые постепенно переходят в разряд войны, где правоохранительные силы просто упустили время, дав образоваться огромному нацистскому подполью. Ему реально противостоят только антифа, которые появились скорее не из политического, а личностного выкрика: «Достали уже, потому что они начинают командовать в городах и на улицах».

Обо всех делах Маркелова рассказать невозможно. Только в последнее время он успел очень много. Защищал главного редактора «Химкинской правда» Михаила Бекетова в его противостоянии с городскими властями. Он вел дело об исчезновении чеченца Магомедсалаха Масаева, ранее жаловавшегося на похищения, содержание в «тайных тюрьмах» в Чечне. Это дело Стас намерен был довести до Страсбурга, здесь главным подозреваемым оказался бы чеченский президент Кадыров. Он представлял интересы жителей Благовещенска, избитых сотрудниками милиции в ходе массовой зачистки, и требовал привлечь к ответу высших милицейских начальников Башкирии, но лишь одного из обвиняемых милиционеров приговорили к 4 годам тюрьмы. Своей работой он вызвал недовольство сотрудников милиции, неонацистов, чеченских властей и российских военных, оправдывающих действия Буданова. И все-таки он не отступал.

В конце 2008 года дело Буданова вновь стало одной из главных российских новостей – полковника отпустили на свободу по его ходатайству об условно-досрочном освобождении. Станислав Маркелов направил письмо председателю Верховного суда Вячеславу Лебедеву, потребовав от него «нести личную ответственность за происшедшее». Сразу же после этого он стал получать угрозы. Так, известность получила одна из них, отправленная адвокату эсэмэской: «Ты безмозглое животное... опять влез в дело Буданова?! Придурок, не мог найти более спокойный способ самоубийства??!!»

17 января Станислав похоронил свою мать. Заявка на прессконференцию по делу Буданова была подана гораздо раньше – и он нашел в себе силы пойти на эту пресс-конференцию, чтобы потребовать расследования других преступлений Юрия Буданова в Чечне. И пообещал обратиться в Европейский суд.

А через полчаса он вышел из Независимого пресс-центра вместе с Анастасией Бабуровой, которая собиралась опубликовать в «Новой» его интервью и, отвечая на ее вопросы, пошел по улице Пречистенка в сторону метро. Наверное, он даже не понял, что случилось, когда подбежавший сзади человек в черной куртке и черной шапочке выстрелил ему в затылок. А Настя поняла – и развернулась, чтобы схватить убийцу. Второй выстрел стал смертельным и для нее.

«Стас не относился беспечно к своей безопасности, – говорит Ольга Трусевич. – Но милиция не реагировала. А у него не было денег, чтобы нанять себе телохранителя. Он не бедствовал, но все, что он зарабатывал, отдавал семье – у него было двое маленьких детей. И еще он не хотел подставлять друзей. Друзья предлагали провожать его с пресс-конференций, но он отказался. Потому что знал: если его захотят убить, то пострадают и те, кто рядом. Мы все виноваты в том, что это с ним случилось».

Выступая 30 ноября на митинге на Чистых прудах Станислав Маркелов сказал: «Я устал. Я устал встречать своих знакомых в криминальных хрониках. Это уже не работа, это вопрос выживания. Нам нужна защита от нацистов, нам нужна защита от мафиозных властей, от тех же правоохранительных органов, которые просто часто прислуживают им. И мы прекрасно понимаем, что кроме нас самих нам больше никто никогда эту защиту не даст. Ни Бог, ни царь, ни закон – уже никто, только мы сами».

Друзья Стаса говорят, что для них эти слова теперь – как завещание¹ (Более полный вариант статьи опубликован в журнале: Большой город, 2009 г. 11 февраля.).

Тупикин Влад. Устный доклад про Стаса и Настю

Мы со Стасом познакомились в очень давнем году, в разбросе между 1990-м и 1992-м. Мне почему-то кажется, что еще Советский Союз не почил в тот момент.

Первичный бульон

Стас выделялся тем, что был он приятный человек. В нашем общественном движении разные есть люди. Не буду утомлять вас перечнем разных неприятных фамилий, ну, хлыщи какие-то есть. А Стас был такой человек, с которым хотелось познакомиться. Я знал, что он социал-демократ и с моей стороны поэтому к нему была не то что ирония, но... В конце 80-х была такая дружба тире конкуренция между неформалами. С одной стороны, там была КПСС как общий враг, лозунги «долой 6-ю статью»¹, а с другой стороны...

1 Требование отмены 6-й статьи Конституции СССР, закреплявшей «руководящую и направляющую роль Коммунистической партии Советского Союза», было основным на первых массовых митингах времен Перестройки.

Стас был левый социал-демократ, и одно время за ним даже закрепилось прозвище Стас-ЛСД. Он и сам иногда так представлялся. Но это прозвище держалось недолго, Стас менялся. Но неизменным в нем оставалось то, что он был приятен в общении, всегда шутил, улыбался.

В движении было большое количество людей, молодых и совсем молодых, с каждым подробно поговорить было невозможно. У меня таких знакомых было несколько десятков. Так, перебрасывались словами на «Кропоткинской», где самиздат продавали по воскресеньям, еще где-то встречались. Собраний в те годы было ровно по дням недели: семь дней недели – семь собраний. Или больше даже. И на каждом было такое фрагментарное общение, о котором Утэ Вайнманн рассказывала, говоря про «Антикап-2008». Вроде и перемолвились, но там было еще 100 человек, все подходили и отвлекали. Подобное же общение было характерным для общественного движения в годы поздней перестройки. Потому не удивительно, что выделять Стаса из толпы я начал уже после сандружины, о которой многие вспоминают. То есть именно осенью 1993 года, во время трагических событий на улицах Москвы я заметил его по-настоящему.

Хиппи на передовой

Мне осенью 93-го не нравилась ни та, ни другая сторона конфликта. Извечное русское противоречие «с кем быть» я решил известным русским способом: начал пить. У меня был

день рождения 20 числа, а 21-го, когда Ельцин объявил Указ 1400 – я еще не протрезвел. Мы смотрели по телевизору на этого осоловевшего Ельцина, и сами такие же осоловевшие были. А насмотревшись, немедленно сгоняли в киоск, и я дальше почти и не просыхал до самого 3 октября... Когда уже пришлось просохнуть.

А другие люди, оказывается, поняли, что дело плохо и что, неровен час, придется помогать раненым, они создали сандружину и взялись помогать. Здесь присутствуют многие из этой дружины: Оля, Петя, Ярослав – а вот Стаса, к сожалению, нет.

Я тогда еще присвистнул про себя: вот это да! Вот это Маркелов дает! Волосатый, а туда же! В дружине были и другие совсем молодые ребята, в том числе панки, я смотрел на них и удивлялся, как только смелости у них хватило?!

Ну, Маркелов же был такой хиппи поначалу. Длинные волосы, хайратничек на голове, растянутый невзрачный свитер. Он всех и веселил, и сам выглядел немножко смешно. Мы же, наоборот, тогда выглядели немножко потертыми, но с претензией на солидность. Я костюм тогда, бывало, надевал совершенно всерьез. У меня была борода и усы (усы я обкусывал, когда нервничал). А как дошло до дела...

Насколько Маркелов упертый в хорошем смысле слова, я понял позднее, во всяких палаточных лагерях. Например, в Прямухино на восстановлении усадьбы Бакунина, в 1995-м или в 1996 году, известная история, когда мы остались там без денег и без еды. И Стас ради физического выживания отряда организовал экспедицию за грибами и ягодами. Они ушли рано утром вчетвером, а вернулись затемно. И принесли огромное количество грибов, этого нам как раз хватило на три дня, пока деньги не приехали.

Эколог, ходок

Еще одна история связана с Волгодонским антиатомным палаточным лагерем 1996 года, когда на нас напали ОМОНовцы, охранявшие атомную станцию и побывавшие уже перед тем в Чечне. Они сделали нам такую маленькую «зачистку-фильтрацию». Всех молодых людей избили, всех обыскали, палатки тоже обыскали, фото-видеотехнику украли, какие-то ценные вещи украли... Там и другие были напряженные моменты. Обо всем этом надо было сообщать нашим сторонникам в город. Мобильников тогда еще не было, лагерь был в 13 км от городской черты, непосредственно у самой станции, которая тогда еще не была запущена, и в 15 км от дома, где жила Резникова, главная местная антиатомщица, которая нас туда и позвала выступить против АЭС.

Это была такая сухонькая южная старушка, которая то ли еще не поседела, то ли волосы красила. Натянутая как струна, она была с какими-то своими убеждениями, придерживалась вегетарианства. Помню, что у нее постоянно на плите стояло несколько кастрюль с овощным рагу, которым она кормила всех голодных активистов. И долговязый Маркелов, когда нужно было какую-то весточку передать ей из лагеря, оказывался первым кандидатом, чтобы сходить в город. Так он все время и ходил туда, а потом обратно. Потому что Резникова звонила журналистам, что-то выясняла, давала инструкции или делилась какой-то важной информацией, которую надо было передать обратно в лагерь. Она кормила

его своим извечным, но очень вкусным овощным рагу, потом он шел обратно до лагеря. Один раз, вернувшись, он выяснял вдруг, что стряслось еще что-то и надо снова идти к Резниковой. И тогда Стас вздохнул... Он совершил четыре конца за тот день, всего 60 км.

После нападения ОМОНовцев он уже сторонился дороги, шел полями и перелесками, что делало его путь еще труднее.

Человек, который мог бы сказать: «Ребята, я устал. Я два раза за день ходил. Кто-нибудь еще ходите, пожалуйста» – наоборот, говорил: «Нет-нет, я все равно быстрее всех доберусь. Я сейчас снова пойду». В нем была эта готовность всегда служить общим интересам, вкладываться в это по полной, идти пусть не на жертвы, но на явное ущемление личного комфорта.

Юрист

Человек, который вел огромное количество дел, он в то же время никогда не отказывал в бесплатных консультациях активистам. Я помню, как приехала антифашистка с юга России, из провинции. Там был у них какой-то судебный процесс или еще какой-то напруг с ДПНИ (Движение против нелегальной иммиграции). И Стас начал сперва разбирать это частное дело, а потом сказал, посмотрев на меня: «Так, здесь присутствуют журналисты. Давайте свои тетрадки открывайте, я вам сейчас лекцию прочту о том, как вообще надо себя вести, если что-то случилось. Милиция, ДПНИшники или кто-то вас обвиняет. Вас хватают – что делать?» Далее он час целый нам рассказывал, что делать, – и мы это конспектировали.

И я знаю, что подобные лекции он произносил не раз и не два. И не в одном городе, и не в двух, а очень много где. И ни разу этим не гнушался.

Антифашист, активист

Если кто видел «Красную книгу антифа», там фамилия автора не указана, но каждому, кто более или менее знал Стаса и читал эту книгу, авторство было понятно без каких-либо сомнений. По размеру это небольшая брошюра, она в сети где-то висит, а в 2008-м была издана на бумаге. Это была попытка теоретического осмысления движения антифа, написанная простым языком, понятным любым участникам движения, даже школьникам. Или даже тем, кто не окончил школы по причине социального неблагополучия. Эту книжку, теперь уже можно об этом сказать, конечно, тоже написал Стас. И сам же ее издал.

Он всегда так хитро улыбался, передавая ее ребятам целыми пачками, и говорил: «Ну, я не знаю, где она берется. Ее где-то раздают. Вот у меня она тоже есть. Я тут как-то шел и взял». Мы, кто знал этого человека много лет, привыкли к его шутовскому строю речи, к тому, как он изъясняется почти всегда с улыбкой, со смехом, – для нас это «шел-взял» было совершенно прозрачно. Авторство очевидно: местами «Книга...» текстуально совпадает с его статьями.

Когда Стас стал уже практикующим адвокатом, то он старался избегать подписей под своими статьями. Как-то во второй половине 90-х в анархистском журнале «Наперекор»

напечатали его статью про Беларусь, про выступления оппозиции. И Стас тогда ругался, что редакция оставила его фамилию. Говорил, что это ему будет мешать защищать людей, мешать делать его главную работу. Проблема анонимности публикаций для него была существенна.

Стас не был просто адвокатом. Он и сам был зачастую участником тех разных общественных движений, других участников которых он защищал. Конечно, он был глубоко идейным человеком, он придерживался левых взглядов, он был вегетарианцем.

«Догматических» разговоров я со Стасом не вел, наверное, никогда. Его личность не располагала к таким разговорам, выяснению, насколько он левый, какой именно левый и т.д. И подход его, и тематика разговоров – в общем, все, что от него исходило, итак об этом явно говорило.

Последняя встреча со Стасом была у меня тогда же, когда и у Утэ Вайнманн, в декабре, на политическом фестивале «Антикап-2008». Мы махнули друг другу, пожали руки, о чем-то коротко перемолвились. Он уже уходил после секции антифа, я только пришел и сразу должен был вести – как раз вместе с Настей Бабуровой – секцию «Медиа», к ведению которой, мягко говоря, готов был не очень. Я нервничал, Стас торопился. Стоя у столика с брошюрами, книгами и активистской прессой, он сразу показал мне на очередную «где-то найденную» стопку «Красной книги антифа» и лукаво улыбнулся: «Вот видишь? Лежит. Я же тебе говорил, что она лежит в каких-то местах, то там, то здесь. Вот и здесь тоже лежит».

Настя

С Настей мы были знакомы полтора года: с лета 2007-го. Я читал тогда свою очередную квази-лекцию для активистов по истории общественного движения. Это бывало когда где, когда в чьем-то офисе, когда в столовой, а в тот раз пришло 35 человек. В офисе МХГ, который нам был обещан, помещалось 15 человек в зале или 20, если девочек посадить на колени к мальчикам или к другим девочкам, и 25, если некоторых посадить на стол. В общем, 35 никак не помещалось, и мы пошли на бульвар, благо было тепло. Я сорвал себе голос за три часа непрерывного говорения.

На лекции впервые была Настя, которая выделялась высоким ростом и вообще как-то очень прямо держалась. Перед началом она ко мне подошла... Ну, мероприятие это очень неформальное было. А она мне почти официально представилась, сказала, что она подруга известного мне Саши с журфака, спросила, можно ли ей послушать. Я удивился: никто же мне не представлялся, а она сочла это важным.

– Я журналистка, – добавила она. – Но это неважно. Я не потому пришла, что я журналистка.

По-моему, она несколько стеснялась этих «Известий», этого экономического отдела.

Дальше я стал эту девушку замечать на разных собраниях и общественных тусовках все чаще. С весны 2008 года мы с ней почти что подружились. Тогда как раз была эта демонстрация на Тверской против милицейского беспредела. 18 апреля мы перекрыли

движение и прошли от Пушкинской площади до метро «Белорусская», где все успешно спустились в метро. Через пять минут приехал ОМОН, а никого нет. Она там тоже шла в этой демонстрации. Я ее увидел и спрашиваю:

- Ты что, выбежала из редакции посмотреть, что ли? (редакция «Известий» находится на Пушкинской площади).

- Нет, ну ты что! Я тут вообще не как журналист. Я участвую.

Потом было 1 мая в Сокольниках. Настя там была раскрашена в клоуна и играла на дудочке. Это была такая спокойная вечерняя маевка, релаксация и afterparty после двух утренних демонстраций. Вечером в 6 часов все собрались у фонтана в Сокольниках, в парке. Там был, что называется, sit-in или be-in даже. То есть мы сидели, лежали на траве, тусовались, ходили. Пили... квас. Действительно квас! ФНБшники («Еда вместо бомб») привезли пару сорокалитровых бидонов кваса. Не покупного, конечно, они сами его сделали, сквасили из подручного хлеба, каких-то фруктов, изюма. Еще там раздавали вегетарианскую еду. Настя в костюме клоуна ходила и играла. А потом уехала с группой велосипедистов отвозить реквизит, костюмы. Был один свободный велик, Настя предложила его мне, но я устал и, хотя компания была что надо, решил, что как-нибудь в другой раз с ними покатаюсь. Но это не вышло.

Я – известное всем в движении лицо без профессии, имею склонность выпускать какой-то бумажный и электронный самиздат или мутить еще какие-то проекты типа тех же лекций и семинаров. В одно рыло, мне честно говоря, скучновато это делать. Быстро надоедает, поэтому я все время ищу себе компанию. В 2008-м настал момент и к Насте подкатывать, и к некоторым другим московским анархожурналистам. Все же заняты – время такое, и город такой, да и вообще жизнь безумная, у всех свои проекты. Но Настя сразу согласилась. Она ответила: «Да-да-да! Как только у тебя все будет на мази, я и репортажей напишу, и могу тебе все сверстать, сделать макет полностью».

Мне она так ничего не сверстала, не успела – я слишком тормознутый, но в «Автономе», вышедшем через пару дней после их со Стасом гибели, как раз ее верстка и несколько ее статей. Они подписаны: Skat.

Мне кажется, она ничего не боялась вообще. Людям изначально ведь свойственен страх нового, страх непривычных обстоятельств. И потом, когда его вроде победишь, он, бывает, возвращается. Но она точно сознательно его изживала. Она старалась как-то соответствовать вызовам времени, места, обстоятельств. Я не слышал ее доклада на «Прямухинских чтениях», потому что, нервно курил, пытаюсь решить, буду ли я сам докладывать. Пока я на крылечке это решал, она свой доклад как раз прочитала. Не знаю, был ли он хорош; не думаю, что он был особо научен – все-таки она не историк. Но тот факт, что она решила не просто поехать на халявном автобусе вместе с учеными на конференцию, а потом закосить и все время провести на речке или в парке, или тихо выпивая в сторонке... Она слушала все доклады, что-то записывала себе в тетрадку, и сама выступала. Это ее такое стремление вникнуть, его непременно надо отметить.

Заметна была ее любовь к японской культуре. Не только стихи ее были в японском стиле, но даже внешность – то, как она себе брови выщипывала одно время и старалась, чтобы лицо ее приобрело более азиатский вид. А ведь на фотографиях времен Крыма ничего такого нет. Причины? Ну, я, в общем, в душу к ней не лез, а сама она была хоть и очень общительной, очень живой, хоть и легко шла на контакт, но... Было понятно, что у нее богатый внутренний мир, который она не стремится первому встречному сразу же изложить. Панибратства в духе плацкартного вагона «после первой выпитой» там не было.

Говорят о том, что в 2008 году она всерьез начала собирать информацию о фашистах. Не знаю наверняка, но думаю, что так и было. Обратите внимание на тематику ее последних статей в «Новой газете». Известно, что Настя даже дралась с фашистами. Как говорят в молодежной неформальной среде, «гоняла за антифа». Совершенно естественно и то, что она собиралась проводить какие-то расследования. Так что случайной жертвой никак ее нельзя назвать. Она совершенно не случайно оказалась рядом с Маркеловым и, конечно, совершенно не по тем причинам, которые пыталась озвучить одна совершенно неприличная газета с Пушкинской площади. А по причинам вполне политическим и связанным с общественной борьбой, с ее пониманием журналистской профессии.

Что довольно редко происходит, и что произошло как раз с Настей, это когда журналист переходит какую-то черту и становится не совсем уже журналистом. В свое время Степанов, в 94-м году работавший ответсекком «Новой газеты», тогда еще «Новой ежедневной», говорил мне: «Тупикин, мне непонятно, ты вообще агент “Новой газеты” в общественном движении или агент общественного движения в “Новой газете”»? Я его успокаивал тогда, потому что даже когда пишешь о ком-то с любовью и о ком-то с ненавистью, врать при этом все равно неинтересно и потому вроде не так важно, что ты занимаешь чью-то сторону. Но вообще он тогда верно ухватил проблему, верно догадался: я, конечно, играл за общественное движение. Так вот, Настя, по-моему, также знала, на чьей она стороне, и, в общем, свою работу журналиста она воспринимала именно в этом контексте. Понимала, что, кому многое дано, с того много и спросится, понимала, что дано ей много и что нужно отвечать по-серьезному.

Одним словом, этой некоторой несерьезности, что свойственна мне, как старому панку, в ней совершенно не было. Она была хотя и веселым, но совершенно серьезным человеком. Думаю, она действительно серьезно собиралась заниматься разоблачением нацистов. И наверное, уже начала этим заниматься. А со мной, несерьезным, понятно, не делилась.

Еще она была такой полуночницей и очень работоспособной какой-то. Я помню, однажды (это была середина ноября, уже после нападения на Бекетова) мы с ней говорили полтора часа в чате. Что-то между половиной пятого и шестью утра. Я собирался ложиться, а ей надо было как раз идти на суд. Я как-то постеснялся спросить, зачем, думал – по поводу какой-то очередной акции, на которой Настя попала по административке в милицию. А выяснилось, что это был суд над Тесаком (Марцинкевичем), на который она как журналистка должна была пойти. Потому я и не сразу, а только потом понял контекст ее слов: «Подходил там ко мне один дядечка и говорит: “А вы в «Новую»- то, конечно, напишите, чего уж там взять с «Новой», а вот в ЖЖ – не надо”». То ли ФСБшник это к ней какой-то подходил, то ли, может, других каких спецслужб сотрудник. А не спала она тогда потому, что «Автоном»

верстала.

Настя, будучи серьезной и ответственной, была скромна и проста в общении. Весной 2007-го, еще до личного с ней знакомства, я нашел в сети ее ЖЖ. Дневник у нее был не особо-то популярный, я обратил на него внимание через какие-то перекрестные ссылки, мне показалось, что она умно повела себя в сетевом споре, которым и я интересовался. Полез в ее дневник, посмотрел, он представился мне таким очень личным и немного загадочным, человеку, с ней незнакомому, далеко не все там было понятно. Я нашел какие-то ее стихи, они мне искренне понравились, и я написал ей, что этот твой стих я бы в свой анархистский самиздат хотел бы взять, если ты не против. Она ответила, что, конечно, не против – бери. Но, вообще-то, говорит, это не одно стихотворение, а несколько, это хокку, просто выложены подряд, и они вообще про разное. Спустя несколько месяцев мы с ней познакомились на моей лекции, но она не призналась, что это были ее стихи и ее ЖЖ, я узнал об этом только осенью.

То, что она делала летом 2008-го в Ясном проезде, где она помогала жителям общежития, незаконно выселяемого сотрудниками УФСИН, тоже в обычную журналистику не особо вписывается. Как она залезла в этот заблокированный «силовиками» дом, я вообще не понимаю, по трубе, что ли, в окно, но как-то залезла внутрь. И там внутри она некоторое время продержалась, вела репортажи, вывешивала их в сеть. Там ее в итоге и задержали, вместе с другими людьми она провела сутки в милиции.

Настя вообще впрягалась во всякие «траблы», в проблемы. У меня был один некоммерческий проект, где нужна была техническая, «непочетная» помощь разных людей. Славы на этом уж точно получить было невозможно, а денег – тем более. Но она, похоже, никогда от подобной загрузки не отказывалась и потому сразу «нашлась». Осенью 2008 года она уволилась из «Известий», уже понятно было, что наступает кризис, а она вообще-то не москвичка, ей надо снимать комнату и платить за нее, т.е. надо зарабатывать постоянно. И на всякие не связанные с зарплатой вещи, понятно, меньше времени остается. Я и сам очень сомневался в своем проекте, я понимал, что не только у нее проблемы с деньгами, со временем, я серьезно сомневался в его осуществимости. Но Настя мне сказала: «Нет-нет-нет! Отказаться? Что ты? Я же тебе обещала. Я ведь не дала отбой, значит, так все и будет, я буду тебе помогать обязательно, и обязательно сделаем».

И Маркелов так же себя вел. Такой же алгоритм.

Трудно говорить, но он мне напомнил об одном важном затянутом мною проекте при последней нашей встрече, и с такой тяжелой укоризной, без шутки: «Что же ты, Влад?! Ну, нельзя же так! Ну, ты когда уже обещал...» С моей стороны были повинные слова, я и думать забыл, что Стас может помнить об этом деле, а он вот напомнил мне, как и всегда напоминал. Он всегда все помнил.

30 ноября 2008 года и несколько дней после

В 2008 году 30 ноября выпало на воскресенье. В Москве на Чистых Прудах был заявлен митинг против нападений на общественных активистов (в середине ноября 2008-го было

несколько знаковых нападений одновременно – на журналиста и активиста Михаила Бекетова в Химках, на социологиню и активистку Карин Клеман в Москве, на профсоюзного лидера Алексея Этманова под Питером, плюс нападения на других активистов в Подмосковье и не только, всех случаев я сейчас уже и не упомяну).

На митинге было человек 300 и впервые, кажется, пришли на общий, не-анархистский и не-левацкий митинг многие молодые антифа, помню их транспарант с эмблемой Антифашистского действия, маски эти, ныне столь популярные по гриппозной теме.

Выступали много кто, в том числе и Стас Маркелов. Собирался даже и я взгромоздиться на трибуну (хотя в целом я не митинговый, конечно, оратор, я себя лучше чувствую в аудиториях, покрыть которые голосом можно и без микрофона), но когда услышал речь адвоката Маркелова, подумал: да ну, зачем я буду теперь повторяться, Стас все отлично сказал.

Я дождался окончания митинга. Было холодно, я искал, с кем бы пойти в какой-нибудь кабак, выпить чаю или чего там (тогда я еще пил алкоголь). Подобралась компания, почти случайная, человек десять. Среди них – Стас и Настя. Мы пошли в «Билингву», на второй этаж, на балкончик, сдвинули два стола, стали обсуждать, что заказывать. Ко мне сразу пристали с каким-то вопросом по истории левого движения, я погрузился в объяснения и половину или более общего разговора прослушал. Пока не договорил, прервал процесс вещания я только однажды, когда Настя принесла пару кувшинов пива и сказала, что угощает: у нее день рождения, 25 лет. Это было сюрпризом для всех: никто этого не знал заранее, подарков не приготовил. Я вспомнил тогда свои 25: «Ого, – думаю, – взрослая уже!» Мы, конечно, провозгласили тост за именинницу, поулыбались и погрузились снова в свои разговоры и разговорчики. Стас все время отвлекался: даже сюда, в «Билингву», к нему приходили и приезжали клиенты, он уходил с ними в другой конец заведения, где было тише и не было лишних ушей, разговаривал. Я, наконец, завершил свою мини-лекцию и одним глотком осушил чуть ли не полкружки.

Сидели мы за столом не очень долго, может, часа два. Потом разошлись кто куда. Я пошел на собрание в другой кабак, Настя, кажется, совершенно не захмелевшая (она пила, впрочем, не пиво, а какое-то вино из бокала, может быть, шампанское), поехала куда-то праздновать дальше.

В другой раз мы увиделись с ней 6 декабря в гостиничном комплексе «Измайлово», в одном из цокольных этажей, где проходила разговорная часть фестиваля «Антикапитализм-2008». Мы должны были вместе вести медиа-секцию. Я заявился минут за тридцать до ее начала, увидел Стаса, он поздоровался со мной, не без гордости, широким жестом показал на стопку ризографических брошюр в красных обложках – ту самую «Красную книгу антифа», которую, теперь об этом можно уже говорить, он сам и написал. Я, как всегда, был увлечен какими-то девочками и женщинами, кокетничал, здоровался за руку то с одной, то с другой, так что невеселые вещи о том, что ему снова угрожают нацисты, Стас рассказал в этот вечер не мне, и разговор этот был передан мне только несколько дней спустя, после моего возвращения из Петрозаводска.

Мы вышли с Настей покурить на лестницу и решить, как будем вести секцию медиа. Настя курила не помню какую марку, я чередовал вкусные самокрутки и злые фабричной выделки горькие сигариллы без фильтра (тогда я еще курил).

Мы вроде договорились уже к концу второй, но все же я не выдержал и скрутил себе третью сигарку. Почему-то я нервничал, вроде бы беспричинно.

Когда мы уселись с Настей в так называемом «президиуме» – за стол с торцевой части, лицом к залу, – все пошло не так. Настя спонтанно решила, что наши вводные речи по 10 минут каждому, на которых мы сошлись только что, не нужны, что надо сразу предоставить слово залу. Я был с этим не согласен, мы поругались прямо при всех, в «президиуме», теперь уже больше нервничала Настя: я, в общем, обидел ее.

Как-то секция прошла, мне надо было бежать на поезд, я наскоро попробовал заполировать с Настей конфликт и вроде бы это получилось. Но все равно совесть у меня была нехорошая и потому вопрос о возможном совместном участии в новой анархистской газетке, который мы предварительно обсуждали с ней в октябре или в ноябре, я решил отложить до Нового года, а вернее, до посленовогодней второй половины января.

Так вышло, что эта встреча с Настей была последней. Я много писал в декабре и январе, много разъезжал (в Петрозаводск, в Питер, не помню, может, и куда-то еще), пропустил несколько уличных акций, в которых Настя участвовала. 1 или 2 января она звонила мне, спрашивала, не знаю ли, кому можно прямо сейчас продать одну важную новость. Был Новый год, я даже не спросил, о чем она, дал чей-то телефон и пожелал удачи. И это был последний телефонный разговор с Настей.

19 января 2009-го я был уверен, что увижу ее на Курском вокзале, где анархисты проводили контракцию против антимигрантской акции МГЕРа (Молодая гвардия «Единой России»). «Коммерсантъ» сообщил на другой день, что я был там задержан: неправда, я отличился иным образом – помог спасти из лап МГЕРовцев одну нашу активистку, которую они пытались прямо на перроне похитить. Там были разные наши ребята и девчонки, и около двадцати из них действительно были задержаны милицией, но Настя там не появилась и задержана, соответственно, не была. И репортаж не написала. В этот день она почему-то решила пойти на пресс-конференцию Стаса Маркелова, хотя со многими его делами и так была хорошо знакома, так как готовила подробное интервью с ним для «Новой газеты».

Все знают, что было дальше: с этой пресс-конференции Анастасия Бабурова и Станислав Маркелов не вернулись. Их остановили выстрелами в головы, в упор.

Голованов Василий. Viva, анархия!

Давно не писал в газету. И вдруг проняло. В связи с гибелью адвоката Станислава Маркелова и журналистки Анастасии Бабуровой.

Желание это понятно, и главное – об этом событии все написали уже на следующий день. Я о другом. В какой-то статье выбор Насти – а она была анархистской – был назван «маргинальным». Вот тут мне захотелось написать что-нибудь в духе неполиткорректности.

Почему анархизм – маргинален? Я вырос при коммунистах, которые превратили идею народовластия, идею правды и справедливости на земле в кровавую баню, ложь, помноженную на ложь и старческий маразм последних своих лет. Они – не отбросы истории, не маргиналы?! Мне присудили медаль «За защиту демократии»; я отказался от медали. Я не защищал демократию. Я защищал свое достоинство, свою свободу. И видел потом, как демократы последовательно просрали и свободу, и реформы, подавили (простым налогообложением) свободное предпринимательство и деятельно включились в передел страны.

Кто они после этого? Не маргиналы?! Я видел, как укрепляется «вертикаль» единокороссов, которые пришли во власть как рачительные хозяева, а в результате только отогнали олигархов от корыта и приложились сами-с... И уж закрутили винты... Чтобы ни одна сволочь... Кроме них... Я не говорю про нынешних оппозиционеров – зюгановцев, элдэпээровцев, нацболов... Жеваный пар, вчерашние амбиции, не о чем говорить...

Я считаю себя анархистом со студенческих лет. Как-то почитал, попал в традицию: Лао-цзы, Толстой, Кропоткин... Теперь мне уже сорок восемь, но я по-прежнему думаю, что анархизм – это достаточно серьезный выбор. Не политический. Гораздо более глубокий, архетипический, в основе которого лежит не логика, а чувства: чувство высокой внутренней свободы и обостренное чувство социальной справедливости и несправедливости.

Выбор в пользу анархизма – выбор независимо мыслящего человека. Разумеется, чтобы быть свободным и мыслящим, необязательно быть анархистом. На наше счастье, мир божественно разнообразен. Но свободный и мыслящий человек был и остается главным оппонентом власти, особенно – «вертикальной», имперской. Политическая программа анархизма, выражаемая одним словом – «самоорганизация», – прекрасно понятна физикам, биологам, специалистам по синергетике, но начисто вымарана из сознания электората желанием «порядка», «сильной руки» и другими словосочетаниями, с которых начинается фашизм. Значит, анархисты – не на маргиналиях (что буквально значит: на полях) нынешней политической жизни; они вне ее и впереди.

Происшедшее убийство – ужасно. Потому что думающий индивид – это результат очень виртуозной и длительной селекции. А тут погубило сразу двое... В такие минуты бывает страшно за страну, в которой мы живем. За партию власти и порожденные ею и ФСБ политические креатуры, разыгрывающие перед народом спектакль, именуемый «политической жизнью». За их понятия о свободе, когда 99%, СМИ представляют собой инструменты особо циничного оболванивания народа. Когда любой гаишник, да и вообще любой мент, может недовольным окриком превратить в ничтожество любого гражданина РФ. А любой «Марш несогласных» вызывает определенно фашистские интенции власти. Страшно за те понятия о «социальной справедливости», в которых мы живем. Когда горстка олигархов, поделивших природные ресурсы страны, может позволить себе скупать недвижимость и футбольные команды в Европе, а большинство населения за пределами Москвы не имеет гарантированного права на труд и сколько-нибудь достойной оплаты этого труда. Когда кукла «Барби», «облаченная в платье с 44 бриллиантами круглой огранки», продается (и покупается!) за 100 000 долларов, а содержание больного в клинике областного формата стоит от 50 до 100 рублей в день. Когда чиновники лепят себе дома «по миллиону евро за коробку» и вовлекают в эту «погоню за миллионом» всю нацию, которая уже (целиком или в значительной части?) элементарно разучилась работать... И все это – не обсуждается. И никому не стыдно. И даже не страшно.

Ибо все изменится. Уже скоро, через 10–15 лет. Однажды я выступал в школе и спросил старшеклассников: «Откуда придет трындец вашему поколению?». «От вашего поколения!» – последовал бодрый ответ. «Но эта штука никогда не приходит из прошлого – только из будущего». – «Тогда от наших детей?» – «Честно говоря, судя по вашим взглядам на жизнь, по вашим запросам и неумению мыслить, я думаю, что именно на вас-то все и лопнет – вы сожжете Землю и даже не заметите этого».

Самое опасное во власти – это мозговой спазм, судорога, вызванная стремлением удержаться, неспособность хотя бы одним глазком заглянуть в будущее. Сейчас, в разгар экономического кризиса, мы наблюдаем конец виртуального мира, мира дутых ценностей и дутых цен на них – и видим вместе с тем совершенно растерянное, испуганное человечество. Мы видим, как, пытаясь выбраться из кризиса, сильные мира сего вновь стараются навязать свои привычные ценности, привычную стратегию наживы и передела ресурсов новому, глобальному миру планеты Земля, который не может больше жить по этим законам. Все продвинутые мыслители на рубеже тысячелетия говорили об этом. Но кто во власти читал их? Кто хотя бы пробежался по клавиатуре книг С. Грофа – В. Налимова – Ф. Капры – Н. Моисеева? Ментальная действительность завтрашнего дня будет отличаться от сегодняшней больше, чем сегодняшняя – от Средневековья. И главной темой тысячелетия будет – построение экологически устойчивых экономик, сообществ и социальных институтов. Если нет – трындец. А если да? Тогда все, решительно все должно измениться: отношение к Земле, к живому вообще, к себе как к человеку, к своей миссии, к потреблению, к объему допустимого богатства, к своему автомобилю, к ближнему, даже если он не Христос, а беженец из экологически и социально терпящей бедствие страны. Государство тоже станет иным: может быть, оно станет тонко и сложно организованной, многоуровневой, экологически устойчивой самоорганизующейся живой системой. Не знаю ни одного анархиста, которому надо было бы объяснять это.

И ни одного представителя власти, который бы с этим согласился.

Что ж – время коротко и ждать недолго. Но потому я так и скорблю о вас, погибшие брат и сестра мои, мыслящие цветы! Перед миллионами загнанных или добровольно ушедших в бездумие я славлю вас!

И да здравствует анархия!

Новая газета. 15.02.2009

Эпилог

Смерть – похороны – поминки – девятый день – сороковой... Таков заведенный порядок прощания с человеком, путь к небытию и забвению.

Однако с некоторыми людьми бывает иначе. То, что происходит после смерти человека, – как с ним прощаются, где и как его поминают, вскрывает и высвечивает суть и смысл его жизни.

Первой реакцией на убийство Стаса Маркелова и Насти Бабуровой было потрясение, действия людей – спонтанными. Разумеется, никто не испрашивал никаких санкций у властей. 20 января в полдень в Москве сотни людей пришли с цветами на место убийства, к дому 1 по Пречистенке; милиция вяло пыталась этому препятствовать. Неразрешенные шествия прошли 23 января по улице Большая Покровка в Нижнем Новгороде, и 28 января в Кирове – милиция не вмешивалась, и обошлось без задержаний. В Барнауле 21 января милиционеры заранее ждали на месте сбора, и хотя люди заметили, что это все равно что похороны, – «не получают же разрешение, когда хоронят!» – милиционеры проверили и переписали у всех документы. Замешательство властей было недолгим: 8 февраля в Москве на бульварах дежурили около сорока автобусов с ОМОНОм и внутренними войсками, и после того, как группа молодых людей пришла на место убийства и возложила цветы, их задержали – милиционеры заявили, что те «находились на месте начала запрещенного мероприятия».

Шествия и акции памяти – пусть по преимуществу немногочисленные, – спонтанно прошли в десятках городов по всей России. Где-то смысл акций определялся местом их проведения, где-то – лозунгами.

В Барнауле люди пришли к памятнику «От борющихся – павшим борцам за социализм», в Тюмени – к монументу «Борцам революции». Однако в Сочи и в Уфе акции прошли у памятников жертвам политических репрессий.

«Фашисты убивают – власти покрывают!», «Государство – убийца!», «Ваше молчание оправдывает убийство», «Имя России – Стас Маркелов!», – под такими лозунгами прошел марш 15 февраля в Москве. Определеннее всего об ответственности государства говорила акция 8 февраля в Санкт-Петербурге: к стене «Большого дома» на Литейном проспекте прикрепили доску с надписью «Здесь решают, сколько и кому жить», поставили портреты убитых, венки, положили живые цветы и зажгли свечи. «Нет политическим убийствам!», «Их убивала система!» – вот лозунги саратовской акции 1 февраля. Но системой стали и сами безнаказанные убийства общественных активистов: 27 января в Воронеже на брусчатку положили обведенные белым контуром черные силуэты с именами Стаса, Насти, Анны Политковской, Магомеда Евлоева и Ильи Бородаенко.

Акции памяти прошли и за пределами России – у российского посольства в Киеве, у консульств во Львове, в Минске и в Берлине. В Салониках греческие анархисты на час заблокировали российское консульство. Памяти убитых был посвящен прошедший 7-8 февраля в Севастополе, на родине Насти, юношеский турнир Украины по греко-римской борьбе. В Риме люди собрались почтить память Станислава Маркелова и Анастасии Бабуровой на площади Кавур, напротив Дворца правосудия, а в Париже – у фонтана Невинно убиенных.

Невинно убиенных? Жертв?

Бойцов, павших в войне с фашистами, с государственным террором, с социальной несправедливостью.

Разумеется, собирались и друзья убитых – на девятый и на сороковой день в Сахаровском центре. А 20 мая, в день, когда Станиславу Маркелову исполнилось бы 35 лет, мы собрались в московском Доме журналиста, чтобы вспомнить живого человека, мудрого и веселого товарища, масштаб и многогранность личности которого мы только начинаем осознавать.

Краткие сведения об авторах воспоминаний

Алленова Ольга Владимировна, журналистка, «Коммерсантъ»

Бергалиева Ирина Максумовна, лидер движения «Общежития Москвы и Московской области»

Былевский Павел Геннадьевич, журналист, коммунист

Вайнманн Утэ, журналистка, политолог, левая активистка

Витни (Ольга Игоревна Швынденкова), участница Прямухинской вольной артели

Ганнушкина Светлана Алексеевна, преподаватель математики, правозащитница, «Гражданское содействие», «Мемориал»

Голованов Василий Ярославович, писатель, историк, журналист

Дамье Вадим Валерьевич, политолог, историк доктор исторических наук, сотрудник Института всемирной истории РАН, анархист

Желенин Александр Сергеевич, политолог, журналист, левый активист

Измайлов Вячеслав Яковлевич, военный обозреватель «Новой Газеты»

Кудюкин Павел Михайлович, активист социал-демократического движения, историк, политолог, доцент ВШЭ

Кучинский Максим Геннадьевич, этнограф, эколог, анархист

Леонтьев Ярослав Викторович, историк, доктор исторических наук, преподаватель МГУ им. Ломоносова, левый активист

Лозован Дмитрий Александрович, анархист

Митина Дарья Александровна, журналистка, коммунистка

Пономарёв Лев Александрович, физик, правозащитник, «Движение за права человека»

Ракитский Борис Васильевич, социолог, экономист, доктор экономических наук, активист социал-демократического движения

Рублёв Дмитрий Иванович, историк, кандидат исторических наук, преподаватель Московского государственного университета природообустройства, журналист, анархист

Рябов Пётр Владимирович, философ, историк, кандидат философских наук, преподаватель МПГУ, анархист

Санникова Елена Никитична, участница диссидентского движения, правозащитница

Сызганов Василий Васильевич, адвокат, «Институт Верховенства Права»

Таубина Наталья Евгеньевна, правозащитница, Фонд «Общественный вердикт»

Тарасевич Григорий Витальевич, журналист, «Русский репортер»

Трусевич Ольга Георгиевна, архивист, правозащитница, «Мемориал»

Тупикин Владлен Александрович, историк, журналист, анархист

Федотова Ирина Михайловна, журналистка Франческа (Иванова Ольга Викторовна), журналистка, левая активистка, комиссар Лагеря им. Че Гевары

Черкасов Александр Владимирович, инженер, журналист, правозащитник, «Мемориал»

Чирикова Евгения Сергеевна, лидер «Движения в защиту Химкинского леса»

Щербакова Людмила Александровна, преподаватель иностранных языков, сотрудница «Мемориала»

Яковлева Наталья Александровна, директор «Независимого прессцентра»